

ЛИТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК 12

Київ - 2020

Дорогой Читатель! Перед тобой новый, двенадцатый номер альманаха «Каштановый Дом». В Доме есть «долгожители», а есть «только что поселившиеся» поэты и прозаики, «земляки» и «иностранцы». Но всех их объединяет одно – любовь к слову, радость созидания, счастье творчества. Если ты не прошёл мимо, а открыл эти каштановые страницы, ты – один из нас.

Визитная карточка

ПЕТРО МІДЯНКА
Київ

***

Тоніцька цівочка води,
Тоненька цівка.
Були тут оленя сліди,
Була Петрівка.

Ти знаєш: є у тебе терьх
Вітця і мами.
І все життя: з верха на верх
В заломи й злами

Веде тебе отой плаїк
І ти – на плаю.
І тільки знає лоскоріх,
Що шрами маєш.

На серці маєш ти рубці
Не від інфаркту.
Пливають марени у ріці,
Як тінь поп-арту...

«СТРИЙНА ЦУБЕРИХА»

Нас всюди є: в Кривому, в Крачунові,
Хоч і помаліло, побільшало, де як...
Ми знали все:коли коляк, боляк,
Пили коньяк за мови баршонові.

І не в баблі були ми сильні – в слові,
Засвоївши ті кумпітери й кляг.
Не воскресав архіпелаг Гулаг,
Топились нагле свічечки воскові.

Відсторонилася, забулася мадам,
Як крепдешин, як флер, як фіміам.
За корпусами чеської лікарні.

Містечко інше, але ті ж святі.
І Тиса та ж, і береги круті.
Лиш зараз комікси та меми із мемарні...

***

Януар, а потім фебруарій,
Як століття, як схрон, закон.
На вершинах вовчий бестіарій...
Лещетар з порожнім рюкзаком.
Що несло вандрівця в полонини,
Коли з хижі не женуть і пса.
Олень брость вишукує до днини,
Бо морози жалять, гей оса.
Там не вільно: ні в грозу, ні в фуфіль.
В хаті біди люті перебудь.
Де теплиться одинокий вугіль,
Де вітри у димарі гудуть.
Фуфіль – хуртовина.

***

І вкотре кличе голос невістульки
Із недалекого блакитного ґруня,
Де вигин чорно-білої кривульки,
Де жовті спіжі весело бринять.
Це так давно. І звідтам лиш до Бога...
Черешень диких пригорщу – у рот.
А нині там лиш золотиста псьога,
А нині чуєш: поц та ідіот.
Кленова віть у ломі довго тліла,
Бо лім той гнив, ніхто його не пік.
І в афинниччі випростаєш тіло,
Котре терник пожакав і посік.
З того верха махни у полонину,
Там харіус плавцями збив росу.
А вже потому най кладуть у глину
І намалюють багов та косу.
Як тим, що сплять в притисенській Сопунці,
Трамбують сіно у товсті стоги.
Трепіцкають у подорожній сумці
Пляшки й флакони, знають вороги.

Невістулька – королиця звичайна, рослина родини айстрових.
Спіж – дзвіночок на худобі.
Псьога – зневажлива назва трави біловусу.
Афинниччя – чорничник.
Багов – тютюнова жуйка.
Сопунка – гора в Карпатах.
Трепіцкати – трястися.

***

Він казав, що не має регули,
А вона вже була у нічних голосах.
Допоки ми приязнь свою не забули,
Розсипалися звізди в глухих небесах

Дзвеніли з верхів березневі потоки
І тішився дрізд в ліщановім куці.
Відкрилося небо безмежно глибоке,
Відімкнулись джерела давно для душі.
І зуб буро зубки, і рух землерийки
Та дух непогасний маленьких столиць.
Ще крутіть легка на п'яцу сколомийки,
Відчутний ще вплив од книжкових полиць...

ІСКРОНЬ

Ватерка, підпалена кіроном
І кора вже знята обіруч.
Поза батьківщиною і домом
Чути сморід змочених онуч.

І хриплять десь коні-ваговози,
В кітлику забулькає токан.
Солов'ї зігнули росні лози.
Це сьогодні їхній «Арделян».

Мнеш тютюн в своїй шорсткій долоні.
Він з долини Арджеша тугий.
Лиш у цій загубленій Іскроні
Від потоків повно водомий.

***

В темному пилипівському Лузі,
Де політ неситі й жовни.
В окиді бучини заскорузли,
Базилік засохлий, полини...

У світах освітлені театри,
Всі потреби тіла і душі.
Тут лиш полиск липини і ватри
Та сіріють теплі вуйоші.

Ця Пилипівка в тяжкім крилі совинім,
В конопляній пряжі вечорниць.
Спомини розсипались, як глина,
Із Господніх пам'ятних полиць...

***

Мій праведний Боже, часи мілітарні,
Хоч комусь завсігди оті дрінки й бравур.
Та новий дисидент у чужій буцегарні
Вдягається в робу жахливих кутюр.

Не в шовки Покрови, де теплінь помаранчу,
Не в флер срібнотканий легких павутин.
Та я за часами старими не плачу,
Де кумач патетичний образків і картин.

Бо на цій батьківщині й так тріск машингвера
І навстіж відчинений порно портал.
Якась від Павла «збільшовичена ера»,
Ройовий доливає ще умбри у маль...

***

Тріпочуть душі в небесі,
Тремтять зірками.
Повідлітали майже всі
Над берегами.

Була у тебе старшина,
Давно немає.
І лиш небесна далина,
Як шов проймає.

Не потребує колив, тризн
Ані ловитви.
Тут недоречний модернізм:
Шепчи молитву.

Бо на тобі ще є той терх,
Досмертна ноша.
У білизні високий верх,
Сліпить пороша.

***

Вітер сніг із ґрунів поздував,
У лісах не вислідити звірку.
Що береза нам колядував
Біля тої порти на узгірку?
Він прошкує далі, до узвиш,
Де чорніють подинки й обчини.
На обійстях пахне ситий книш
І стручок чилійської перчини.
Боже любий, суєта в свята:
Хвоя, феєрверки, колокільці.
Тільки крайка неба золота,
Тільки вивірка щось цокає на гілці...

Порта – брама.
Подинка – низина, рівна місцинка в горах.
Обчина – вершина гори.
Колокільці – металеві дзвінки на худобі.

***

Давно живеш на Срібляній Землі.
Строкаті махаони на стеблі
І зірочки скрасили полонини.
І ті ж підгірські горбики й грядки,
Неоковирно писані рядки
Єпархіальної церковної латини...

Ти випиваєш виноградний мушт
І зрідка їздиш у Севлюш чи Хуст.
Ніколи на торговицю у Довге.
Які в трояндах гойні там двори!
Та не сприймаєш дань ані дари,
Котрі ідуть від Блюка чи від Ловги

Бо невідомі податі та дань:
То добрий жест, патріотична срань
Зволожують жовтаво-сиві вуса...
Та ті ряди сливові на горбах
І прадіди навznak лежать в гробах
Од цих знамень новітнього улуса!

Небесний Царю, се ще не кінець,
Як одберуть Боржаву й Свидовець
І давнім газдам оддадуть Околи.
Монументальний Чорногірський кряж
Не впустить скрип тяжких чумацьких маж
На всіх вітрах опришківської волі.

Кохане Закарпаттячко моє,
У тебе едельвейсів вже не є,
Поламани і рута, і косиці.
Є робітний та богобійний люд,
Котрий Псалтир співає не Талмуд
В говіння кожде, навіть у м'ясниці...

***

Благословенної осінньої пори,
Коли затінені по присілках двори
Червоні від паприки та кизилу.
Ти позостався знову сам на сам
І що повіш очам і небесам,
Як невідоме відбирає силу.

Ти знов прийдеш на пішохідний міст,
Відчувши гомін твоїх юних міст
І винний трунок вуличок, містечок.
Матолок ти, розбитий, як усе.
Прокурений отрунок пронесе,
Як не фореллю, то солодким лечо.

Засвітяться по ґруниках мохи
І залящать десь знову дітлахи,
Полохаючи зграйки голубині.
О скільки вже тобі було «не так»,
Хоча вже мав і напрямок, і смак.
Не знав, що буде діятися нині.

Скубни, небоже, стигле грезенце,
Здійми з пилюки сойчине перце,
Візьми до рук легку трекову боту.
Як ящірка, чіпляйся до камінь.
Напівпрозора вереснева тінь
Заслонить всю сьогоднішню скорботу...

Прихожая

АЛЕКСАНДР МЕЛЬНИК

Льеж, Бельгия

СПРУТ

Женщина в сари, выцветшая, как папирус,
грустной корове протягивает еду.
По небу неумолимо катится коронавирус,
земле, погрузившейся в суетное, на беду.
– Это Бомбей! – говорит мне умная книга
(путеводители никогда не врут).
Спасибо за перелёт, авиакомпания IndiGo!
К женщине щупальца тянет вирусный спрут
с неба, такого близкого и родного,
вечной обители Брахмы-творца.
Это Бомбей?
Беспристрастно жует корова,
в круге сансары не видя конца.
Это Бомбей, на лицо нацепивший маску.
В воздухе носится венценосный злодей.
Женщина в сари, напомни мне старую сказку
про не боявшихся спрута людей.

ТАДЖ-МАХАЛ

Тадж махал в исступлении саблей,
доведённый до бешенства тем,
что с пришедшей доверчивой цапли
глаз своих не спускает гарем.

Где вы – молодость, жгучая сила,
красота без ненужных прикрас?
Он вдруг понял – его посетила
в виде цапли подруга Мумтаз.

Бирюзовое небо над Агрой
излучало потоки тепла,
и не мучила б эта подагра –
жизнь была б не настолько тускла.

Где то время, когда без обмана,
без ужимок и лживых гримас
опьяняла любовным дурманом
озорная супруга Мумтаз?

Будь хоть трижды Великим Моголом –
что ни ночь, то кошмарные сны.
Азраил пролетел над престолом,
и не стало любимой жены.

Что вы смотрите, дуры, на цаплю –
прямо впали в блаженный экстаз.
От бесщётных наложниц – ни капли
отлетевшего счастья с Мумтаз!

Шах кричал и ругался цветисто,
угрожал, забывался, вздыхал.
...Так на радость залётных туристов
белой сказкой возник Тадж-Махал.

ЗВУКИ

идёшь вдоль речки обратившись в слух
сирена скорой грохот мотоцикла
в вольере парка прокричал петух
прохожий громко на ребёнка цыкнул

поток машин с извечным шумом шин
гудящие вполголоса моторы
хотя б минуту посидеть в тиши
но гул вокруг но рёв но разговоры

проходишь по аллее не спеша
в карманах куртки согревая руки
ни рая нет вокруг ни шалаша
одна зима и боль в сердечном стуке

исчезнет этот неприметный звук
но мотоциклы скорые и даже
деревья будут бушевать вокруг
не замечая дырочки в пейзаже

РИМСКИЙ ДОЖДЬ

Под утро мысли спрыгнули с насеста
и разбежались в поисках зерна,
но пищи нет, лишь тили-тили тесто –
соратница, любовница, жена
(последнее давным-давно де-юре).
Я не живу, я умер от любви.
Отель для пары – рай в миниатюре,
где вместо змея – хитрое TV.
Из глубины другого измерения
смотрю на нас, целующихся вновь
и вновь, на сладкий миг благодворенья,
да что там прибедняться – на любовь.

По стёклам бьют увесистые капли –
ни дать ни взять мелодия цимбал.
Как часто я на собственные грабли
по молодости глупо наступал!
Гоняясь день и ночь за синей птицей,
топтал ногами дивные цветы.
Мне было проще заново родиться,
чем излечить себя от слепоты.

Так в темноте полжизни пролетело,
но повстречала странница меня –
в один момент вдохнула душу в тело,
и я прозрел от яркого огня.

Дождь-цимбалист прибавил обороты.
Целуя губы, пахнущие сном,
я погружался в сказочные гроты
без непогоды римской за окном.
Былая жизнь маячила сквозь темень,
врывались в уши чьи-то голоса,
но тщетно звали жён ушедших тени –
я позабыл давно их адреса.
В меня втекал сквозь кожу пилигрима
невыразимо чувственный покой.
Притихло всё, и только сердце Рима
чуть слышно билось под моей рукой.

***

Сгорает век. Стеснительно и робко
стучатся в дверь иные времена,
и я, как штопор, ввинчиваюсь в пробку,
чтоб смерти дать напиться допьяна.

Земля ещё кружится по орбите,
вокруг шумит вселенский кавардак.
Что значит жить? Вдоль путеводной нити
идти из мрака в непроглядный мрак.

Над миром снова небо заалело,
сверкнуло солнце в капельке росы,
и то, что ночью ныло и болело,
опять поёт и смотрит на часы.

ИВА

Плакучая ива жила, до поры
не зная, что в тёмно-зелёной пучине
скрипят вожаденно зубами бобры,
задумав из дерева сделать плотину.

Как часто, от солнца скрываясь в тени
склонившейся к водному зеркалу ивы,
я грустно лелеял ушедшие дни...
Вода у ветвей колыхалась лениво,

светило погасло, из чёрной дыры
струилось на парк наваждение ночи.
...Едва я направился к дому, бобры
запруду взялись мастерить что есть мочи.

Под утро вокруг изменился пейзаж –
от ивы остались лишь рожки да ножки.
Зубастые монстры, вошедшие в раж,
её растерзали, как зайца бульдожки.

И скучно, и грустно, и не к кому мне
податься под вечер в минуту невзгоды.
Одну только иву и вижу во сне.
А годы проходят – никчёмные годы!

***

Шорт-листами усыпаны улицы –
лето в топ не попало опять,
потому и краснеет, и хмурится,
всё обиду не может унять.

Не шути над понтами без повода –
осень – в тренде, но эта листва
будет гнить, и назойливым оводом
закружится над нею молва,
что осенний тип-топ – дело случая,
а в остатке лишь, как ни божись –
холодрыга, тоска неминуемая,
и ползущая к выходу жизнь.

***

Она уснула – мыслями ушла
туда, где водку пьют без брудершафтов,
где взор ласкают милые ландшафты,
где шапка Мономаха – тяжела.

И я уснул – мой сон передо мною
смеялся над сумбурностью земною,
он был спокоен, зыбок и велик.
Я изо сна смотрел на женский лик,

не понимая, где я и зачем,
и почему в гудящей центрифуге
возможно выжить лишь небытием –
надмирным созерцанием друг друга.

МАРРАКЕШ

Что за морока – плакать о Марокко,
на шуточки отвечая наобум.
Морская гладь раскинулась широко –
в Остенде наступил курортный бум.

Лежишь на пляже бледный, как поганка –
попавший в рай советский человек.
Сквозь сон тебя целует марокканка –
люби её, не разжимая век.

Под вечер всё смешалось – кони, люди,
разгар загара, свальный Вавилон.
Спешит к закату солнце на верблюде,
но Марракеш берёт его в полон.

МАРИНА ГАРБЕР
Люксембург

НЕЖНОЕ КРОМЕШНОЕ

***

Темны дела твои, тихи дворы,
от груза освобождены амбары,
и грузчика зовёт в тартарары
звнящее сопрано стеклотары,
в него палят без промаху дома
промасленными выстрелами кухонь,
округлая – о ком? о ком? – зима
влетает в рот и вылетает в ухо.

В такие дни (для них в календаре
просвета не оставили осадки)
снег превращает город в лазарет,
где грузчика обветрившийся след –
как на халате докторском заплатки,
а вдоль спины – морозец от догадки:
свободы нет, но есть отбой и свет.

Когда, – я говорю, – в такие дни
мы из себя стремительно выросли
в палате общей, смертны и одни
в сугробах перепаханной постели,
нас коридорной лампочки накал
не освещал и расточался мимо
плывущих по волнам неисцелимых
внутри запотевающих зеркал.

И всяк хотел из проруби окна
глазами черпать окуней молчания,
быть первенцем, придумывать названия
лекарствам, а медсёстрам – имена,

копить и перемалывать руду
порыва, еле-шороха, движения, –
преображать всю эту ерунду:
болезнь – в покой, и слёзы – в утешение.

***

Отражались в колодце обрывки воды,
шепелявила тень разговора,
сад по эту и – дальше – чужие сады
сторожили стрижи у забора.
Продираясь к земле, в лоскуты одеял,
вширь расплесканный в секторе частном,
свет не властвовал – лишь синеву разделял
на косые квадраты участков.

Пахло клюквенной жижей, листвою, шелухой,
разложившимися до компоста,
и согбенные люди из тьмы моховой
«дома-призрака» Роберта Фроста
выходили, бесшумные дети земли,
будто ведьмы их расколдовали,
на подсолнухи щурились и, как могли,
прикрывали глаза рукавами.

Шли насквозь, то есть вскользь. Не теряя лица,
свет на нет переписывал утро,
поджигая арбу, инвентарь кузнеца
и другую никчёмную утварь.
Шли намеренно-мимо затёкшей руки
скороспело оборванной вишни,
потому, что они – чужаки, чужаки,
марсиане на празднике жизни.

Ибо вышли на свет не на нас поглядеть,
затаившихся в бархате комнат,
мы для них – мертвецы, привидения, ведь
оживать – это видеть и помнить:

луг в огне, кобылицу и смутно, сквозь дым,
жеребьячье нестойкое тельце –
с оловянными копытцем, с хвостом золотым,
с голубыми занозами в сердце.

***

Всё то жемчуг, что белело вначале,
всё то мусор, что перечит порядку.
Постепенно жизнь в нежизнь превращали,
створки комнат – в антикварную лавку,
и за тем, как мы с любовным упорством
прорастали из ампирных развалин,
наблюдал – статуэтного роста –
из-за шторы антикварщик-хозяин.

У тарелки с пастушком – ободочек
блеклый-блеклый, золотился когда-то,
под торшером на кавычки и точки
распадались имена и цитаты,
вещь в себе меняла право на лево,
чтобы память не давила на жалость,
даже белка в колесе бронзовела,
медно-медленно по кругу вращалась.

Через раз дыша, ждала занавеска
фотографий превращения в камни,
в кухне рыбки замирали от блеска,
а когда-то нам аукали ртами, –
та, которая вчера слыла вещей,
исчезала среди многих и прочих, –
так дыра впотьмах становится вещью,
а с утра была изъяном и порчей.

И, поди теперь, в парче отыщи нас
между чучел козьей кожи Кордовы,
между кукол, обречённых на вынос,
махогоновых божков твердолобых.

Выпадая из себя и обратно,
крупной мелочью ссыпаются в ящик
из настольного светильника пятна –
их напрасно выводил антикварщик,

чуя жизни тяготение к смерти,
причитая отрешенно и мимо:
всё продается, распадется, а эти –
неделимы...

Рассмотревший нас подробно и мелко,
занавешен, от затрат безутешен,
прозревает антикварщик: он – белка,
мы – в зубах его железный орешек.

МЁРТВЫЙ ЧАС

Через больничный коридор,
в крахмальной лодке через море
отправишься – и по нему
пройдёшь на свет, минуя тьму;
а нынче взгляду твоему
доступен кованый забор
да изолированный дворик.

Как зверь, бегущий на ловца,
в конце концов, заплатит кровью,
так вглядываешься во мрак;
«жизнь это текст», – писал мастак
писать, и если это так,
то начинай читать с конца,
с пространнейшего послесловия.

Здесь время отменить – труда
тебе не стоит, не счастливый
часов не наблюдает, а –
лежащий; с ближнего поста
следит за стрелкой медсестра,
чтоб ровно в полночь без следа
отсюда выбыть торопливо –

в другую, кукольную жизнь,
в её хрустальные заторы,
вплавь огибающие нас;
больница – остров про запас,
где тихий нескончаем час,
и тот, кто в мёртвый час лежит,
не станет спрашивать: «Который?..»

Микрорайон трубит в окно,
заката поднимая прапор,
игрушечный закрыт завод,
и пусть у проходных ворот
тебя никто уже не ждёт, –
как хорошо, что ты давно
обучен языку метафор!

Из проруби тугого льна,
ленивой, книжной, неподвижной,
ещё хватаешься крылом –
за край, за нянечку с ведром,
за мысль нехитрую о том,
что час – подробен, смерть – длинна,
и только жизнь – скоропостижна.

***

Мне говорили, суета сует
столицы – лучше, чем покой и эта
ленивая провинция, чей свет
ведёт туда, где не бывает света.

В далёкий город не проложен путь,
чужих огней не разглядеть во мраке,
но есть земля, и можно посягнуть
на эти комья, ямы, буераки,

на трёх стрекоз, на их кордебалет
над озером, на нотные тетради
воды, где солнце попадает в след
рыбачьей лодки на озёрной глади.

Здесь можно лечь и дальше не идти,
уйти в траву, располовинить сердце
и дать ему из каменной груди
на двух пернатых в небо разлететься.

Один из них с пелёнок мне знаком –
он светел, чист, как первый снег в овраге,
что голос не обрёл, – так наждаком
скребут по заржавевшей железяке.

Он отменяет звук – и волчий вой,
и гром небес, и звёздное сопрано...
Но, слава Богу, есть ещё второй –
с неповторимым голосом гортанным.

И я не знаю, от каких щедрот
мне выпало зеро на дне колодца,
где жизнь молчит, воды набравши в рот,
а песнь – поётся.

***

В первый день нагрянувшего года
выйдем в город, вышедший из моды,
в люрексковый блеск и тарарам,
снег идёт, как пьяный по дворам,
где рябин костлявые удода
свет клюют и кланяются нам.

Паф! – сквозняк выстреливает дверью,
светотени тянутся к хайвею,
фары – облепиховым гуськом,
горизонт замазан и заклеен,
мы молчим, поскольку не умеем
шевелить стеклянным языком.

Стерпится, не слюбится, смолчится –
так молчит суровая волчица,
сероглазо считывая всех
тех, кто плавно катит в колесницах
с общим выражением на лицах,
разметая пластиковый снег.

У вай-фая строго на примете
крестный ход устраивают дети,
и несчастный мальчик Ваня Гут
плачет, словно он за всех в ответе, –
тятя, тятя, нас поймали в сети
и на дальний берег волокут.

Мы читали правильные фильмы,
те, в которых нас, непобедимых,
так сыграл, хоть слезы утирай,
Фрэнк Синатра в гриме пилигрима
и навеки обессмертил – иль мы
сами честно выдумали рай?

Я держусь тебя, почти ослепла
от порывов ледяного ветра,
трудно выдыхать и не вдыхать,
слушая, как слепленных из пепла
школьников приветствует директор:
с добрым утром, бойня номер пять!

Сдуру перепутав кнут и пряник,
на ковчег, бессмертный, как Титаник,
поспешим, чтоб грезить впереди
островок, мерцающий в тумане,
видеть Ноя в нашем капитане
с лубяным подснежником в груди.

И не знать, что у него в загоне
огнедышат мраморные кони
волн и потакают кораблю,
где народ наряжен и бессонен,
а точнее, мёртв и похоронен.
Ты – живой. И я тебя люблю.

Беседка

ИРИНА ИВАНЧЕНКО

Киев

ГАМАЮН

О, знать бы, храня и врачую,
разведать, о чём вдалеке
бесстрастная птица вещует
на страшном своём языке.

О, знать бы заранее или
расслышать, покуда поёт,
гадая по пятнам чернильным,
как сузится время твоё:

от слов довоенной огранки,
от ветки, откуда поёт,
до редких звонков из Луганска
и окрика: «Стой, кто идёт».

И тело к земле приникает –
прикрыть её в ближнем бою,
где птица на миг умолкает
и слушает песню свою.

СРЕТЕНЬЕ

Только бы дитя не хворало.
Большого не проси.
Прошлый год – ни много, ни мало –
всех подкосил.

Сыро и по-мартовски ветрено,
сходят на нет снега.
Помнишь, как по-бабски на Сретенье
выла пурга?

Мамка на солдатском погосте,
жёнка всем, кто будет в раю.
Ныне отпускаеши, Господи,
зиму мою.

Вот она, оплывшая, сточная,
тощая, глянь,
сходит снег пластами и клочьями
в реку Желань.

Выложи и ты пережитое
в сретенский чат.
Жили под верховной защитой
речки Почай.

За руки – дитя или под руки
тех, кто слабел.
Я – не про победы и подвиги.
Я – о себе.

Выстоишь в весну високосную?
Да. Устою.
Ныне отпускаеши, Господи,
зиму мою.

ПОСТ

Ты – герой, говорит, целых сорок дней
избегаешь скоромной пищи.
А у нас, говорит, у простых людей,
сквозняки по сусекам свищут.

Град добил покос, но растёт погост,
и бабье голосит истошно.
А у нас, говорит, семилетний пост
на воде с картошкой.

А на мясо, знаешь, гляди не гляди –
не кусает цена, а режется.
Мы и так его, говорит, не едим,
потому как не за что.

Как закрыли завод, так и сел народ
лузгать семки у телевизора.
Говорят, что пост – небесам оплот,
а душе ревизия.

Говорит и лыбит щербатый рот,
грех тебе, говорит, печалиться.
И в груди печёт, и подкожный лёд
истончается.

***

Помилуй, боль, я правдой отслужу,
твои поля переберу руками,
расправлю стебель и разглажу камень,
и зёрнам о колосьях расскажу.

Спасибо, боль.
Спасибо за труды,
за продолжение и преображение,
за то, что из оттаявшей воды
опять моё пробьётся отражение,

за передышку между схваток, за
покой и плодотворные потуги,
за то, что годы зарева и зла
мы прожили, не зная друг о друге.

МОЛИТВА

Пока не истончился грифель,
пока остры карандаши,
дай в пару мне мужскую рифму
для слова, тела и души.

Пока не повзрослела пашня,
не выжжен лес, не топтан луг,
дай пару мне – в одной упряжке
тянуть многостраничный плуг.

Так – чтоб сплелось, и говорилось,
и грифель не мельчал в кости,
дай пару, Господи, на вырост –
друг друга не перерастить.

Тяну-вытягиваю строки,
а прочесть – вдвойне больней.
Как будто кто-то одинокий
вот так же плачет обо мне.

ТИБЕРИНА

Там крылья ставней бились на ветру
в силках стены над улочкой окрестной.
Я вспомню всё, когда опять умру
в твоих руках и в памяти воскресну, –

ручную чайку, плоть небес и кров
для странника в каком по счёту Риме,
гостиницу в одном из тех миров,
что мы с тобой ещё не сотворили.

Memento Roma, помни обо мне,
пока плывёт кораблик Тиберины,
а расставаться тяжелей вдвойне,
чем путь земной пройти до половины.

Вот Эскулап, он бог, как мы с тобой,
местоблюститель и плохой товарищ,
когда врачует сердце через боль.
Я знаю, что и ты меня ударишь.

Memento vita, я не тороплю
события. Они приходят сами.
Моя вина не в том, что я люблю
слова, а в том, что я люблю словами.

Не Тиберина – дудочка моя, –
гусиный крик, насаженный на вертел.
Кто был любим, тому не страшен яд
змеиный. Кто любил – как Рим, бессмертен.

Познать меня нельзя. Не проще ли
принять на веру и простить на ощупь.
Чума – в умах, и мир неисцелим,
когда выходят улицы на площадь.

Хрипит кровать под гнётом простыней,
зародыш дней в гигантском чреве Рима.
Смерть поправима, жизнь неповторима.
Memento Roma, помни обо мне.

ЕЛЕНА ДОРОФИЕВСКАЯ
Вышгород

ЗДЕСЬ АВГУСТ

Здесь август, я ещё легка,
чернею, как изнанка молока,
ткнут небо бесконечные стрижи
и жизнь течёт –
проистекает жизнь
из августа,
и не хватает ветра.
Иду к реке, расправив спину – я
так прибавляю к росту сантиметры
и новый контур – чёткость по краям,
и внутреннего монолога резкий тон:
река течёт
с поправкой на бетон;
ржавеет свет и сыплется полуда
на гладь воды –
с высот,
из ниоткуда –
и пропадает в глубине Днепра.
Есть реки без обратных переправ,
и вечный холод их непостижим.
Качнётся, вспыхнув, солнечное око,
стрижи исчезнут в сторону Марокко.
Всё – жизнь.

ЗЕЛЕНО

Утренний город звучит как флейта – стрижи цветут
чёрными голосами над топиями старых клёнов.
Верить бы так – и раскованно, и влюблённо –
в собственную бесконечность и красоту.

Когти о небо точит солнечный белый лев,
рассыпается свет по речке, волной измятой,
бродит по берегу ветер жуликоватый.
Деть бы себя куда-то...
В какие мысли себя ни день,
и середина лета, и этот день
начинаются смертью трав на твоём столе –
зелено, медленно и выше меры мятно.

МЕДЯНКА

Ураганы срезают крыши, крушат дома,
рвутся над городами шёлковые мосты.
Это гребень волны над устойчивым адом, а
я опять одержима бессонницей – как там ты?
Извиваясь медянкой, в небо ползёт луна –
видишь, в кольца свернулась в чаше ночных весов?
У меня за окном вооот такая сейчас она –
беспредельно огромна, как пятое колесо.
Мне сейчас бы во что-то верить и кротко ждать –
говорят, что, на диво, природа чудес проста.
Сложность в том, чтобы их заметить и удержать.
Мы пытались, но я отчаялась, ты устал.
Всюду улицы в цвет тростникового сахара, пыль, июль,
петли сонных деревьев на пуговицах домов –
их большие сердца пригревают луну-змею.
Как ты там?
Знаешь, главное, чтоб здоров.

Ну а я
выхожу за края
и не ведаю берегов.

О БЕРЕГАХ

давай поговорим о берегах,
которые не будут нам по вере:
там жёлтый вечер и лиловый вереск,
и старые ботинки на ногах...

...а завтра в каждом городе чума,
короста, лепрозории и танки.
глядит сквозь линзу трехлитровой банки
кудесник и злодей аллан чумак.
и липнут пальцы к буквам да тире –
над горизонтом солнце в белой марле.
наш карантин куда похуже травли:
я не права, скажи мне,
ты не прав ли?
и к черту бьётся древняя тарель,
кромсая горизонт.
ага, ага...
давай молчать об этих берегах.

БАГОР

Вот боженька спускается на дно
с багром
и проверяет ил –
твое пространство,
отыскивая старые челны,
рыбацкие лодчонки,
катера,
так затаись,
чтоб не нашёл, чтоб не касался,
тебя, как якорь, с места не сорвал.
Лежи себе – лежи, не шелохнись,
пусть над тобою быстротечна жизнь,
пусть над тобою небеса и реки,
и рыбы, крабы, осы, человеки,
и день уныл.

Его багор
с небесных, неизвестных NASA, гор
спускается к тебе,
цепляется за руку,
ты – за реку,
и тянет вверх – возможно, к человеку,
возможно – в пустоту его небес.

Придя домой,
впускаешь свет из дальнего угла,
сбивая тени с ног, включая телек –
гляди, какие бабочки на теле,
какая в теле глубина и мгла.
О том,
что все всегда всегда не с теми,
пусть свет шумит, а ты в него ложись.
Там, над тобою, бесконечна жизнь.

НА ПОГОДУ

Я жалуюсь тебе на эти сны.
Но темперамент киевской весны,
похоже, привлекает тех, кто снится:
у мамы новый плащ, влюблённый вид,
сама – огонь, и всё в руках горит,
и ей всегда – всегда – слегка за тридцать.

Она, видать, мой самый странный друг.
Мы даже спорим, яблоко ли, лук,
хлопочем над салатом в старой кухне,
я, как и прежде, восхищён и глуп –
отводит от меня густую мглу...
Но вскоре всё сломается и рухнет.

Нравнодушна память к мелочам,
чтоб век спустя сильнее по ним скучать –
приобретённый кашель, южный воздух,
терновый ветер, солнечная сыпь
и дальний свет со встречной полосы...
А мир был с одного лишь слова создан.

Как не проснуться, чтобы сон сберечь?
Но времени положено истечь –
глядишь, и этот плащ давно не в моде.
Я жалуюсь тебе на эти сны.
Спасибо, что не прерываешь, сын.
...Раз снится – переменится погода.

ЛЫСОГОР

...Был сон – про сон,
предшествующий морю:
завербовался стежки поясок, –
так низко гнутся вербы в эту пору.
...прыплынь-прыплынь до бережка! –
восток
весь розовый,
и розовый песок
у Лысогора.

..... в травах лица-камни:
земля дрожит, ревёт со стариками,
зажав их чётки в огненный кулак.
И покотом: гулаг, гулаг, гулаг! –
грядёт, гудит,
испуганная птица
летит в огонь.
И тонут камни-лица.

Я сплю.

Я сплю –
реке во мне не спится.
И стариком является река мне,
цепляясь рыхлой тенью за вьюнок.
Я, рядом с ним –
уже почти не Каин,
ещё не бог.

В увядших хатах сточены углы,
как рёбра, туго стянутые кожей.
Их сдует смерть, как горсть печной золы.
...приплынь-приплынь до бережка! –
я тоже
бессильно опираюсь на весло.
Хохочетмышь, рождающая гору.

Я просыпаюсь, не отдавшись морю.
Старик идёт по водам Лысогора,
и небо густо житом поросло.

* слова из украинской народной сказки «Івасик-Телесик»

* река в Черниговской области, Украина

МОРФЕУС / БУЛГАКОВСКОЕ

...опять придут и скажут: «Дай уйти,
вернуться дай... » – и станут сизой пылью.
Спускается андреевскою былью
в беспмятство булгаковских картин
фонарная беззубая орда,
лелея перламутровые тени;
витые стебли лестничных растений
вплетаются в замки и холода,

качаются у каменного рта
растёртого, как сажный след, Подола...
Глубокий, поперечный и продольный
срез улицы – глубокая гортань –
отнимет и проглотит твой язык.
Из алых губ, покрытых плотной влагой,
из пламени, задетого бумагой –
вот он откуда, господи, возник, –
извечного вранья дамоклов долг:
на опиум опутанный Подол
приходят и любовницы, и черти,
нисколько не страшась внезапной смерти
ни после возвращения, ни до.

ВОДОРАЗДЕЛ

Вот новая черта – водораздел:
Граница между речкой и трубой,
И осень в очаге полураспада.
Сто тысяч дел –
Как плоскость над тобой,
И гулкий пол, и мрак портьерных складок –
Не вовремя. Оправдывать не надо
Листву, уже меняющую цвет.
И света нет –
Есть тёмная вода,
Расплавленные в кухне холода,
Под кипятком гремящая посуда;
Фаянсовая стража четверга
Расставлена по разным берегам:
Тарелки в стопку, чашки – в грустный ряд.
...И белые леса
За солнечной оплёткой колеса
Горят.
И не уйти отсюда.

MISE-EN-SCÈNE

Выходит ночь из торфяных болот.
В соседском винограде гнёзда вьёт
воде вода, и оправляет перья
птенец луны – глазаст и желторот.
Качаясь, белый тополиный плот
к порогу то прибьётся, то нырнёт
в открытый свет, позолочённый дверью.

Дом делит мир на тёмный и на твой,
на неодушевлённый и живой.
Сказать иначе – твой и настоящий.
Ты в равной мере близок к мошкаре,
в пределах света суетно звенящей,
и к паукам, беззвучно ткущим смерть... –
здесь чутко дышится
и липа липы слаще.

Лишь речь тебя изводит, как земля,
проговорённая и вдоль, и вглубь; и снова,
на свет секунду, тьму на век деля,
но дольше имени во времени не длясь,
одно значительное вымолчится слово.
И, ощущая ночь как наготу,
расслышав ободрённый сердца стук,
шагнёшь в волнующую бесконечность лета...

Но – дом твой полон. Ужин, разогретый
в который раз, оставлен на плите.
Стоишь, незряч, в крошечной пустоте
у входа в дом, и смотришь в пустоту,
себя собою оградив от света.

НАТАЛІЯ БЕЛЬЧЕНКО

Київ

***

А літо зробило великий ковток –
І ти потрапляєш в його кровотік:
Ховатись у тінь різнотрав'я й гілок,
Вдихати усе, що вдихати відвик.

Ось жінці у Єйтса у лісі пеньок
Нагадує те, чим колись чоловік
Коханий був. Стовбура мертвий місток
Привів їй тужільниць плачі звіддалік.

А в тебе немає жаги роздирати
Ні будь-які губи до крові, ні шати.
Бо вже в кровоплині змішався ваш сік.

Він пахне як риби, як луки й лелеки.
Летять берегівки у лоно від спеки –
Як стовпчик термометра падає вік.

***

Монастрель і Темпранільо,
чи це не ви, бува, Фурій та Аврелій?
П'єтесь добре, не ховаєтеся,
розкриваєтеся з несподіваного боку,
наче Катуллові друзі
у Гаспарова
зі зачитаного до дірок
в університетській бібліотеці
«Литературного обозрения»
1991 № 11

ОСОКОРКІВСЬКІ ЛУКИ

Ці луки заплавні у спеку
Пахтять різнотрав'ям здаля.
У півниках стрінеш лелеку,
Побачиш проліт журавля.

Смиренно вертаєш додому,
Як сонце купальське за пруг
На кілька годин, а потому –
Назад, наче пристрасний друг.

Там стільки птахів на світанку!
На Тяглому вип'є дивак
Повітря невидиму склянку,
Як морва і вермут на смак.

Гайне за Мартишів і Небреж,
Сполохає там баранця,
І скільки б не трапилось неб, лиш
Ходив би в траві без кінця.

***

Горбачиха – дежавю урочища
Наталка з твого дитинства.
Немовляче простирадло,
на яке тебе викладали на животик,
тепер править за місце інтимної гри.
Чорторий спостерігає.

НІЧ У СТАВИСЬКУ

1

Від Стаvisька небо близько.
Івашкевичеве древо
під зірками стиха блиска.
Космос взяв його за дреди.

Дім – як бортъ: бринить яскраво,
цілий день медово диха.
Повертайся, Ярославe,
тут вночі занадто тихо.

Прихопив з собою в скрині
з берегів Дніпра-Славути
парубків тамтешніх тіні –
не виходило забути.

Як на фото з «Діонісій» –
ти нагий, цілуєш хвилі.
Захлинився, озирнився
в краєвиди розпашілі.

Бо ковтнув тоді свободи, –
із епохою в двобою,
чи згори, а чи зісподу, –
залишатися собою.

2

Щоб в улоговин вологих
дотикання й аромати,
в терну й глоду діалоги
ніби звір той потрапляти,

прихопив з собою в скрині
з Тимошівки і Дашева
шлях, полин, затоки сині,
темні звуки і дерева,

височенне і глибинне,
не відіране від статі,
все, що стане до загину
і в пригоді і в принаді.

Здитинілим і дорослим
з лігва любощів і терну
повернеться пан Ярослав
в дім затепла і затемна.

МАРІАННА КІЯНОВСЬКА

Львів

ДІВА І ЄДИНОРІГ: ЗДОГАД ОДНОЇ СМЕРТІ

Сило моя, нащо взяла вбила?

А. Савенець

о.

Вибираючи смерть, вибиратиму ранок весни,
Ніжні вигини листя, ще теплого, наче долоні...
Я засну, утомившись, на чистому юному лоні,
Прозираючи шкірою запах його голизни...

Дозріватиме небо до спеки, бринітиме мла,
Ворушитиме вітер тонесенькі хвостики тіні...
Чорна мушка повзе по округлім, мов перло, коліні,
Промінь сонця пронизує серце, неначе стріла.

Я чекатиму в тиші зеніту. Агонія враз
Опанує й відпустить, позбавивши крові і цноти...
І прийде одкровення – і вічність засвідчить цейтноти.

Терпко встояні трави, зелені, немов хризопраз,
Розкошують і тануть, поволі стікаючи соком.
Насторожено й важко у мене вдивляється око...

і.

Насторожено й важко у мене вдивляється око,
Короноване віями, наче терновим вінцем.
І очей голубінь, відкидаючи тінь на лице,
Опадає пелюстками – солодко, ніжно, жорстоко.

Найпечальніша з пристрастей спізнана була в раю,
Я ж відчув її тут, під зеленим дерев шумовинням.
Сонце жмутами сипле своє смертоносне проміння,
Я – тендітним рукам на поталу себе віддаю.

На терезах кущів рівно зважені виміри днів.
Засинаючи, знаю, що сон цей – останній на світі.
Скоро буде по всьому, бо пуща вже ходить при літі,

Дрібно нетрі тремтять, піднімаючи сховки птахів.
Ті ж пірнають у вись, не спізнавши її глибини.
Вибираючи смерть, вибиратиму ранок весни.

2.

Вибираючи смерть, вибиратиму ранок весни.
Тиха стиглість екстазу приборкана нині і присно.
Тісно серцю у грудях. Дерев стоять прямовисно,
Не соромлячись знаків своєї, як біль, голизни.

Тут нема лісорубів, звитяжців сокири й пили,
Що в розріджений простір вгризаються стуком у скронях.
Тут полюють на мене. Тут лицарі верхи на конях,
Що прекрасну, як смерть, за собою сюди привели.

У прелюдії страти занадто чудове лице:
Ані сліду тривоги, ані сліду печалі чи гніву.
І в обрамленні крил (зимне справа, а літепле – зліва) –

Дикий звір моноцерос. Ти ж мене й покараєш за це!
Дрібно-дрібно тріпочуть, мов жилка у пташки в полоні,
Ніжні вигини листя, ще теплого, наче долоні.

3.

Ніжні вигини листя, ще теплого, наче долоні...
В улоговині в'януть (до полудня йде) солов'ї.
Навісніє весна – і вривається в жили мої.
Тліє брунька роси, і спалахує джміль на осонні...

Навіть лігвища тіней покірні осанні світил.
В дикий ятір весни упіймалося всього по парі:
Дві прозорі веселки, дві вітром розгойдані хмари,
Дві грози, два лелеки... Опиратись не маючи сил,

Каламутна вода у промінні відлунює дзвоном.
Кровоточить струмок, бо ж земля нетривка. Струменить
Чорно писана вічність повз світло роз'ятрену мить,

Час лягає на все незглибимим і вічним кордоном.
...Западаючись в світло, між ягоди густочервоні,
Я засну, утомившись, на чистому юному лоні

4.

Я засну, утомившись, на чистому юному лоні:
Ще не смерть, тільки тиша, прозора й легка, наче шовк,
Що зашерх, спаленів, пересохнув – і врешті замовк,
Зшаленілий від шелесту й щему... В коштовній короні

Золотого волосся із запахом білих лілей,
Ти схиляєш до мене обличчя безжально чудове.
І від тої хвилини – усе. Бо скінчилися лови.
Починається страта... Я звір. Я втікав від людей,

Але нині прийшла – не з мечем, а з косою до п'ят,
Й розтинаєш мене, наче лезом, моїм призабутим.
Мов розчахнуте яблуко, терпко розтерзані груди,

А ополудні з неба впаде, наче дощ, зорепад.
Я торкнуся до тіла, як сонце – до квітів ясних,
Прозираючи шкірою запах його голизни...

5.

Прозираючи шкірою запах його голизни,
Я на голос прийшов, той до нервів оголений голос,
Той тонкий, і тремкий, і тривожно-ламкий, наче волос...
Трепетали слова у його закапелках тісних.

Та насправді я йшов за слідами... Слідами коліс...
І здригалась луна, прочуваючи долю пропащу...
Я виходив із хаші, поволі вгрузаючи в хашу,
Розкидаючи рогом дбайливо поскладаний хмиз,

Озирався назад: за дерева ховалась пітьма,
Зависала між трав і махала крилом, наче птаха.
Я тремтів від чекання, до того не знаючи страху,

Мов нічого, крім серця, у мене у грудях нема.
...За годину ж у пущі, де вільглість глуха залягла,
Дозріватиме небо до спеки, бринітиме мла.

6.

Дозріватиме небо до спеки, бринітиме мла.
І мені, однокорому, сонце прийде однооке,
І до мене, живого, примчать прудководі потоки,
І мене, ще живого, не вб'є смертоносна стріла,

Тільки пальці тендітні розшарпають тіло, немов
То не руки дівочі, а хижі скривавлені леза,
Й опанує мене чи неволя, чи безвість, чи безум,
Чи невтолена втіха, чи спрагла пекельна любов...

Я вдаватиму муку – і мука мене обпече,
Павутиння отруйне обліпить судини і кості...
І літатиме крук наді мною в крутій високості.

Я ж схилю своє все на єдине у світі плече –
Порцеляново-чисте, аж мовби розквітле в світінні.
Ворушитиме вітер тонесенькі хвостики тіні...

7.

Ворушитиме вітер тонесенькі хвостики тіні,
Я ж мовчатиму так, як ніколи іще не мовчав...
Я запліднив безодню – і нині в безодні зачав,
В позапросторі сну, в осяйному його мерехтінні...

Тонко знаки ознак переплетені, надто ж зерно
Проростає в думках – непрозорих, як води під осінь.
В позапросторі сну чи печаль, чи проціджена просинь –
Скупо-скупо, як сльози зневіри, оголюють дно.

Ще учора я міряв очима і обрій, і пашу.
Вечорове тривання думок, небесами залите,
Мав слова до немови і дещицю сліз для молитви...

А сьогодні душа, наче смерть, переповнила чашу,
Перелившись із мене ув очі мережано-сині.
Чорна мушка повзе по округлім, мов перло, коліні.

8.

Чорна мушка повзе по округлім, мов перло, коліні,
І встановлює межі тривання моїх узбереж.
Діва давня, як біль, діва тиха, як відчай, і все ж
В неї очі холодні. А губи у неї – кармінні.

Є провина ландшафту: струнка гордовитість дерев,
Що ховає між крон силуети припізнених квітів.
Упіймавшись у власні – на мене розставлені – сіті,
Тяжко вергає гриву стриженений сонячний лев.

Що йому до харизми моїх післясмертних подоб?
Жовтим блиском сміття непорочно впаду на монети...
І ніхто не побачить, як хвіст золотої комети

Тонко небо покриє, немов найдорожчий ангоб.
Та поки що я тут, знемагаю від чарів зела...
Промінь сонця пронизує серце, неначе стріла.

9.

Промінь сонця пронизує серце, неначе стріла.
Хижі грища весни, де зоря уподіблена звіру.
Я вмираю як сутінь, бо сутінь вмирає за віру.
Тінь упала на воду – і хвиля її віднесла.

Потім буде усе. Та не буде потреби в воді...
Нині ж п'ю скуповито – ці очі, це ссяиво, цю вроду.
Вершник в лісі звістує початок – чи сну, чи походу,
Щоб вступити в струмок, по собі не лишивши слідів...

Бо пророцтва – на чолах. Кипить мовчазна каламуть:
Збаламучено брід шумовинням нелюдської втоми –
Кінь, подібний до мене, повернеться нині додому.

Не забудь мене, брате. Або, коли зможеш, забудь.
Смерть зіщулилась в оці, блакитному, ніби топаз.
Я чекатиму в тиші zenіту. Агонія – враз.

10.

Я чекатиму в тиші zenіту. Агонія враз
Стане мовби знаменням, можливістю втолення спраги...
Після вторгнення в виміри смерті, а отже, відваги,
Я порушу не вирок, не долю – а тільки наказ.

А тому я вмиратиму сам, а не з тим, хто убив.
Бо ж убійниця – ніжна, і тиха, і чиста невіста –
Обриває пелюстки (вже хоче вертатись до міста).
За якежні ж гріхи я так світло її полюбив?

Тільки смерть уневажнить усе – і усе збереже.
На розпутті узлісся – стрункі голоси сухостою.
Я пізніше впаду, але ще на колінах постою,

Осягаючи тіло, таке нероздільно чуже.
Панна ж, рухом руки засвітивши на пальцях клейноти,
Опанує – й відпустить, позбавивши крові і цноти...

11.

Опанує й відпустить, позбавивши крові і цноти...
Несходима межа, нерозпростана сила рамен...
Чорно сходиться тінь – і стуляє пелюстки ромен,
Загусаючи духом в найвищі рослинні чесноти.

І безгнізді кущі, і безплідні суцвіття, і мох
Видихатимуть відчай, порожній, як хмара без граду...
Я впадаю у смерть, як впадають в тамовану зраду:
Стала третя між нас, не залишимося більше удвох...

Ліс – як лист недописаний: слово – за два.
Я не встигну сказати, а ти – не зумієш почути:
Надто муляють очі зухвало озброєні люди,

Надто стоптана ними журна приджерельна трава...
Яро брязкають лати отої з лицарства голоти...
...І прийде одкровення – і вічність засвідчить цейтноти.

12.

І прийде одкровення – і вічність засвідчить цейтноти...
Дозріваю, як плід, червоточить мене забуття.
Каменію потрохи... Зневаживши хижість життя,
Вчусь вмирання між квітів – найважчої в світі роботи.

Видихаючи день, забуваю його аромат.
Вже позаду темніє, а я ще смутний понад душу.
Я вмираю, бо вмію... Я маю померти, бо мушу.
Бо прийшов на узлісся – й не зміг повернути назад.

І в останню хвилину напружено зводиться плоть,
І сльоза вимиває із ока усе, що не сталося...
Я стою ще, стою, але вічність в мені захиталась...

Не лишай мене, рідна! Не йди! Не минай! Не відходь!
Я занурююсь в світ, у якому немає образ!
Терпко встояні трави, зелені, немов хризопраз.

13.

Терпко встояні трави, зелені, немов хризопраз.
Всяк на когось полює – комаха, метелик чи пташка.
Я ж – впіймався на знаду. І так мені, Господи, важко,
Ніби я умираю не перший, а тисячний раз...

Ніби в тисячний раз я не зміг розпізнати скорбот,
Упокоривши серце душі, – і сховавшись за силу...
Я не мав заборолу – й безодня мене спокусила,
І тепер я стою перед Богом, порожній, як Лот,

Як спокушений праведник. Ріг, ніби стовп соляний,
Наростає від болю – а грішники хай не помітять...
Я піду по крайнебу – і ангели зірку засвітять...

Дикий звір моноцерос – нещезлий і майже живий,
Бо занурений в трави. А трави, пророслі глибоко,
Розкошують і тануть, поволі стікаючи соком.

14.

...Розкошують і тануть, поволі стікаючи соком,
Чи печалі, чи душі, – а діва іде і іде...
Озираючись часто, вона проминає Едем,
І вдивляється в сад, і вслухається в тишу щокроку...

Після довгих блукань в неї золото чорне, як мідь...
Ядра крил – полохливі, надовго занурені в небо.
– Чуєш, ангеле чистий, я довго чекаю на тебе!
Стрепенулася діва – та й кроку не сміє ступить

Херувимська обитель на знаки світанку скупа.
Їм сурмити не йметься, звістуючи небу – і богу
Про оту, наче *via dolorosa*, хресну дорогу,

По якій ще ніхто (або майже ніхто) не ступав.
Я до діви іду, западаючись в землю глибоко...
Насторожено й важко у мене вдивляється око...

ЮЛИЯ ПЕТРУСЕВИЧЮТЕ

Одесса

НОЧНОЙ ПОЛЁТ

1

Вылет в ночь.

Пусть механик проверит машину, пока не стемнело.
В тёплом воздухе, как молоко, разливается вечер.
Подожди, ещё рано прощаться, мой рыжий кузнечик,
Я могу не спешить и дослушать твою тарантеллу.

Я ещё поброжу, посижу, полежу в сонных травах помятых,
Под бумажным крылом чутко дремлющего самолёта.
До полёта четыре часа, до ночного полёта.
Это целая вечность. Пошли любоваться закатом.

2

Край горизонта в крови. Кто-то порезал небо.
Красное солнце стекает в долину мёртвых.
Я ненавижу закат с его горьким медом,
По облакам размазанным красным следом.

Чёрные тени ползут, как чёрные ленты.
Кажется, кто-то невидимый тихо плачет.
Я ненавижу закат. Не сердись, мой мальчик.
Кто-то из нас уже не увидит рассвета.

3

Сиди в переулке и слушай фортепиано,
Вдыхай поглубже прозрачный вечерний воздух.
Думай о чём угодно, но не о звёздах.
Об этом пока не надо, об этом рано.

Ты всё ещё здесь, и тёплый асфальт под ногами,
И стены домов, пропитанных жаром лета.
Из окон музыка. Впитывай каждой клеткой
Этот вечер, как подарок неожиданный.

4

День уходит сквозь пальцы, и город огни зажигает –
Светофоры, витрины, нарядные вывески, окна, –
Светлячки, драгоценные камни, волшебные стекла –
Прирученные звёзды. Сверкающих бабочек стая

Опустилась на улицы. Горсть разноцветных жемчужин,
Серебристая сетка шоссеиных дорог, паутина
Оплела по рукам и ногам, придушила, скрутила.
Я сегодня пробью этот кокон и вырвусь наружу.

5

Привет. Как дежурство? Покажи мне, пожалуйста, сводку.
Говорят, над Атлантикой грозы. Да, вроде бы рано.
Да, сегодня в ночную. Смотри-ка, на юге туманы.
Увеличь мне со спутника. Жалко, но видно нечётко.

Вылет в ноль пятьдесят. Ты не знаешь, меня проверяли?
Заменили панель? Ну и ну, не прошло и полгода.
Через лет пятьдесят доживу до второго пилота,
Кстати, там кто-то вечером снова играл на рояле.

Очень здорово кто-то играл, так бы слушать и слушать,
И сидеть в переулке у каменного парапета.
А потом кто-то взял да и выстрелил из пистолета.
Промахнулся, как видишь. Да просто не я был им нужен.

Я думаю, это был Шуберт. Так больше никто не может.
Звуки стекали с клавиш каплями чёрной крови.
Счастье стояло вровень
С самой горькой печалью.
В общем, уже в начале
Озноб пробегал по коже.

Andante было похоже на раненого в переулке –
Опираясь о стену, он идет, как лунатик,
Сквозь черноту галактик
И фейерверк вселенных,
Сквозь глухие пределы,
Куда не доходят звуки.

А дальше – дрожью *adagio*, и напряжением нервов
Струнный квинтет взрывался ласточек эскадрилей.
Небо резали крылья,
Птицы летели выше.
Я их уже не слышал,
Захлебнувшись *allegro*.

Но нарастала тревога. Вибрировали флажолеты,
Было невыносимо продолжение мысли.
И тут сухо треснул выстрел.
Брызнула штукатурка.
Я встал и вытряхнул куртку,
И вышел в вечерний город,
Спиной ощущая долгий пристальный взгляд пистолета.

7
(ранение)

Такая лёгкая, пустая голова!
А звёзды близко, хоть бери руками
Их свет, как ледяное молоко.
И удивительно легко
Идут слова.
Я пересохшими губами
Прошу воды – единственный глоток
Живой воды с колючим белым снегом.
Воды, пробитой солнечным лучом, –
Она течёт сквозь пальцы горячо,
Сквозь белую метель в сухой песок,
И я уже лечу к молочным рекам,
Чтобы взахлёб глотать их горький сок.

8

Тридцать первый, как слышно –
даю разрешение на вылет. –
Тридцать первый вас понял, к выполнению приступаю.
Я включаю приборы в режиме «ночная кабина». По краю
Полосы убегают ромашки,
припудренные звёздной пылью.

Разбегаемся, и – рычаги от себя, три щелчка до упора,
А потом ручку вверх на себя. Начинаем падение в небо,
В эту чертову чёрную воду, в колодец запретный,
В эти пропасти космоса, в эти глухие просторы.

Так бы падать и падать в чернильную глубь мироздания,
Гравитацией втиснутый в кресло, оглохший, недвижимый.
До стеклянного звона в крови, до частот еле слышных.
А теперь надо выровнять курс и лететь на задание.

Все мы убийцы, деточка, все мы убийцы.
Треск и разряды в наушниках, где-то грозы.
Все мы убийцы, деточка, я серьёзно.
Просто такая работа, как говорится.

Треск и помехи в эфире там где-то взрывы,
Где-то выстрелы и бои на границах.
Я говорю тебе, деточка – мы убийцы,
Хоть и пытаемся выглядеть по красивей.

Я выполняю приказ какой-то столицы –
Съёмка с воздуха, план боевых позиций.
Я самолёт-разведчик, ночная птица.
Хищная птица, деточка, птица-убийца.

В этих ночных полях,
пересыпанных звёздами и светляками,
Так легко потеряться, так легко заблудиться,
Сбиться с пути, перейти невидимую границу
Между ночью и днём, между явью и снами,

Сбиться с пути, заблудиться в росе, в облаках, в тумане,
Плыть на спине в молочной реке,
лицо запрокинув к звёздам,
На огоньки городов, на созвездий грозди,
Завороженный блуждающими огнями,

Так на огонь маяка летят безумные птицы,
Чтобы разбиться насмерть о вспышку света.
Я заблудился во сне. Я лечу на огни ПВО, и это
Осознанная необходимость, а не самоубийство.

Коридор

ЛИНА КОСТЕНКО

ДЕВЯНОСТО СТИХОТВОРЕНИЙ

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

в переводах с украинского Владимира Артюха

***

За ветряными мельницами, за полями,
За грустью, за туманом, за годами –
Ни станций там, ни почты не найдёшь –
А мама стоит у дороги
И заплетает в косы дождь.

***

Что ж, авторучка – не сабля для потехи.
Не брызнет вражья кровь из-под пера.
И льётся дождь. И гетман не приехал.
И время смутное. И всё-таки пора.

Пора, пора!
Живётся, как на Этне.
Позор веков лишь магма и сотрёт.
Слова, слова... Зато они бессмертны.
Уймите зло. Их пуля не берёт.

***

Вчера ещё всё зеленело,
Сегодня быльём поросло,
В эпоху прекрасной Елены
Не видел никто НЛО.

А были Гераклы, Периклы,
И не порнуха -- Парнас.
Зачем к плохому привыкли?
Привычка опутала нас...

А жизнь коротка до предела,
И мчится на всех парах.
Вчера ещё всё зеленело,
Ещё всё было вчера.

***

Траве развиднелось, – упали-таки росы!
И, может, будет чуть-чуть не зимы.
В лесах блуждают неприкаянно колоссы
Деревья, такие же точно, как мы.

И грустно им, как нам. Исчезло лето.
От холода в ногах посинели дубы.
Лишь там, где лось лежал, земля согрета, –
Растут тихонько удивлённые грибы.

***

Открылась истина. Она печальна.
Жизнь исчезает, как Почайна.

Через века, им, может, вопреки,
Река останется лишь памятью реки.

И только вербы будут знать о той поре,
Что киевлян крестили в ней, а не в Днепре.

***

Света от звёзд маловато.
В памяти сутулятся кресты.
Альбиони, Верди, Сарасате,
Помогите скорбь перебрести!

***

Не шутка, не шоу, не реприза,
Не явь, не сон, не импровиз.
Жизнь – это кризис,
кризис,
кризис.
Жизнь – кризис,
не круиз.

***

Не выходи сегодня на улицу –
там сегодня другая мода.
И завтра не выходи,
и завтра будет другая.

Там что ни день,
там другой «изм».
Поэты вяжутся в соцветья.
Ты среди них анахронизм, –
ты из XXI-го столетья.

***

Транжирили лето, и лета как не бывало.
А теперь уже осенние карнавалы.

Душа засмотрится в туман
И вспоминает лета свиток.

Иль, может, это приснилось нам
Купание в речке Гераклита?..

***

Днём ещё лето, а к вечеру – осень.
В склепе ночи похороны тепла.
Утром яблони выйдут, как лоси,
С развесистыми рогами, как купола.

Пейте воду, пейте до отвала.
И жуйте, жуйте, лоси, траву.
Так мысли печаль прополоскала,
Что я, как сад, под ливнем живу.

Ой, живу, вполголоса, вполсилы.
Счастье откладываю – на когда?
Сколько цветня с меня обтрусили...
Сколько продали яблок тогда...

***

Бродит жара, как хмельная опара.
Лето целое в грозах, дожде.
А над лесом зловещая хмара,
Словно Гамлет в чёрном плаще.

Сохнут травы, зноя обжинки.
Вечер за солнцем бежит по стерне.
Кони пьют, забредя в кувшинки.
Кони с вечностью наедине.

***

И снег, и солнце, оттепель – всё сразу.
Не знаю: весна или нет?
Сваровски позавидовал бы дивным стразам,
Что мерцают у меня на окне.

Не успеет поле зазимья испугаться
И речка выйти из своих берегов, –
Весна плывёт под парусом акаций,
Зима плывёт под парусом снегов.

***

Блится ночь жемчужиной Растрелли.
С горы сбегает Борычев узвоз.
И соловьи, поэты-менестрели,
Всю ночь доводят яблони до слёз.
Цветёт весна садами молодыми,
Ветра над нами кажут свою прыть.
В цветение такое, князь Владимир,
Тебе не грустно каменным быть?

Узвоз(древн.рус.) – подъём.

***

Велосипед ночует на балконе,
Уткнув рога в туманное стекло.
Ретроспективные смеются кони,
Увидев ту пародию – седло.
Цветком смеётся каждым конюшина,
Регочет пылью Сагайдачный шлях.
Смеются горы, доли, и вершины,
И все подковы ржавые в полях.
Смеётся хмель, что вьётся на балконе.
Смеётся месяц, он ещё поэт.
Да что с того, что все смеются кони?
Коней тех нет. А есть велосипед.

***

Я третий день в лесу. Ты слышишь.
Я белочку кормлю с руки.
Зелёный мох на древней крыше
Заткали плотно пауки.

А в хате глухо, как в пещере.
Окно в ненастье темноты.
И что там бездна Торричелли
Против щемящей немоты?..

Вот огонёк вдруг засветился,
Окно зарделось вмиг моё, –
И тут же цуцик приبلудился,
В крыльцо хвостом упрямо бьёт.

***

Заночевали птицы на лимане.
А утром неба не было в тумане.
Дорога долгая, дорога нелегка.
Куда лететь? – спросили жожака.
Ещё раз здесь ночуем на лимане.
Нам не до сна, нам не до, не до, не до!
Не голгочите, Бог нам явит небо.
И утром встало солнце на лимане.
И день восходит кистью Пиросмани.

***

Палящий день... лесов затишье...
Тропинок сухость... сонница левад...
Идёт гроза в уборе пышном,
Слепя и озаряя сад.

Сверкнула вкось кардиограмма.
В бору сосновом дождь лихой.
А по стеклу оконной рамы
Струятся капли вперебой.

Дрожанье веток, жуть, свобода,
Шальные ливни в яростном огне!
Ну, вот и всё. Отплачется природа.
Ей станет легче – легче станет мне.

***

Снега метут. Открою дверь я.
Антенны ловят миллиарды слов.
На белый вальс я приглашу деревья,
На белый вальс метелей и ветров.

Пусть будет снег, и музыка, и вечер.
Пусть перед сердцем буду я в долгах.
О положите ветви мне на плечи,
С моей судьбы стряхните все снега.

Я вас люблю за то, что вы деревья.
Что вы пришли и что вы тут.
Зима стоит, снискав ко мне доверье.
Метут снега. Снега метут, метут.

***

Подари, судьба, мне в окнах берёзу.
Пусть душа отдохнёт в берегах берёз.
Я пришла в этот мир, не взирая на грозы,
Никому не доставив ни грусти, ни слёз.

Я обязана что-то. Я покой не нарушу.
Бог посеял меня в ледяные грунты,
Тут нельзя не пройти, не поранив душу.
Тут свобода не всходит, а всходят кресты.

ВЕТОЧКА ПЕЧАЛИ НА МОГИЛУ ПАСТЕРНАКА

Забор здесь плотный, словно почерк,
Когда бумаги уж в обрез.
А дом – из белых оторочек,
Как теремок. В берёзах весь...

Как тихо! Нестеров, Саврасов.
Ни трасс, ни дыма, ни машин.
Слилась с черёмухой терраса
Молочной пеной. Ни души.

Любуюсь контурами тучек
И небольшой лелею сад.
Живу. Помарки, словно сучья,
Как полстолетия назад.

В тонах пастельных старый ельник
Прорвал тенёта прошлых лет.
Я не затворник, не отшельник,
Я просто-напросто поэт.

В земле копаюсь – честь по чести.
Не одинок я здесь, как волк.
Со мной товарищество. Вместе –
Шекспир, и Лермонтов, и Блок.

В ночи моей зажглась лучина,
И память – опыта вдова.
Давно ушла в тот мир Марина,
Но для меня она жива.

Века, века... необъяснимо
Поверх барьеров лет живём.
Приходит изредка Владимир.
Что ж, посидим опять вдвоём.

Что, громовержец? Что, Юпитер?
Мы спорили по горло ведь.
И есть опять у нас арбитры,
Как говорится, жизнь и смерть.

Надежды рухнули со славой.
В душе и в сердце вновь озноб.
Мой спор со временем, державой
Не разрешит и пуля в лоб.

И пусть меня убьют опричники.
Леса... Леса... Леса... Леса...
Лишь предвечерних электричек
Блуждают долго голоса.

Лужайка, лес – всё в полном росте.
Лучи последние вразброс.
Лежать я буду на погосте
В плену корней родных берёз.

***

За греховное счастье в неурочный час
Следует покаяние и кара.
Над виражами головокружительных трасс
Я только женщина с крылами Икара.

Растает воск – я в море упаду,
Я тобой захлебнусь, как морем.
Этой незваной жажды беду
Залечу твоей нежностью вскоре.

В окнах осенние стоят витражи.
Забыть про всё. Уйти – не оглянуться.
Ты способен на смертельные виражи.
В мире мы не могли разминуться.

***

Снега в снегах. Реку сковала льдина.
И вербам от холода руки свело.
Бежит волчица – мать, нелюдима.
И оком зелёным светит в село.

А то село давно как призрак.
И смерть прошла лесами напролом.
И тучи идут, как тризна за тризной.
И воет волчицей ночь за селом.

***

Будь щедрою, пусть плачут твои листья,
Раздай плоды и снова расцветай.
Пусть сплетничают сволочь из корысти.
Что есть душа? – её не вопрошай.

Что есть, то есть. Я ничего не скрою.
Века нажили мудрости, не я.
Кассандра плачет на руинах Трои.
В руинах Трои греется змея.

***

Смотрят влюблённо леса на себя,
Листья и ветки слегка беребя.

Словно пожаловал к ним Левитан –
Кистью коснулся то здесь, то там.

Ветер осенний на ветках затих.
В искрах берёзка стоит золотых.

***

Красиво осень вышивает клёны
Серебряным, багровым, золотым.
А листья просят: – Вышей нас зелёным!
Ещё побудем, мы не улетим.

А листья просят: – Дай нам той утехи!
Сады прекрасны, росы – как вино.
Вороны пьют разбитые орехи.
А что им, чёрным? Чёрным всё равно.

ЛИСТОПАД

покраснели яблоки-цыганки
высокое небо побороло страх
костры как брошенные сигарки
каждую ночь дотлевают в садах
сады стоят обдутые ветрами
листки летят превращаясь в лузгу
и кто тут я статист этой драмы
сгребаю их сгребаю их и жгу
они горят горят не вопрошают
немым огородам ботву золотят
минуло лето вот и облетают
а облетели вот и шелестят

***

Лев с удивлением смотрит на осень,
На жёлтую и рыжую. Такую же, как он.
Кто её в клетку заглядывать просит?
От любопытства такого лев раздражён.
Не посчастливилось льву. Он молодой.
Какой такой сон, какой аппетит ?
Он, может, в Африку хочет, домой,
А тут эта осень листвой шуршит.

***

Ещё пахнет осень. Ещё роятся осы.
Ещё в дуплянках сладко медам.
А ночью на цыпочках ходит осень
И пламя георгин сдувает садам.

***

Простите, осень, я вас не впущу.
У Вас мороз на висках, между прочим.
Не барабаньте, подобно дождю,
Пальцами по подоконьям ночью.

Вот что хочу посоветовать Вам –
Наденьте пурпурную Вашу одежду.
Ибо сейчас плывёт Левиафан,
И всё меньше остаётся надежды.

***

На монастырский сруб криницы
Склонила осень гроздь рябин.
Когда-то шли сюда черницы
И брали воду из глубин.

Приснились мне их силуэты.
Печальный профиль, взгляд – зима.
Увы! Чудной народ – поэты:
Им снится выдумка сама.

Им снится то, чего не будет.
Любой из них – мудрец, дитя.
И по канату амплитуды
Идут виденья бытия.

И целый мир, и те черницы,
Дымок седой в горстях долин,
Кувшинчик тот, овраг, криница,
И гроздь тяжёлая рябин...

***

Осенний день, осенний день, о осень!
О синий день, о синий день, о просинь!
Осанна осени, о грусть ! Осанна.
Неужто осень, осень, о ! – О, Панна!..

Вот астры враз поникшие зашлись от боли.
А вот ковёр из птиц летит над полем.
Багдадский вор, багдадский вор похитил лето.
Кузнечик плачет среди трав – мелодий нету...

***

На цыпочках возвращаюсь в те дни.
Как солнце, всходят над нами они.

Там есть наш дом и тепло твоих рук,
И душа ещё не ведает разлук.

И гости, и друзья, и время для щедрот.
И счастье есть. И доченька растёт.

И сын цветов рисует зари,
Словно Маленький принц Экзюпери.

***

Иду в Карпаты сквозь летучие хмары,
Где рассветы вяжут узлы,
Где на скалах живут мемуары.
Молнии, столетия, орлы.

В золотой позёмке зверобоя
В рокошущей громами арбе,
Только небо у меня голубое,
И только душа у меня при себе.

ИГОРЬ ПАВЛЮК

в переводах Евгении Бильченко
и Риммы Катаевой

***

Сніг чадить.
Ліпитиму коня.
Бо дешева воля без повстання.
І давно не голена стерня
Коле, як приборкане кохання.

А життя йде швидше, аніж час,
Важко прикладаючись до щастя
В тих світах, де вже немає нас,
І у тих, де всім побути вдасться.

Протопчу стежину у снігах.
Так цілують мертвих і крилатих.
Впізнаю себе у ворогах,
Наче вина в ріках непочатих.

Що смішне, те трохи і страшне.
Те, що ламається, не гнеться.
Може, час життя наздожене,
Гляне в очі – і назад вернеться.

Світ простий-простий такий, мов сніг,
І складний, ну як сніжинка кожна...
Тож лицем в замерзлого вікні
Стане, може, квітка придорожня.

Гнотик свічки веною стає
І при тім прозоріє, прозоріє...

Сніг чадить.
І чується мені
Наперед написана історія.

***

Снег чадит.

Слеплю себе коня.
Всадник – волен, и восстанье ежели...
Колет полем бритая стерня,
Как любовь, когда она объезжена.

Приложившись к счастью кое-как,
Жизнь опять опережает время.
Всех миров беспрекословный знак
Разгадаю – только дайте стремя!

И тропинку протопчу в снегах:
Так целуют мёртвых и крылатых.
Узнаю себя в своих врагах,
Словно вина в реках непочатых.

Плач – не страшен.
Страшен – только смех.
И ломающееся не гнётся.
Время жизнь догонит (или смерть?),
Ей в глаза посмотрит – и вернётся.

Мир – простой: как дважды два, как снег,
Что умножен на свои снежинки.
Снова расцветают на окне
Утончённо-зимние ужимки.

Тает жила – фитилек свечи
Тоньше, тоньше, тоньше... Знаю: вскоре я...

Снег чадит.

Грей руки – и молчи.
Наперёд
Написана
История.

(Перевод Евгении Бильченко)

***

Зима.
Горобина –
Мов краплі блискучої крові.
Прилетять снігурі – склюють.
Прийде жінка містична.
Скрасить мою безтолковість.
З'явиться ціль і путь.

Зліпимо з нею у лісі
Бабу смішну снігову свою –
Таку, як в степах кам'яна.

Яка з них вічніша у нашім раю?
Та, що більше сумна...

***

Зима.
Кровь рябины.
Ягоды льдом окованы.
Ничего, прилетят снегири – склюют.
Старая мистика: придёт женщина,
Скрасит мою бестолковость.
Наколдует уют.

Вылепим с нею в лесу
Древнюю бабу русскую –
Как те каменные, что на самом краю
Дороги...
А кто из них будет вечнее в нашем раю? –
Несомненно, самая грустная.

(Перевод Евгении Бильченко)

ІЗ ЦИКЛУ «ПРОВІНЦІЯ»

1.

Українська провінція...
Одвічний сум за минулим –
Сивий, мов самогонка.
Серце, мов яблуко, падає
Від стогонів і зітхань.
Рветься там, де загробо,
Рветься не там, де тонко...

Провінція – це не села,
Це там, де нема повстань.

Хоча у клубах є танці,
Шевченка портрет різьблений.
І дві п'ятирічки штори
Непрані висять
На грубому склі.
Коли щось у світі стається,
В хлопів позіхають гени.
Баби витрясають з начиння
Хмари сумної тілі.

Настане весілля
Чи похорон –
Немає кому затягувать.
Пісні тільки ті, що «по радіо»,
Любов – чужий серіал.
Місцева відьма
(Бантикова колись відмінниця):
Магнітофонна магія –
Записала дихання
Матушки й батюшки –
Вийшов місцевий скандал.

Базари бездарно бренькають
Заморським «добром» і дебрями.
Нема ані шкури вовчої,
Ані чорноморських риб.

Провінція –
Звідки їдуть найкращі жінки
До Гондурасу чи Сербії.

А зігнута шабля з хребта
Ну ніяк не росте догори!

2.

Справа – «пункти обміну» Вітчизни.
Зліва – «пункти обміну» склотар.
Карє небо виріями тисне,
Мов міняє душу на товар.

Важко дітям. Важко білим коням.
Козакам і відьмам, кураям.
Хмари, наче сльози на іконі.
У кіоску «Преса» – «Тіме», «Хайям»...

Жовта преса, книжечка Хайяма –
Папіросний вогник і зоря.
На душі одна висока яма
Із любистком п'яним по краях.

Бродять мавки, рано постарілі,
Неподібні на простих жінок –
Що Оксани, Яни та Рахілі,
Тих, яким вже зараз все одно.

Продають патріотичне сало,
Аж бринить невтолена жага.
І здається – молодість пропала,
Й спереду, здається, дофіга.

Кінцем світу древньо віє з льоху
І недобрим степом – із ночей.
Справа – лохи,
Зліва також – льохи,
А по центру –
Баба із мечем.

3.

Знов Україна...
Край калини й ліні.
Волі край, неволі також – край!
Свиноїди.
Далі жовто-сині.
Мармурові полиски Дніпра.

Стогне свічка у келійній тиші.
Цвинтар.
Обіймаються хрести.
Батьківщино...
Що тебе сколише
Щастям несподівано простим?

Полини й тумани.
Бабські сльози.
Даль солодка й зла –
Неначе смерть.
Пісня в горлі.
Вічні передгрози.
Вічна віра.
Вічні нетепер.

Болі неокуплені, небілі.
Війн багато,
А життя одне.
От і знову половці набігли
На лице красиве і сумне.

Цвітом терну опадають зорі
Змучені від щастя ворожінь.

Україно,
Здрастуйте і sorry!

Жити лінь і помирати лінь...

ИЗ ЦИКЛА «ПРОВИНЦИЯ»

1.

Отечественная провинция...
Тоска из газетных рубрик –
Дохлая самогонка.
Души, как груши, – всё бы
Тряс: Вани, Мани, Тани...
Рвётся там лишь, где грубо –
Рвётся не там, где тонко...
Провинция – это не сёла –
Это где нет восстаний.

Но в клубах танцы – и часто!
Портрет национального гения –
Шевченко. С две пятилетки
Не стираны шторы на окнах.
А если что в мире случается,
Вздыхают холопы гены
И плачут бабам в жилетки,
Где тля никогда недохнет.

А коли, женят или хоронят,
Некому петь: сплошь пиратские диски с рынка.
Есть, правда, песни по радио.
Любовь – чужой сериал.
Местная ведьма не из десятка робкого
(Бывшая с бантиками зубрилка)
Записала, как батюшка матушку «радует» –
Получился местный скандал.

Базары поют заутреню
Шмотью да на нищих сердятся.
Ни волчьих шкур, ни резных звоночков,
Ни рыб из Чёрного моря.

Провинция
Откуда едут Василисы Премудрые
В Гондурас или в Сербию.
А горная сабля, погнутая в позвоночнике,
Растёт и растёт в мир горний.

2.

Справа – «пункты обмена» отчизны.
Слева – пункты «Приём стеклотары».
Кареглазое небо нависло,
Дабы рай обменять на товары.

Трудно детям и белым лошадкам.
Казакам и чертям новогодним.
Горизонт – беспокойный и шаткий.
А в киоске – «Бульвар», «Time», «Сегодня»...

Пресса жёлтая, томик Хайяма,
Папиросная гарь – и заря.
На душе – высоченная яма
С опьяневшей травой по краям.

Бродят старые псевдорусалки,
Как рыбалку, лелея окно.
Чьи-то Анны, Рахили, Наталки,
Чьи, за сколько – не всё ли равно?

Апокалипсис бредит эпохой –
Той, которой исход – нипочём.
Справа – лохи, а слева – подвохи,
А по центру – старуха с мечом.

3.

Украина... Небыли и были.
Воли и неволи крайний край!
Дали золочено-голубые.
Свиноеды. Чешуи Днепра.

Украина – край калин и келий.
Даль, где обнимаются кресты.
Родина моя! Невеста Леля:
Свадьбы ждёшь со счастьем простым.

Горизонт в туманах и полынях –
Злой и сладкий, в бабьих песнях весь.
Слёзы в горле.
Лени край – и сини.
Воры.
Вера.
Вечное «не здесь».

Боль баюкают: не снятся сны ей.
Сто боев – и жизнь на всё одна.
Снова половцы очередные
Дико поле разгребли до дна.

Словно тернии, спадают зори
От гаданий и колоколов.
Украина!
Здравствуйте и соггу.
Жить – облом и умирать – облом.

(Перевод Евгении Бильченко)

***

Море.
Ніч.
І дельфіна голос.
Безіменна зоря тремтить.
Твоє тіло – дзвінке і голе
Заперечення темноти.

Органічне, органне в жилах,
Солоніють видох і вдих.
На серцях виростили б крила,
Але ж серце наше з води.

Ми на морі сліди лишаєм.
Я – муз-чина і муза – ти.
Розпинаєм і воскрешаєм
Наше тіло, як мед густий.

Отако... отако... і вище...
Хвиля піниться й нас несе.

Ми – Життя!
Ми із моря вийшли.

Біля моря нам можна все.

***

Море. Ночь. И дельфина голос.
Звёзд две тысячи: все на «ты».
Твоё тело – звонкое, голое
Отрицание темноты.

Органично-органично в жилах.
Вдох и выдох – сквозная соль.
Человеку крыла – для жизни,
А для чаек крылатых – боль.

По прибою – шаги по шали.
Я – муз-чина и муза – ты.
Распинаем и воскрешаем
Мед гармонии-темноты.

Так, и так, и еще... И выше!
Жизнь волны, – что строка Басе.
Мы – есть Жизнь.
Мы из моря вышли.
Возле моря нам можно всё.

(Перевод Евгении Бильченко)

У СКЛЯНІЙ КОРЧМІ

Північ тремка –
Мов зіниці лиса.
Осінь.
Сиджу в корчмі.
Куди ми йдемо
І де взялися,
Такі сумні і самі?

Пісня сучасна
(Якась ніяка)
Із «брехунця» димить.
А ми розшифровуєм
Тайні знаки
Того, що над людьми.

Світло сумне
І парфумів запах
В цій от корчмі старій.
І поїзди (каже хтось)
«На Запад»...
І – журавлі вгорі.

Свічка – сльози
Старого лося,
Капає на калган.
Тим, що сидять тут,
Не раз довелося
Братися за наган.

Шрами у них,
«Татуйовки» сині...
Курви...
І мало слів.
Що їм до віршів,
До батьківщини,
До журавлів?..

А може, їм,
Саме їм сьогодні
Пр'яна печаль болить?
Церква-бабуся,
Діти голодні –
Як холості стволи.

Двері відчинені
Віком гробу.
Ранок сивий –
Мов ртуть.

Світ набирає
Божу подобу.

Я вибираю
Путь.

В СТЕКЛЯННОМ КАБАКЕ

Полночь дрожит
Как озябший зяблик.
Осень.
Полынь.
Кабак.
Куда мы идём,
И откуда взяты,
И обзовёмся как?

По радио вечные:
«Touch me now!»
Смысл любви – попса.
А мы, расшифровывая по знаку,
Всходим на небеса.

Сумрачный свет,
Парфюмерный запах –
В стареньком кабаке.
И поезда (говорят)
«На Запад»...
Лебеди вдалеке.

Свечка – слезами старого лиса
Каплет в подсвечник лет.
Этим, сидящим здесь, коли злиться, –
Браться за пистолет.

Шрамы, приколы, «татуировки»...
Бляди... Полно людей:
Что им до всех на планете Родин
И лебедей?

Или... А может быть, им как раз-то
Нынче больней всего?
Бабушка-церковь, дешёвый праздник,
Хилые дети... Вот.

Дверь растворилась
В стеклянном доме
В утра седую ртуть.

Мир обретает
Божье подобье.

Я обретаю
Путь.

(Перевод Евгении Бильченко)

***

Туманиться червона ртуть зірок
У небі, незахищенім – мов крила.
Все заросло снігами... і Дніпро...
Дніпро заріс... колиска і могила.

Нема доріг і запахів.
Лишдесь
Інтимний шепіт, а чи кулі посвист.
І хтось мене до вирію веде,
І хтось мені, далекий, стелить постіль.

За горизонтом, де цвітуть сади,
Мов піняться вогненно вогкі вина,
Душа танцює... дід ще молодий...
Іще початок, ще не половина.

Ще сіно пахне космосом віків,
А космос – океаном окаянням.

Зима... зима... сніги до димарів...
І рік новий... і ми, від щастя п'яні,
Рахуємо сніжинки теплих слів,
Що всім сміються крізь твоє волосся.

Сніги...
Нема ні неба, ні землі.

Того чекаєм, що уже збулося...

***

Туманиться багрово ртуть зари
В незахищеному небі – словно крылья.
Всё заросло снегами... Декабри...
Днипро заросший... колыбель... могила.

И нет дорог, и запахов.
Но вот
Интимный шёпот, то ли пули свист.
Кто-то меня в тепло своё ведёт.
Кто-то постель поможет мне страсти.

За горизонтом – цвет босых садов,
И пенятся огнём лихие вина,
Душа танцует... Дед мой молодой...
Ещё начало, а не половина.

А сено пахнет космосом веков,
А космос – океаном окаянным.

Зима... зима... и снега – до зубов...
И новый год... и мы, от счастья пьяны,
Снежинки двигаем из тёплых слов,
Сквозь волосы твои звенят отважно.

Снега...
И нет ни неба, ни земли.

Того мы ждём, что уж сбылось однажды...

(Перевод Риммы Катаевой)

***

Стояв зажурений.
Не молився:
Не хотів турбувати Бога...

Невже, моя доле, така ти вся –
Дорога, дорога, дорога?..

Гарячий пісок в годиннику
Шумів, як вода посолена,

Порізана павутинками,
Обезболена.

І – пусто.
Не видно музики.

Лиш «чайки» пливуть із «Турції»...

На нервах –
Гордієві вузлики.

То і є революції.

***

Стоял печальный.
Не молился:
Не хотел волновать Бога...

Неужто доля, такая ты вся –
Дорога, дорога, дорога?

Страстной песок за грудиною
Шумел, как вода, подсолённая,
Порезана паутиною,
Обезболена.

И – пусто.
Не слышно музыки.

Лишь «чайки» плывут из «Турции»...

На нервах –
Гордиевы узелки

Это есть революция.

(Перевод Риммы Катаевой)

ІЗ РОМАНУ У ВІРШАХ ІГОРЯ ПАВЛЮКА «ПАЛОМНИК»

В моєму пiлiгpимному буттi
Були пiзнiш америки, європи...
Днiпро i степ, Ворота Золотi,
Протоптанi в снiгах мисливськi тропи.

Про них акорд окремий i строфа.
Так склалась про Америку поема .
Моя душа iще на нотi «фа»,
На «сi» для тiла дозрiває тема.

Вже прагнутьcя вертатися назад.
Вже хочеться почати все abovo.
Сприймати снiгопад, як цвiтопад,
I запахи вбирати кольоровi.

Спокiйним свiтлом стати десь отам,
Де чорнi конi Воланда пасуться,
Де мама спить, ранкова i свята,
Де суть ця...

ІЗ РОМАНА В СТИХАХ ІГОРЯ ПАВЛЮКА «ПАЛОМНИК»

В моём, уж пилигримном бытии,
Позднее шли америки, европы...
Днипро и смак Ворот тех Золотых,
В снегах протоптанные тропы.

Про них – аккорд особый и строфа
Сложилась про Америку поэма.
Моя душа ещё жила на ноте «фа»,
Но «си» для тела назревает тема.

Уже стремится повернуть назад.
Уж хочется начать всё ab ovo.
Воспринимать бы снегопад, как цветопад,
И собирать цветастые обновы.

Спокойным светом стать бы где-то там,
Где злые кони Воланда пасутся,
Где мама спит, вся по утрам свята,
Где – не споткнуться б!

(Перевод Риммы Катаевой)

ПОДОРОЖ УКРАЇНОЮ-XXI

Грибасті дачки, цвинтарі, тополі...
Обабіч шпал то степ, то лісостеп.
І жили рік, як сьоме небо, голі.
Хлібина Сонця.
Церква вглиб росте.

Полинний присмак пісні над курганом,
Базарчики стихійні – «Піво», «Квас»...
Тут навіть дим з махновського нагана
Ще купите,
І псевдо-«adidas».

Зруйновані млини, заводи, ферми...
Скрізь мітинги – як танці на гробах.
А дві доби – такий колійний термін
Проїхати Вкраїну яко Шлях.

Луганськ – Донецьк – Ізюм і Запоріжжя...
Софіївка, Джанкой, Житомир, Львів...
Народи – в назвах.
Щось одне відріжеш,
Вважай – усю історію підвів.

Давно мандрую в просторі – як гроші.
А кожен простір – то приспаний час.
Комусь вже й степ – неначе шлюбне ложе,
Де хтось колись кричав, робивши нас.

Я вріс корінням в землю цю по крила,
У світ, де більше блиску, ніж тепла.
У цьому моїх віршів ніжна сила,
У тому, коли треба, сила зла.

Тож їду Україною до себе,
Як під водою, – у такий туман.
Метал червоний вітряного неба...
А слів – нема.

А дні такі – усмішки журавлині,
Чи зайчєнята сонєчні з мечів.
Церкви біленькі – як боги із глини,
І блискавки – коріння райських снів.

В нас печеніги, половці і скіфи
З аїром в зататарєних очах.
Ми любим плоть.
Ми родим наші міфи.
Вітрами нас хрестив
Чумацький Шлях.

Чого ж мені у хаті не сидиться?
Вже дім – як дим,
Як синій нерв ріки.
І журавель у небі, і синиця...
Іде наш поїзд – як ідуть віки.

Дівки уздовж струни, як риба, голі.
Проста, як пісня, осінь, журавлі.
Ворони білі з профілем монголів
І чорні люди з профілем шулік.

А зверху небо зоряне, як зоране,
Засіяне по чорнім золотим.
Проїду Україною на «скорому»...
А далі – хвилі.
Тут вже треба йти...

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО УКРАИНЕ-XXI

Грибные дачки, площади, жилища...
А с двух сторон то степь, то леса плоть.
И жили год, седьмое небо, нищи.
Буханка Солнца.
Церковь вглубь растёт.

Полынный привкус песни над курганом,
Базарчиков стихии – «Пиво», «Квас» ...
Тут даже дым с махновского нагана
Вы купите.
И псевдо-«адидаас».

Разрушены вконец заводы, фермы...
Вкруг – митинги, как танцы на гробах.
За двое суток – путевой наш термин –
Проехать Украину как бы шлях.

Луганск – Донецк – Изюм и Запорожье...
Софиевка, Джанкой, Житомир, Львов...
Народ – в названиях.
Одно убьешь ты,
Считай, что всю историю подвел.

Давно я путешествую – писакой.
Простор любой – баюкающий час.
Кому-то степь – как будто ложе брака,
Горланил кто-то, сотворяя нас.

Я врос корнями в землю ту по крылья,
В тот свет, где больше блеска, чем тепла.

И оттого в моих стиха та сила,
Что если надо очень, – сила зла.

Да, еду Украиною к себе я,
Как под водою, – сумрачный туман.
Металл пунцовый ветряного неба...
А слова нету. Лишь один обман.

А дни идут – улыбкой журавлиной,
Как зайчики из солнечных костров.
Белеют церкви – божества из глины,
И молнии – корнями тайских снов.

В нас – печенег, половцы и скифы
С аиrom в зататаренных глазах.
Мы любим плоть.
Мы порождаем мифы.
Ветрами нас крестил
Чумацкий Шлях.

Ну отчего мне в хате не сидится?
Уж дым – как дым,
Как синий нерв – рука.
И журавлёнок в небе, и синица...
Идёт наш поезд – как идут века.

Девчонок вижу, словно рыба, голых.
Проста, как песня, осень. И светла.
Белят вороны с профилем монголов,
Чернеют люди с профилем орла.

Сияет небо звёздное, как взорано,
Засеяно по черни золотым.
Проеду Украиною на «скором» я.
А дальше – волны.
Надо уж идти.

(Перевод Риммы Катаевой)

Гостиная

АНДРЕЙ ГРЯЗОВ
Киев

***

Не важно, что отвергаю, или приемлю...
Кругом новостройки...
а у людей нет хлеба...
Сначала всегда отнимали землю.
Потом всегда отнимали небо.

***

Прости меня за слезы все твои,
За всё, что состоит не из любви.
За все слова, за все дела не те...
За ночи все в громадной пустоте.
За это всё: пойми, прости, забудь...
За всех других, уткнувшихся мне в грудь.
За холод там, где было горячо.
И не подставленное во время плечо...
И эту глупость говорить: «прости»...
Как на костре прощальном развести.

***

Кто говорит на нашем языке.
И как Сусанин водит по руке.
Поймёт глагол и выжженной травы,
Не опуская в небо головы.
Не провожая взглядом до угла,
Того, кто принял лишний градус зла.
И, кто готов, так просто и смешно
На языке... без языка давно.

***

Пыль не сядет. Пыль не осудят.
Пыль остаётся. Уходят люди.
Проще простого, было и будет.
Пыль заметают. Мечутся люди.
Кто целовал губы заката,
Был выше неба и дальше – когда-то,
Выпив вина или, может, кумыса,
Он мастерила скрепку нового смысла,
Соединяя от «после» до «раньше»,
Истину дна без поверхности фальши...
Пыль не осядет. Пыль не осудят.
Пыль собирают новые люди.

***

У неё была походка струящаяся как дождь.
Вприческу взбалмошных, ветреных рощ.
И ещё нечто такое...
У нее была четыре глаза и два рта,
У нее была общая с небом одна голова
И ещё нечто такое...

За ней не мог угнаться ни один Мук,
Шива стыдился, что у него мало рук.
Но главное даже не это...
Стоило подойти к ней... и каждый раз,
Я забывал какой мне закрыть глаз,
Потому что главное даже не это...
И если ты если хочешь узнать, подойди и спроси...
А что дальше... тсс.

***

О мальчишке хотел я сказать, о девчонке,
И о родинке где-то под левым плечом.
Я всю жизнь говорю, но не знаю, о чём я...
Я молчу больше жизни, не зная, о чём.
Я хочу вспоминать. Я хочу вспоминая
Посмотреть не на грудь... но за женскую грудь
Заглянуть, и сказать: «Ты не просто другая...
Ты из вида «когда-то», породы – «нибудь»...
Не отнять, не понять, не успеть за мгновеньем,
Как за той стрекозою из детского сна,
Где за точкою слуха и точкою зрения –
Многоточье рассудка и капли вина...
О мальчишке не смог... и не смог о девчонке...
И о Родине где-то за левым плечом.
Я всю жизнь говорил, но не зная, о чём я...
Замолчу я навеки, не знаю, о чём.

Из старого «Песочные часы»

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Я времени давно не наблюдаю.
И значит – счастлив? Может быть, и да.
Но так бывает, если иногда
Хвостом заденет, падая, звезда,
И с неба хлынет вслед вода живая.

Как дерево стоишь, дрожа листвою,
А икры охватили стебли трав,
Подошвы прожигает звёздный сплав,
С руки сползает медленно рукав
И видишь вдруг – висишь вниз головою...

Летучей мышью, глазками сверкая...
Летучей мыслью: «Что же видит Бог?»
И чувствуешь, как звёзд седой песок
Из ног струится, или из-под ног
И в голову твою перетекает.

Чтоб ты увидел прямо перед собою
Историю земли в пластах томов,
Налитые теплом глаза домов,
Пульс нитевидный речек и холмов
В клубке тяжёлом названом судьбою.

И с той поры я просто это знаю:
Который час, смешно – который час...
Отмерю время от руки до глаз,
Смешаю завтра, разведу сейчас,
И с глаз долой пушу пернатых стаю.

ВЕЧЕРОМ

Проводивши тебя, и, вернувшись,
Сквозь окно я смотрю и сквозь мглу,
Выдыхаю бессмертную душу
И размазываю по стеклу.
В этот тихий, сговорчивый вечер,
Что покоя опять не даёт?
И какая-то сила за плечи
Вдруг хватает меня и трясёт.
И твердит мне: «Очнись и подумай,
Обернись, посмотри, оживи!».
Словно в тряске и уличном шуме
Легче жизнь отделить от любви...

Нет, не надо, я вовсе не трушу
Всякой правды глаза хороши...
Я смотрю сквозь вечернюю душу
За окном – только тьма. Ни души.

***

В сказку меня унесла, где снега,
В воздухе фей осиянные пальцы,
И балерины с картины Дега,
И Фредерика волшебные вальсы.
Так унесла далеко-далеко,
В мир, тот, что создан глазами твоими
Кто ты – Лаура, Лоренца, Леско?..
Гением светится каждое имя.

ВОДА

Мы прощали друг друга, как зимы и весны,
Как земля и вода. Словно тающий снег
Был смягченный твой взгляд, как из светлого воска,
Возвращался в тебя глубиною двух рек.
И в глазах отражалось июльское солнце
Золотило поверхность мгновенной волны,
Словно два состояния противоборства
Чувства счастья и чувства глубокой вины,
Что сходились в тебе словно глыба и глыба.
Разрушая поверхности ложный покой,
И со дна поднималась огромная рыба
Немотою бездонной, безбрежной тоской.
Я стоял и смотрел, и безумная жалость
Вперемешку с любовью, сочилась из глаз,
Сколько раз безоглядно в меня погружалась,
Я в тебя уходил с головой сколько раз...

Мы прощали друг друга на грани забвенья
И на грани рассудка, на грани беды...
Там, на дне твоих глаз – перламутровой тенью
Вижу то ли себя, то ли тайну воды.

***

Глаза болели видеть пустоту
В любой гурьбе толпящихся предметов,
Неважно человеков, иль скелетов,
Которым просто жить неумоготу...
И вспоминал я слово карандаш.
До боли свой, до боли Отче наш.
Пока делю я с небом сердцевину,
Пока делюсь вином, или виной,
И становлюсь я целой половиной,
Ещё не расшифрованной мной.
И повторяю: слово из стекла
Богемского, бомжацкого, босого...
Ты жизнь спасла
И смерть мою спасла,
Заснув на век, мгновенье проспала
И проступила сквозь лицо росой...

Глаза болели... вкривь и вкось, и вдоль
Не видеть пыль, не видеть боль и боль
И наслаждаться тьмою, как везеньем,
Когда за внутренним, придёт иное зреньё
Последним,
Кто приходит за тобой.

МИХАИЛ КРАСИКОВ
Харьков

***

Человек обстрелянный
отличается от необстрелянного,
как дикое животное
от домашнего.
Случайность бытия
и неслучайность небытия
квартируют в его мозгу
постоянно.

***

Памяти Юрия Щербинина

Г л у б о к и й
старик!
Ныряю в него,
в его память...
Выныривать –
не хочу!

***

Кто скажет,
что сад в цвету,
занесённый апрельским снегом,
весной опьянён?

***

Не захлебнувшись
волной Хокусая,
стоит ли жить?

***

Харакири
сделало на закате солнце
журавлиным клинком.

***

Когда в окне
дуб и птицы –
думаешь о в ы с о к о м.

***

...и на ж и в у ю нитку
судьба сметала
мёртвую петлю.

***

А счастье притаилось за углом
с зловещею улыбкою бандита.

***

Князь не хотел брюхатить девок,
да вот Wi-Fi всё барахлил...

***

Жук-вонючка,
даже о тебе буду жалеть,
уходя в иные миры!

***

Потерялся старик.
Ищут в пространстве города,
а он заблудился
в пространстве Времени.

ПАНДЕМИЯ

Руконепожатье
теперь не кара...
Лафа подлецам!

***

Розу несут на свиданье,
как дротик,
когда идут на охоту
на мелкого зверя.

***

Вывел мерзавца
на чистую воду,
и вот – в грязи по уши!

НАТАЛЬЯ ВАРЕНИК

Киев

КИЕВУ

Над Владимирской горкой – ослепительный свет,
А над Лысой горой собираются тучи...
Вся столичная нечисть хохочет мне вслед
И летят бесенята с Андреевской кручи.
Я давно уже вышла за пределы вещей,
И поют мне, как вихри, небесные сферы.
Сквозь меня по Подолу проходит Кашей,
И с лепнины готической скачут химеры...
А над Лаврой по небу плывут облака,
Но с Майдана доносятся отзвуки тризны...
И Печерские старцы глядят сквозь века,
Обжигая бездонной своей укоризной.
Десятинная церковь, спаси от стихий!
Дай нам выстоять в нашей небесной обители!
А с Фроловки над Киевом дыбится Вий,
И проносится Панночка на истребителе...
Над Софией – то грозы, то дуют ветра,
Бабий Яр сотрясает глухими раскатами,
И кипят переправы на склонах Днепра,
И фашистские свастики в небо впечатаны...
А с Афона святыни монахи несут,
Заслоня щитом всё, что Родине дорого.
И в тоннелях метро мы уходим на Суд,
Как на лодочках – к Стиксу подземного Города...
Небо рушится, атомы крошатся в дым,
Распадаются память, генома, мгновения...
Древний город, осыпанный пеплом седым,
Я держу тебя, стиснув в своем измерении!
В столб светящийся вплавив отчаянный стон,
Я держу тебя, Киев, над бездной сверкающей...
А над нами на горке – Владимир с крестом
Держит небо и землю над этим ристалищем.

***

Медовый зной стекает с колоколен,
Тягучий звон течёт с сосновых крон...
Не верится, что мир смертельно болен
И мы живём в конце земных времён.
Но золотится церковь на пригорке,
Лучи блуждают сонно по лицу,
И меж дубов распахнутые створки
Открыты солнцу, небу и Творцу.
На пике лета, в мареве июля,
Меж вековых стволов, в зените дня,
Летят в пространстве медленные пули
С безмолвной зыбкой линии огня...

И кружатся Архангелы над нами,
Идёт война, но притупился страх,
И облако, как порванное знамя,
Трепещет на сверкающих крестах.
А пули, как шмели, неуловимы,
Заворожено их касанья ждём.
И отступая, плачут Херувимы,
Но слёзы их пройдут слепым дождём...
А зной стекает привкусом металла
В песок и хвою – с каплями росы.
И молча тени выйдут из Портала,
И, вздрогнув, остановятся часы.

***

Корабельные сосны по небу гребут,
Разгоняя лохматые тучи...
Мир везде одинаков – в Тибете и тут,
В нас самих – мироздания ключик.
Но как чудо – сосновая роща в глуши,
Рыжей хвои и мха покрывало...
И становится ясно – для счастья души
Нужно так удивительно мало!

Нужен свет и простор, чтобы ветер с небес
Дул в сосновые крепкие снасти...
Не ищите за морем каких-то чудес –
Всюду те же сюжеты и страсти.
Фантастичность заката и проблеск зари –
Где б по миру тебя не носило,
Важно то, что не рядом, а то, что внутри:
Мир, гармония, мудрость и сила.

Чтоб стоять на холме, сквозь себя пропустив
Понимание жизни и света,
И душой ощутить, как рождается стих
Весь пронзённый дыханием лета.

***

Белый налив с голубой червоточиной,
Дождик косой с ослепительной радугой...
Спелому лету уйти напророчено,
Жару – потухнуть, но это не радует.
Птица ночами кричит неприкаянно,
Стали рассветы пронзительно-ранние...
Прямо за церковью – мира окраина,
Прямо за лесом – война и страдание.
Несовместимы сверчки и созвездия
С пульей, летящей своей траекторией.
В зной погружённые, ходим по лезвию,
Не сознавая, что пишем историю.
Призрачно поле с цветами лазурными,
Призрачен август с гремящими грозами.
Нас охраняя от войн и безумия,
Ангелы в небе повисли стрекозами.
Осень грядёт листопадом и бурями,
Станут деревья сухими и голыми...
Старцы Печерские смотрят нахмуренно
Перст положив на повинные головы.

Не замечая простые знамения,
Плача, греша и неистово каяся,
Мы не надышимся каждым мгновением
На волоске от всеобщего хаоса.

ПЕТРА И ПАВЛА

Петра и Павла... На макушке лета
Сияет нимб, одетый набекрень.
На маковки церковей жара надета
И позолота с них стекает в тень.
Ещё плывут венки купальской ночи
И тают в чаще духов голоса,
А дни, хоть на минуту, но короче,
И чуть свежей рассветная роса...
Но волшебство переломленья года
Ещё в разгаре, как июльский зной.
Языческая магия природы
С божественной сплелась голубизной.
Всё в эти дни светло и необъятно,
Как будто мир не прожит до конца –
Трава душицы, в поле запах мятный
И паутинка лета у лица.

***

Ветки сосновые ломаются в окна,
Каждая звёздочка в небе видна...
В лунном свечении насквозь намокнув,
Ветки, как звери, шуршат у окна.
После дневного латунного зноя
Ночь холодна и прозрачен рассвет.
В окна топорщится чудо лесное
И мотыльки устремились на свет.

Таинство ночи, могущество ночи!
Мир закольцован в магический круг,
Каждый листочек под чудо заточен,
Каждая бабочка кормится с рук...
В чаще мелькают то всадник, то пеший,
Светят во тьме светлячок и звезда.
Варит похлёбку из морока Леший,
Ухает птица-баюн из гнезда.
Мох и травинки, ежата и ели,
Капли росинок в полуночный час –
То, что в асфальт закатать не успели,
Ночью стеной наступает на нас.
Мир, как клинок, лишь запятанный в ножны,
Полный божественных призрачных сил,
Даст нам понять, как глупы и ничтожны
Те, кто богами себя возомнил...

***

Воздух тяжёлый, как липовый мёд,
Вниз по деревьям струится.
Лето из медного ковшика льёт
Зной на усталые лица.
Не шелохнётся под ветром трава,
Пряный дымок источая.
Лето, как жнец, засучив рукава,
Косит соцветья для чая.
Белки мелькнувшая рыжая тень,
Ягод янтарное блюдо...
Как в океан, погружаемся в день
Этого знойного чуда.
Рай, если есть – это именно здесь.
Вдох, как мираж из кальяна.
Красок и запахов странная смесь.
Август. Лесная поляна.

***

За каждым поворотом – Божий знак,
А человек проходит, как незрячий...
Попробуй заглянуть в глаза собак –
В них взгляд какой-то явно не собачий.
Здесь метки Божьи есть со всех сторон
И мир на быт привычный непохожий,
Когда стекает жар с дубовых крон
Горячим мёдом на спины проходим.
Здесь ночь пронзает странный птичий крик,
Но мы его не слышим по привычке,
Спеша по жизни, словно *время пик*
Несёт нас, как лавину, с электрички.
А мир особой мудростью объят
И нам сказать пытается об этом,
Когда деревья с головы до пят,
Как известью, залиты лунным светом
Сверчки, травинки, съёжившийся мох,
Рой мотыльков, струящихся по коже...
Волшебный мир лежит у наших ног,
Как океан, в который мы не вхожи...

ОЛЕГ НИКОФ
Киев

МАМА МЫЛА РАМУ

Ты говоришь, – всё хорошо.
А мне б отвлечься...
Как будто день один прошёл –
Минула вечность...

Я думал, мне достанет сил –
На дни и годы...
Казалось, я не уходил, –
Гостил поодаль.

Казалось – сел не в тот трамвай, –
Пустяк неловкий.
И вот вернулся невзначай
На остановку...

А там – с мороженым лоток
Всё тот, уютится,
И тот же, вроде, паренёк,
Обнял девицу...

Но... вот идёт мой школьный друг, –
Он сдал заметно:
Идёт вальяжно, как и внук
Его трёхлетний.

Но вот мой дом... В моём окне
Другие рамы.
И в нём, увы, не машет мне
Рукою мама...

Ты говоришь, – всё хорошо?
Ты прав. Отчасти...
Казалось – только миг прошёл, –
Минуло счастье...

СТАРЫЕ ИГРУШКИ

Как дни – я воскресенья и субботы
Не чту, за статус «красных» выходных, –
Рутину неминуемой работы
Традицией возложена на них...

А батя мой... Он был иной закалки,
Традицией считая пикники...
Каких лещей мы брали на рыбалке...
Как вкусно пахли дымом шашлыки!

И вот – суббота... Я сбежал из дома –
В рабочей форме, «полунеглиже» –
Скрываюсь в старом, с детских лет знакомом,
Отцовском запылённом гараже...

Сегодня – не обычная уборка,
И грустен предпродажный антураж:
Уже семь лет, как продана «шестёрка»,
И вот пришёл черед: теперь – гараж...

Здесь вещи, о которых все забыли,
Лежат, пылясь – какой от хлама прок?
И вдруг, на полке, под «коврами» пыли,
С игрушками нашёл я закуток...

В коробке проржавели автоматы,
И щелкавший пистонами «наган»...
Лежат безмолвно «русские солдаты»,
И сломанный когда-то барабан...

А вот мой «ЗИЛ» – любимый... Бесколёсный...
Я вытер пыль, и сжал его в руке...
И – я же сам? – зачем мне прятать слёзы? –
Прочёл на днище: «цэрупь сорок кэ»...

Признаюсь, я не видел слёз у бати,
Хотя не обошла его беда...

Прости, отец, что плачу так некстати.
Я счастлив был, поверь мне, в те года...

ВСТРЕЧА ОДНОКЛАССНИКОВ

Здравствуй, Серый! Ну, как ты там?
Как мечтал, благодать да тишь?
Смотришь бодро, не по годам...
Улыбаешься и молчишь...

Мы живём – не обидел бог:
Дочь растёт, да ворчит жена...
Разделила со мною срок
У казённых дверей сполна...

Это сколько ж минуло лет,
Как не виделись мы с тобой?
Да!!! От Лены тебе привет!
Разошёлся с ней тот «плейбой».

Знаешь, в общем-то, недосуг
Стало нынче вершить дела.
Устаканилось всё вокруг –
Жизнь размеренная пошла.

А вот помнишь, как мы могли:
Ритм, басуха, бутылъ вина, –
Петь в два голоса «Журавли»
И Макаровы «Три окна»?..

Помнишь, в восемьдесят втором,
Жизнь планируя наперёд,
Мы мечтали с тобой о том,
Как двухтысячный встретим год?..

Не сложилось. Прости, браток.
Разошлись мы с тобой в пути.
Веришь, раньше никак не мог
Я могилу твою найти...

ТЫ ПОМНИШЬ, ДРУЖИЩЕ?

Ты помнишь, дружище, вьетнамские кеды?
Коленную выпуклость детских колгот?
Настольный хоккей у блатного соседа?..
А ну-ка, напомни, какой это год?

А помнишь те, вязанные рукавицы,
Да-да, на резинке из старых штанов?
Сестёр разлучённых серьёзные лица
В наивном, как сказка, индийском кино?

Как строили мы во дворах «халабуды»,
И не были метры хрущёвок тесны?
Ты помнишь, как пахли пожухлые груды
Листвы подождённой? А запах весны?

Ты помнишь – мы жвачку жевали неделю,
Обертку её, словно ценность, храня?
Ты помнишь «Орлёнок»? Вот это был велик!!!
Его я на спиннинг потом поменял...

Ты помнишь, «копейка» считалась машиной
Престижного класса, – почти «Мерседес»!
«Битлов» мы писали тогда на бобины..
На деньги не спорили, – на интерес...

На школьном дворе помнишь лихость былую
И первый, с ночёвкой в палатках, поход?
И, помнишь, решались мы на поцелуи...
А ну-ка, напомним, какой это год?

Ну что, вспоминаешь? – и то уж немало!
Давай-ка нальём за ушедших ребят...
«Несчастное детство»? – Не прав ты, пожалуй!
Счастливей – не будет уже у тебя!

ЭТО БЫЛО КАК БУДТО УХОД В АСТРАЛ...

Это было как будто уход в астрал...
Тот, где тело с душою врозь:
Он всегда приходил, если я желал,
А порою без всяких просьб.
Он не ведал запретов, не знал табу.
Был со мной бесконечно прост.
Напевал мне тихонько названья букв,
Я лишь делал их перепост.
Он шептал мне на ухо – едва-едва,
Чтоб подслушать никто не смог
Сочетания звуков, творя слова,
А из них – сочетанья строк.
Я себе наливал до краёв бокал,
Прикурив – запивал взахлёб,
И записывал всё, что он подсказал,
Не забылось под утро, чтоб...
Чтобы утром, пролистывая блокнот, –
Поражаясь, что почерк нов! –
Распознать письма не из букв, а нот,
Или даже не нот – штрихов.

Я спешил расшифровывать те штрихи,
Не откладывал на потом.
И читал удивлённо его стихи,
Алкогольный поправ синдром.
Это было как будто уход в астрал,
Где душою я неглиже...
Наливаю себе до краёв бокал...
Да блокнот потерял уже.

Портрет в чёрном

ВАСИЛИЙ ДРОБОТ
Киев

ЭВРИДИКА
Запоздалый реквием

*Светлой памяти моей невесты
СВалентины Павловны Митюк*

1

Ты водила меня по снам,
Не давая себя найти.
Эти сны улыбались нам,
Но бросали меня в пути.

Ты встречала меня во сне
Лёгким выдохом тёплых губ
И стихи диктовала мне,
А потом уходила вглубь.

За тобою бросался я
Вниз, в долины чужих полей...
Ты шептала мне: «Я твоя,
Только слёз обо мне не лей!

Столько слёз обо мне! Зачем?
Оставайся на свете, жди».
Я остался. Я жду. Ни с чем.
Только вспомню – идут дожди.

Вот и вышла писать сначала
Предугаданная пора,
Будто поднята снова чара,
Та, что выпита мной вчера.

А была на куски разбита,
Чтобы вновь не искать в ней дна.
И забыта... И не забыта,
В целой жизни моей – одна.

Мне уже сомневаться поздно,
Жадно в руки схватив гужи:
Может, я для того и создан,
Чтоб писать о тебе всю жизнь?

Чтоб извечно и неуклонно,
Как живому и надлежит,
Возвращаться к тебе, как в лоно,
Без которого мне не жить?

Не бежать рокового края,
За которым уже не мы...
Кто сказал, что меня карает
Это тёплое царство тьмы,

Где отец, а теперь и мама,
Где осталась любовь моя,
И куда столько лет упрямо
По ночам пробираюсь я?

Край надёжности и доверья
(Я просился туда, как в сад).
Если б ты мне открыла двери,
Разве я бы пришёл назад?

Разве выжил бы? Но в ответе
За двоих моих сыновей
И на том, и на этом свете
Ты осталась меня умней.

3

Жизнь – дорожка. У всех – своя.
А по краю поставлен я.
И за краем – не топь, не гать –
Те же люди. Рукой подать.

Я иду и стучу в дома.
Может быть, я сошёл с ума?
Или кто-то меня ведёт?!
Нет на этом – иду на тот.

В пыль за краем шагнул ногой –
Те же люди. А свет другой.
Открывают: «Она? Была.
Но ушла. Далеко ушла...

Не сказала... А как же, есть.
Будешь верить, и будет весть.
Вот и примешь её душой...»
Я иду по земле чужой,

Ставлю разум и жизнь на кон,
Прижимаюсь к стеклу окон,
Больно тычусь душой в стекло...
Чую сердцем твоё тепло,
Ближе, ближе... окно, окно...
Увидать тебя не дано.

Нет-нет, мы встречались. Извечною данью
Ложился рассудок под ноги судьбы.
И были прозренья, и были свиданья,
И были друг к другу прижатые лбы.

И полночи, полные лунного света,
И дикий, бескрайний ночной окоём...
И ты выходила ко мне из портрета,
И не было холода в теле твоём.

И не было в сердце, а тёплая жалость
Катилась безмолвно слезами из глаз...
Невольным предательством жизнь продолжалась,
Оставив одну – для другого из нас.

Стучит по листьям дождь осенний,
Холодным ветром дышит сад,
И тучи, скрадывая тени,
С утра над городом висят.

Вдруг, словно ток бежит по коже:
Мир превращается в родной,
И всё становится похожим
На где-то виденное мной.

Вот-вот должно случиться чудо,
И наступает в сердце тишь,
И ты приходишь ниоткуда,
В глаза мне смотришь и молчишь.

Я подойти стараюсь ближе
По граням вымокших камней,
Но сквозь тебя я стены вижу
И даже трещинки на ней.

А тучи низко проплывают,
И капли падают, звеня.
И ты стоишь, совсем живая,
И тоже видишь сквозь меня.

6

Ну вот и конец. Из обыденной темы
Сбежать не дано: наглотаешься лжи.
Я просто писать не умею поэмы,
Побольше писать, чтоб удачливей жить.

Подолгу жевать бесконечные фразы,
Чтоб, выждав, обрушить словесный брикет...
Прозренья мгновенно. Является сразу.
У Божьего слова попутчиков нет.

«Ты пишешь?» – спросила.
«Пишу, только плохо.
За рифмой плетусь, будто конь за уздой.
Боюсь, не выходит...»
Схватила за локоть:
«Смотри, – говорит.
– Но ведь ты же седой!

Не слишком ли рано?»
– «Не слишком, надеюсь.
Пишу оттого, что мне больно в груди.
А дальше бессмертье проверит на деле...»
Кивнула, вздохнула, сказала: – «Иди!»

7

Живу... А мудрость не приходит.
Наверно, годы ни к чему.
Наверно, это в генокоде:
Не научиться ничему,

Не защищаться в жизни, просто
Не знать, где счастье, где беда.
И под конец уйти подростком,
Как ты когда-то. Навсегда.

Так мотылёк, рождённый на день,
Всю жизнь живущий днём одним,
Не повзрослеет... Бога ради,
Не плачь, любимая, над ним.

АЛЕКСАНДР РЕЗНИК
Киев

ГИБЕЛЬ БОЭЦИЯ

Не всё ли равно, в Риме ль, в Греции,
В Касталии или в Гель-Гью,
Ликуя, казнят Боэция
И вина под ноги льют!

Фальшивят певуны в терциях,
Не в тот попадая тон:
Сегодня казнят Боэция –
Опасно был чист и умён!

Сзывает отродье дотошное
Сворованный где-то кимвал
На казнь чудака – за то, что он
Ангелам подпевал.

«В какой мы кулак были собраны!..
Но он... Что наделал он
Своей фило... как её... софией –
Лишь смута одна да стон!»

Казнили последнего римлянина,
Юпитер был глух к тому.
Но зло хохотали эринии
Сквозь тысячелетнюю тьму,

Как будто наружу тронулась
Запретная муть всех времён!
Спросить бы об этом у Хроноса,
Но поздно – он тоже казнён...

А нынешние – что за племя-то?
Беснуются север и юг:
Где страны в провалах безвременья,
Там лучших всегда убьют!

У ТРАУРНОГО ПОРТРЕТА ПАВЛА ШЕРЕМЕТА

Беспощадное лыко в строке
Обернулось взрывчаткой в шасси.
Не печалься о том, кто за кем, –
Ты за лыко лычку проси!

Не попросишь? Ну что ж, флаг тебе... –
Не жалею о скором исходе,
Жди подмоги только с небес:
Только там – и Свобода, и Родина.

Положась на любовь и совет,
Отпуская кого-либо с миром,
Знай: коль слабым себя чует свет,
Покровительства ищет у тьмы он.

Как тебя бы ни звали, но вдруг
В прошлой жизни ты не был Савлом,
Будь готов, друг мой, выйти за круг
И судьбу разделить свою с Авелем.

Если сеешь добро, спор и прост,
Исцеляя недуги и раны,
Будь готов умереть в полный рост,
Пред злодеем и Господом равный.

***

Для меня нет конца без начала,
А начала – без вдохновенья.
И бессмыслен путь без привала,
И пусты небеса без знамений.

Я не мыслю Эллады без Трои,
А героя – без царской опалы.
Ну а Бог – что за Бог без Троицы?
Что – Луна, если звёзды опали?

Тьме без звёзд даже волки не рады.
Тайный сход вожаков – не стая.
Грех – не грех без возмездия Адом,
А любовь – не любовь без Рая.

МОЕЙ НАТАШЕ (диптих)

I

К тебе, моё воздушное создание,
В какую высь, в какую даль себя увлечь?
Какою дымкой, тенью, сенью стать мне?
Каким богам поведать свою речь,
К ногам твоим чтоб алым цветом лечь?

К ногам... К перстам... Зардев горе и долу
Весь видимый и потаенный мир,
Красу с огнём братая непокоем,
Когда рассвет на меди труб настоян,
Когда весь век в пути нас только двое,
И скроен мир из топ'а и аті...

II

Улечу и оставляю от котурнов лишь горстку золы.
На поруки юдоли отдам я чины и награды.
Лёгким древком зари оттолкнувшись от сонной земли,
Улечу в твой Эдем, лишь тобой из юдоли украден.

Ты навстречу взлетишь, лебединые крылья раскрыв.
Соколиные крылья – тебе я навстречу раскрою,
И отдам полстолетья всей прежней лощёной тоски
За один только миг помраченья тобою.

Улечу в твой Эдем, в птиц апрельских восторженный гам,
Улечу, ну а там – пусть безумнейший я в целом свете! –
Все иконные лики земли многогрешной отдам
За один только взгляд, на лету укрощающий ветер.

МАЙСКИЙ ДОЖДЬ

Дождливым маем – скоротечны дни
В погоду волглую, где утро – будто вечер.
Казалось, только руку протяни –
И обожжёшься о каштанов свечи.

Вот детская площадка во дворе.
Размяться бы скучающим лошадкам
На горках и качелях, да на грех –
В такую морось только спится сладко!

В такую морось даже мысль горька
О солнце, о тепле, о водах вешних,
Что вера и надежда на века
Повздорили друг с дружкой неутешно.

Каштанов свечи холодны, как дождь
Циклона самозваного, чужого
Для лета, для весны, всего живого.
А ты-то думал: руку обожжёшь!..

Бушует дождь за окнами? Бог с ним:
Самим себе весну мы сотворим!

***

Отовсюду ушёл. Надоело!
 Всё! Иссакли все силы для лжи.
 Буду в сказке, рисованной мелом,
 Невидимкой улыбочиво жить.

Буду эльфом глядеть из норки,
Весь Луне простолицей рад,
Мотыльком в соловьином восторге –
Дирижировать хором цикад.

Промелькну сквозь рассвета просинь
И за облака спрячусь спиной...
Бросьте мучить жар-птицу – просто
Угонитесь за мной!

ПЕСЕНКА СРЕДНЕВЕКОВОГО ВЕДУНА

Я не воин и не бедуин,
А чужак
                с деревенской окраины,
Блудный пастырь
                                соколых долин,
Лунных омутов
                                чашник некаянный,

Паладин змееликих комет,
Страж лагунных охот
меднорогих,
Жрец опальный
сладчайшей способности петь
Соловьём на Харибды отрогах.

Но однажды, гонимый,
                                как все ведуну,
К берегам ни единым
                                не чалим,
Босоногим Орфеем
                                войду в твои сны,
Полной грудью
                                стихи напечалив.

Дуэт

АНДРЕЙ ПОЛЯКОВ
Сумы

***

Никаких запретов не нарушу,
Если крикну прошлому: «Забудь!»
Исхлестал мне дождь бессонный душу –
Ноет, ноет, ноет, ноет грудь.

В окна стукнет ветер-недотрога.
Дождь – стеной, а дальше – пустота.
Где когда-то вдаль вела дорога,
Промелькнёт дорога, да не та.

Улыбнусь внезапному виденью,
Занавешу быстро пустоту,
В сторону отпрыгнув резкой тенью...
И присяду медленно на стул.

Никаких запретов не нарушил,
Но сомненье мучает уже.
Слушаю, как бьются в стёкла души
На моём высоком этаже.

***

Как долго длится эта ночь...
Всё жду, когда же солнце встанет.
Хотел, душа, тебе помочь –
Ни капли больше нет в стакане.

А мрак – плотнее... гуще мрак.
В нём даже свет случайный тонет.
И не найти уже никак
На ошупь номер в телефоне.

Скорей бы луч разрезал даль,
Споткнулся и упал на крышу.
Прости, душа, мне, правда, жаль,
Что я сейчас тебя не слышу.

***

Когда все стихнут рядом голоса,
и с ними все луга, и все леса,
и воцарится в мире только эхо –
бездушный отзвук радости былой,
поймёшь ли ты тогда, что счастье – это
шепнуть кому-то что-нибудь... порой...

***

Ты подарена Богом.
Не ускользай из рук.
Спишь у меня под боком...
Вскрикнешь спросонья вдруг:

– Где ты?
Отвечу:
– Рядом!..
Голос чуть дрогнет мой.
Не исчезай и взглядом,
Светом и даже тьмой.
Словно награда будней –
Бьётся твой пульс в ночи.
– Долго ль ещё так будет? –
Господи, не молчи!

ЛЮБОВЬ

Сегодня был холодный день,
холодный ужин...
Метельных сто никчемных дел –
я так простужен!
Купаюсь... Греюсь... А вода,
дрожит, играя
цветами бледными, когда
ты спишь нагая.
Хочу согреться, да, хочу...
Хочу согреться!
Тень полотенца по плечу,
скользнёт... и – в сердце!
Сегодня был холодный день.
Холодный ужин...
Тень полотенца – просто тень!
Ты спишь не с мужем...
Сегодня нашим встречам год –
густой, как полночь.
Твой муж дежурит у ворот.
Позвать на помощь?
Прервёт пускай твой подлый сон,
мне даст по роже.
И вдруг пойму: как любит он...
Как любит, Боже!

***

Маргарите

Сто лет не виделся с тобою –
Четыре дня... Четыре дня!
И стал я тенью, стал толпою...
А ты чем стала без меня?
Я убегал в конец квартала
И возвращался не спеша.
Сто лет разлуки, разве мало? –
Ответь бессмертная душа.
Каким запомнится в итоге,
Мне этот мир – его возня?
...Твой силуэт в конце дороги,
Длиной в четыре долгих дня.

***

*Первое слово дорожке второго...
Детская мудрость*

А нашего в нас ничего не осталось.
Дороги размыли дожди до печали.
Сердца нам сдавила ночная усталость.
И всё-таки тени нас как-то узнали –
Скользнув под ногами, встревожили души:
Те словно проснулись от страха живого...
Надежда, любовь, да и вера – всё глуше,
Всё глуше и дальше от первого слова.

***

Из дома, стенами томим,
Шагнул во тьму легко.
И сто дорог легло пред ним,
И сто за ним легло.

Побрёл... Сначала наугад,
Потом – на дальний свет.
В дорогу взял то дождь, то град.
Как пёс взял чей-то след.

А сто дорог сплелись в клубок.
Прошло немало лет...
И он ступил на свой порог,
Придя на дальний свет.

МИР

1.

А этот мир... Он всё-таки единый...
Моей дороги посох журавлиный.

2.

Я пришёл к вам с миром,
Но вы заметили только меня.

***

Всё было просто, без обмана.
Обмана не было и нет.
Она возникла из тумана,
Из незначительных примет.

Она прошла сквозь штору ночи,
Она прошла сквозь стёкла дня.
Она возникла между строчек,
Чтоб мучить тайною меня.

Она со мной стояла рядом
Уже не сгустком пустоты.
Она меня касалась взглядом,
А я ещё не верил – ты...

Всё было просто, без обмана.
Обмана не было и нет.
Она возникла из тумана,
Из незначительных примет.

ВЛУЖАС

Какие лужи во дворе, какие лужи!
Не переплыть... Не перейти до новой стужи.

Брожу по кругу как дурак, причём последний,
Не выходя за горизонт своей передней.

Я думал раньше: как бы так прожить, не тужась.
Но в лужу стал, и сразу – бах, какой-то влужас!

***

Словно вырубил я небесный сад...
Никого вокруг – и врагу я рад...
Ничего уже за моей душой...
Просто мир людей, просто мир большой...
Просто ночь в огнях или свет в ночи...
Приподнялся я, как пирог в печи...
Заглянул за даль – за её предел...
Вижу – день в лучах до золы сгорел...

Вижу – пыль несёт ветер вдоль дорог...
Чтобы вспомнить я наконец-то смог...
Как я брёл сюда, как рубил я сад...
Как теперь уже и врагу я рад...
Как смотрел на мир, просто мир людей...
И как понял вдруг, что не мир злодей...
Опустил топор – отпустил в полёт...
Он упал у ног и лежит – цветёт...

***

И вздрогнет вдруг душа, как будто где-то
Ещё июль... Ещё в разгаре лето...
Ещё с тобой мы влюблены друг в друга,
И в памяти не замела нас вьюга.

Ещё восторгом полнятся рассветы
И нарушать приятно так запреты...
Дымок от сигареты – тонкий-тонкий...
И жаркий день от жарких встреч не долгий...

Ещё вино живое мягко пьётся...
Подрагивает на ресницах солнце –
Глаза слезятся от порыва ветра...
И вздрогнет вдруг душа, как будто где-то...

ОДИНОЧЕСТВО

*Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.
Иван Бунин*

Вот уж две недели
Дождь, но еле-еле...
Грустная картина:
Неба половина.

Тучи низко-низко.
Стол. Салфетка. Миска.
Ландыши. Заявляю...
Вспомнишь ли? Едва ли!
Да и я забуду,
Как народ Неруду.
Пошутил, конечно –
Он в сердцах навечно,
Да сердец тех мало...
Тошно как-то стало.
Хряпнуть что ли водки,
Заглушить чтоб нотки...
Есть на то причина.
Муж ведь я, мужчина...
Поднимусь с дивана.
Пять ноль семь – так рано,
Рано так, что поздно...
...Ты ушла по звёздам
В лужах на аллее.
Обернулась резко...
Нет, я не жалею –
Просто выпить не с кем.

***

Упала осень на порог
Листком последним.
Хотел тебя вернуть – не смог –
Недавним, летним...

Движение сонное реки.
Шаги ночные,
Такие ж тихие шаги,
Как сны речные.

Пошла вдоль берега – сама.
Невыносимо...
Ещё чуть-чуть – придёт зима,
Скорее – зимы.

И как согреться, как уснуть
В чужой постели?
Подушку сжав, шепчу:
– Забудь,
Мы так хотели...

***

Прости меня, мой милый друг,
что не писал давно.
За год случились десять вьюг –
стиха ни одного...

За год случились сотни дел
(от сердца отлегло),
и триста шестьдесят пять дней –
стиха ни одного...

В мечтах прожил я этот год!
Что в мире моего –
лишь времени неслышный ход,
стиха ни одного...

МАРГАРИТА МОСКВИЧЁВА

Сумы

***

Где, как ни в этой жизни,
Пахнут водой ручьи?..
Солнцем играют брызги,
Смелые и ничьи.
Не зачерпнуть их кружкой,
Не удержать в руке –
Мысли мои закружат
И понесут к реке,
Той, что верна, как память,
Той, что хранит года,
Той, где так ярко пахнет,
Пахнет ручьём вода.

***

Я стала тебя забывать,
как однажды забыла себя...
Уже не бывать
пробуждёнью, что будто с похмелья.
Лишь ухают ветра порывы
в трубе октября...
Оранжевый вечер
рождает немые виденья.
Раздетые окна
впускают лучи в полумрак.
Промокла душа
от немыслимо долгой печали.
Вернуться нельзя...
Нет, уже не вернуться никак –
О, как бы друг другу теперь
мы с тобой ни кричали...

***

И запах осени в бокале тонком лета...
И тусклый блеск лучей в сетях дождя...
На столике промокшая газета...
Завечерело... Тихо уходя,
Покинул полдень летний шумный город,
Ушла в туманы суета забот...
Шутник сентябрь придёт, поднимет ворот,
Каштанами карманы все набьёт,
И пробежится по остывшим лужам,
Оглянется и палец возле губ
Задержит, подмигнув – ты не простужен,
Глотни немного осени, мой друг.
И терпкий вкус запомнится до снега,
Холодного и мягкого, как сон...
Сегодня август... Винный вкус у неба...
И очень кстати яблочный сезон.

***

Заставь меня поверить в прошлое.
Зашторь все окна... дверь запри.
И память забытьём поросшая
Воскреснет светом изнутри.
Скользнёт закатный луч по мебели –
Взметнутся ленты, кружева...
Зачем же мы так долго медлили?
И даже в этот час едва ль
Решимся жить и впрямь отчаянно,
К своим прислушавшись мечтам.
Мы каждый миг с тобой венчаемся
И расстаёмся где-то там,
Где время мчится суматошное,
И заключаются пари...
Заставь меня поверить в прошлое.
Зашторь все окна... дверь запри.

***

Подумалось: а может, нас и нет?..
Мы – чьи-то звуки, голоса и тени.
Мы – отражение множества планет.
Мы те, о ком молчит немое время.
Мы друг для друга – радость и беда:
Беседуем, скорбим, смеемся, спорим.
На самом деле – это ерунда,
И мы происходящего не стоим.
Но лишь отхлынут волны той воды,
Что унесёт нас, грезящих о чуде –
На берегу останутся следы.
И кто-то скажет: – Это были люди.

***

В придорожном кафе под искусственный джаз,
Что звучал из динамиков звучных,
Настроенные всё гасло, и вечер всё гас.
А ведь было всё благополучно.
Белый вермут, как приторный привкус любви,
Говорит, что теперь неразлучны:
Я и мысли о прожитом. Мысли мои...
А ведь было всё благополучно.
Кувырком все недели, потоком года...
И ни разу мне не было скучно.
Почему же всё так изменилось тогда?
А ведь было всё благополучно.
Дым табачный стоит, будто душный туман
С тонким запахом терпко-сургучным.
Вот в дверях показался старик капитан,
Крикнул: – Будет всё благополучно!

***

Прольётся полдень
На лист бумаги.
Мы оба вспомним
Тот белый край,
Где прячет речка
На дне отваги,
Потоки речи,
Дорогу в Рай.

И новой ночью
Запахнут травы,
И между прочим
Прольётся дождь.
Ты убедишься –
Мы были правы.
Под старой вишней
Воскреснет Вождь.

Взметнутся в небо
Остатки фальши.
И словно небыль
Развеет в прах
Борей их, вышний.
– Что будет дальше?
– Цветенье вишен
Во всех садах.

***

Нет, не помню колыбельных песен...
Помню, вьюга выла за окном.
В нашей комнате был мир настолько тесен,
Что Вселенная лишь помещалась в нём.

Пропускали шторы тонкий лучик
Лёгкой дымки Млечного пути.
Мне при нём спалось намного лучше –
Не люблю завешенных гардин.

Разметались дни по многим летам,
И в душе рассвет перекипел...
Но звучит внутри, иль может где-то,
Песня...

Значит, всё же, кто-то пел...

***

Ведь что-то всё же произошло –
Всю землю будто перевернуло!
И солнце утром не там взошло,
И ветром злобным свечу задуло...
Тогда всё замерло лишь на миг,
Стал тёмным день, что был раньше светел.
Потом сказали, что это – миф.
Всё изменилось. Но кто заметил?

***

Трамвайный путь вдоль трассы жизни –
Как в параллельном измерении...
От крика первого – до тризы,
От вечной памяти – к забвению.
Идёт вагон, стучит по рельсам.
Пригревшись, пассажир зевает –
Мечтает, может, о небесном,
А именно о чём – не знает.
Но вот звезда уже погасла,
Свернулось небо – спит в напёрстке.
И Михаил с бутылкой масла
Ждёт Аннушку на перекрёстке.

***

Заволокло всё небо ноябрём.
Озябли души несогретых судеб.
Как будто перед вечным алтарём
Стоит земля, которой впредь не будет.
Так много дел осталось на потом –
Раба по капле выдавить... иль выжать...
И колокол давно молчит о том,
О чём его никто не хочет слышать.

***

Снимите облако с креста.
Развейте тихую погоду.
Заклейте лживые уста,
Они не скажут правды.
Воду
Перенесите решетом –
Пустое станет пусть порожним.
Не будет полной чашей дом –
Ведь на фундаменте подложном.
Перекосилась грань небес,
И спутались тугие нити...
Без ожидания чудес,
А просто – облако снимите.

***

Какой ты видишь сон, моя родная?
Какой из берегов есть твой причал?
Ты с боку на бок крутишься, стоная.
Послышалось, как кто-то прокричал...
Глухие ветры разметали крики,
Над горизонтом красная луна.
А сны твои тревожны, но безлики,
И ночь на проявления скудна.

Какому богу молишься отныне?
Кому однажды вверила себя?
Стоят за памятью огромные, родные,
Забытые тобой – Они, скорбя...
Едины духом, нераздельны кровью,
Сильней Вселенной, терпеливей дня!..
Стоят и ждут, что отряхнёшь ладонью
Чужие чары, и на корни пня
Прольёшь рассвет, как влагу вечной жизни...
Всё ждут – проснёшься в памяти своей,
И вспомнишь имя, и оно – Отчизна,
И вспомнишь, что в ответе за детей.
Недолгим пусть отныне сон твой будет
В краю своих семи богатырей.
Пусть снова Елисей тебя разбудит!
Пусть будет Солнце до скончанья дней!

***

Земля коснётся мягкой, чёрной тенью
Глубин рассветных зримой тишины...
Мне скажут, что разлука не смертельна.
Я им отвечу: – Вы мне не смешны...
И перейду ту грань непониманья,
Где шёпот значит больше, чем слова,
Произнесённые в неистовом рыдании...
Услышу отдалённо воздыханья,
И как печально ухает сова...

***

Я не умею говорить словами,
И нет желанья больше мыслить вслух.
Я – тень, рождённая земными снами...
Я – вечность, приводящая в испуг.

Гудят ветра, твердя пустую фразу.
Соткался образ из туманных грёз –
И не по нраву мне пришёлся сразу,
И ни кому он счастья не принёс.
Вот разбредились все судьбы по кочевьям:
Свои, чужие – в общем, всё равно.
И только гром кричит глухим деревьям
О том, что им понять не суждено...

***

За крутым виражом вдоха
Затеряется миг счастья.
И не так всё уже плохо,
Даже если закат гаснет?
Распахнулись ветрам степи,
Расцвели в небесах звёзды.
Что угодно с тобой стерпим,
Потому что уже поздно.

***

Скоро будут дожди омыwać тротуары.
Облетит вся листва, и вернутся снега.
Приходи, напою чаем из самовара,
И протяжно споём песню про ямщика...

Нас укроет с тобой мягко-белая вечность
Светлой памятью тех, кто навеки родня.
Не смотри на мою несогласную внешность –
Ту, что так не похожа теперь на меня.

Мы такие, какими и были до встречи.
Хорошо, что порой облетают сады...
Каждый год, каждый век, каждый миг, каждый вечер,
Проявляются и пропадают следы.

***

Вдали, за густыми снегами,
Погасли в заре фонари.
Осталось всего между нами
Два дня или, может быть – три.
День первый: снега и метели,
Простуда, ветра, сквозняки...
Нет-нет, мы ведь так не хотели –
Рука не коснулась руки...
Второй – перегретый июлем,
Удушлив, как жар из печи.
Казалось, над счастьем колдуем,
Прислушалась – нет, мы молчим.
День третий проснулся усталым.
Бредёт сам себе наугад.
Хочу прикоснуться устами
К тебе – не даёт снегопад.

Веранда

ЛИТЕРАТУРНИЙ КЛУБ «АВТОГРАФ»
МЕЖРЕГІОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА
«СУМЩИНА ТВОРЧЕСКАЯ.
КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»

ЮРИЙ ПЛЮЩЕНКО

***

Стою над чорною водою,
Що відбиває неба синь.
Мовчить хтось поруч із мною,
Хоч я на березі – один.
Лунав тут спів і стих невдовзі.
Ковтає хвилі темна гать.
Гуде вода, мов дека кобзи,
Коли вже струни не бринять.
Дві наші долі випадково
Злетілись на одні пісні...
Замовк Він. На якому ж слові?
З якого починає мені?

***

Хто знає, скаже, як воно непросто
Писати алхімічним олівцем.
Любов – то квітка зовсім безтілесна,
А я шукав матерію кохання.

...На таємничі запахи Едему
Закохані зліталися надвечір.
Над ними молоділи небеса,
В букетах квіти в'януть не хотіли.
Тоді мені запрагнулось всю ніч
Обводить буквами, соромлячись за почерк,
Такі високі, горнії слова,
З якими промовчали ми весь вечір.
Тим часом – хмари, холод і вітри,
У венах вибухають квіти снігу...
На ранок раптом випав білий вірш –
Рядки без рим нечитані лежали.

***

Ладонь из ладони, скользя, вынимая,
Внимая голодным страстям,
Последнее с тела, поспешно снимая,
Душой отдаёшься волнам.
Там вьются чужие, там очи лихие,
Стихии, сильнее тебя.
И вьются, волнуя, brutальные змии,
Лукавя, ликуя, губя.
Ах, скользкое тело!.. Но вот опустели –
И море, и пляж, и душа.
И мокрые змии сползают с постели,
Шелка покидая, шуршат.
Вернись ко мне, что ли – резвиться доколе,
Когда обрела тебя ночь. Страдаешь?
Я – тоже. Но радуюсь боли:
Теперь-то смогу я помочь.

ДАРЬЯ МАЙБОРОДА

***

Кажеш: «Вийдемо в люди...» А де їх побачиш тепер?
Не знайшов з ліхтарем серед натовпу сам Діоген.
Купа масок, обгорток, косметики й інших шпалер –
І в сміттевому світі страждає божественний ген.
А на вулиці знову майдан і по ньому, мабуть,
З ліхтарем й телефоном наосліп блука чоловік –
Зрозумівши оману, приреченість, істинність, суть
Діогена шукає, почувши в собі людський крик!

***

Як же хочеться танцювати.
Серед чеховського обійстя.
Місто знову почне ховати
Своє тіло у ковдру листя.
Воно хитро усі секрети
Зберігає в надійній Сумці –
Не дізнаються і поети,
Що у нього щодень на думці.
А у міста мета єдина:
Серед різних облич шукати –
Незвичайну, свою людину,
Здатну вірити і кохати!

***

Приходить осінь. Час писати вірші,
Купляти пледи, пити м'ятний чай.
Усі за літо стали трохи інші,
Тож спогадів збираємо врожай.
Засмага тіла й досі гріє погляд,
Мов кожна зустріч, враження і мить.
Ми з моїм містом завжди були поряд,
Тепер між нами листя шарудить.

Прийдуть дощі та стане холодніше,
На південь знову полетять птахи...
А ми за літо стали все ж мудріші –
Промовчимо про обрані шляхи.

БОГДАНА ГУСАК

***

Найдовша ніч... Сріблясті вітражі
на сонних вікнах бачу крізь фіранки.
Дерева білі, наче муляжі
середньовічних неприступних замків.
А хуга замітає все довкруг.
Лапатий сніг прорвав небесне сито.
У царстві крижаних тендітних руж
давно забули про спекотне літо.
І я своє не згадую. Імла
його заволокла – ніхто не бачить.
Скажи, навіщо літо без тепла,
коли твоя зима така... гаряча?

***

Шурхочуть крила янгола. Різдва
очікує малеча. Полохливо
принишкла в сподіванні на дива.
Кому ж завадить хоч маленьке диво
з промінчиком любові, доброти,
теплом у серці, щирістю, довір'ям ?
В душі благають янгола: – Лети!
Спадає з крил на землю снігом пір'я.

***

На схилах яру – цівочки води,
а десь на споді – сніг і прохолода...
Обіднє сонце наддає ходи:
слід відзимків шукає, мов заброда...
На землю пильний погляд (аж пече!):
ну що б іще в зими-бідах вкрасти?!
І пнеться ряст до неба під корчем.
Ну, слава Богу, ще потопчем рясту!

ВИТАЛИЙ МЕЛАНІЧ

***

У пошуку живи завжди,
Коли несе на крилах мрія,
І до мети невпинно йди,
Бо світить зорями надія.
Добра залишивши сліди,
Відчуй як перемога гріє,
У пошуку живи завжди,
Коли несе на крилах мрія.
Та скільки іншим не годи,
Минає щастя ейфорія,
І хоч невдячності завія,
Несе у душу холоди,
У пошуку живи завжди.

САМОТНІСТЬ

Одним один... Нестерпно сумно...
Самотність – кара, не ганьба.
В глухий куток життя відсунув
мене Всевишній... Тут журба,

Холодна пустка... Зникли друзі.
Без них ураз мій світ збіднів...
Самотнє дерево у лузі,
Та в серцевині – біль, не гнів.

***

Стоїть хатина край села...
Замок в іржі – давно порожня.
Тополя крила підняла,
Аби помітив подорожній.
До двору заросли сліди –
І постарішала оселя.
Самотні відра без води,
Застиглі вікна, невеселі.
А на городі, мов колись,
Готують соняхи насіння,
Гілки сливові розляглись,
На бузину – красу осінню.
Буває, довго сірий дощ,
У двері стукає сердито:
Мо повернувся хто із прощ?
Та вітер дме несамовито.

Стоїть хатина край села...

АЛЕКСАНДР ТРЕГУБОВ

ОДИНОЧЕСТВО

Я всю жизнь думал, что одиночество – это такой не совсем обычный подарок, оставленный под новогодней ёлкой. Не радиоуправляемый вездеход, ломающийся через тридцать минут после распаковки. И не конфеты «Птичье молоко», съедаемые ещё до начала праздника. Это нечто в чёрном футляре, предназначенное кому угодно, только не мне. Нечто неприметное, лежащее в самом углу. То, чему я, вместо конфет и игрушек, отдал предпочтение.

И теперь ношусь с этим подарком, пытаюсь найти его истинного владельца:

– Эй, кто потерял одиночество? Кому нужно одиночество?!

Иду по глухонемому мегаполису. Среди афиш, обещающих чёрно-белой кириллицей цветную заморскую жизнь. Мимо бетонных высоток. Там в своих дорогих квартирах с вай-фаем и видом на вечерний смог запираются свободные бедные люди. Сквозь ряды и шеренги жизнерадостных гомосапиенсов с глазами, наполненными «лайками» и «дизлайками». Натираю китайскими подошвами пенопластовый тротуар-однодневку. В звуках интеллектуальной попсы силюсь разобрать ответы Николаю Чернышевскому и Генрику Сенкевичу.

– Эй! Чьё это? Друг, это ты обронил?

Вечером я захожу в вип-чайную. Покупаю чашку пакетированного «Липтона» по цене яхты Томаса Липтона и кусочек грушевого штруделя с консервированными яблоками. Сажусь в углу за лакированный стол из элитного красного ДСП. И наблюдаю, как мимо меня, сутулясь, проходит ещё один день моей жизни.

За дальним столиком, на диванчиках из крокодиловой кожи «мэйд-ин-чина» сидят трое. Парень и две девушки. Вероятно, студенты: у каждого ноуты вместо конспектов.

Силиконовые адепты «Максфактор» и «Лореаль» ведут состязание, угадывая объём и содержимое портмоне короткостриженного атлета. Тысяча или две? Доллары или евро? Приз – шанс получить золотую клетку в элитной бетонной свече с видом на нефтяные пятна в полиэтиленовом заливе.

Литровый «Джек Дэниелс», лайт-кола и мятный кальян. Шёпот слева, смех справа. Поглаживание. Прижимание. Пьяная похоть по бокам. Нежелание и безысходность в центре...

И тут он увидел меня.

Что-то новогоднее блеснуло в его глазах. Он отодвинул соревнующихся, встал и подошёл ко мне:

– Здравствуйте. Простите, вы, случайно, не находили моё одиночество?

АЛЁНА СМІРНОВА

***

У філіжанці – відчаю по вінця,
Твоє ім'я ще й досі стука пульсом.
Раніше говорив мені «не бійся,
Я поруч», а тепер – «я просто мусив».
Мовчання замість вранішньої кави,
Аби своїм сльозам не дати волю.
Ти все такий же ніжний і ласкавий,
Але – таке нещастя! – не зі мною.

***

Где же конец этой долгой дороги,
Наших страданий, терзаний и бед?
Сколько ещё простоим на пороге,
В доме холодном, не слыша ответ:
В вечной борьбе между Словом и славой,
Лучше гореть или счастливо жить?
Взгляд у фортуны до жути лукавый...
Всё же, куда путь дальнейший лежит?

***

Часы идут быстрее: за шагом шаг
Не чинно, не минута за минутой,
А будто бы неистово спешат,
И ход не ровен – он скорее путан.
Они летят к неведомой черте –
Туда, где каждый с прошлым сводит счёты
За той чертою все уже не те,
Что прежде... Перед новым поворотом.

ДАРЬЯ ВОРОБЧЕНКО

***

Заховай мене, від сонця, від світу,
Від мене самої мене заховай!
Ти дозволь без думок уночі говорити,
Пити каву, вино, або просто чай.
Доведи що жити – то зовсім не зайве,
Обійми дуже легко, як шепіт дощу...
Я прошу так багато, прошу як востаннє,
Я не знаю, чи серце своє відпущу.
Все можливо... та права не маю просити!
Вже занадто. І знову залишусь сама...
Хай колись, через роки, знов зможу світити,
Коли душу відпустить гірка ця мана.

***

А я заплету в твої коси гіркі хризантеми,
Яскраві, як сонечка, в сивому присмерку осіні,
За чаєм зеленим спитаю про вічні проблеми:
Чи мерзне душа, а чи ноги – маленькі і босі?
Мине півжиття у годинах спокійних розмови,
Ми разом усе в голові приберем до ладу...
А осінь хай хмурить свої тонко вигнуті брови
Й співає «Я листям в долоні твої упаду...»

***

Ты опускаешь ладони в солнце...
Может быть, так наступает вечер?
Что-то чужое опять остаётся,
Горько и зло пригибает плечи.
Слов не хватает – зарылись в тучи
Старых ошибок, тяжёлых мыслей:
Я не смогла тебя сделать лучше...
Впрочем, на это не хватит жизни.

Солнце впиталось в твои ладони,
Жжёт изнутри, разрывает смехом.
Тысячу жизней назад. Ты помнишь?
Тени людей разорваны эхом...

АНТОН КАМИШНИКОВ

БОНІТАС
(Уривок із казки)

Учителю

Коли землю вкривали дрімучі ліси,
Коли шторм в океані не слабшав,
В ті далекі, всіма позабуті часи
Починається розповідь наша.

На піщаному березі річки Шуках,
Біля диких неходжених хащів,
Встановивши намети на теплих пісках,
Жило плем'я веселих команчів.
Загалом їх було там сто сімдесят два.
Працювали та відпочивали.
Їли фрукти і мед, пили воду й узвар.
Ні печалі, ні смутку не знали.
Полюбляли команчі сідати в човни,
По воді плисти й гучно співати.
Та навколо багаття любили вони
Уночі на піску танцювати.
Але згодом пройшли безтурботні ті дні:
Піднялася вода у Шукаху.
Затопило весь берег. Тоді племені
Довелось інше місце шукати.
Що вдалося забрати, поклали в човни,
Сіли в них, попрощались із домом,
І річна течія своїм рухом сумним
Понесла всіх. Куди? Невідомо...

ОЛЫГА СУРОВИЦКАЯ

***

Кричали сойки галасливо
В моїм осінньому саду,
На землю впали стиглі сливи,
Гадали, певно, їх знайду.
А потім дощ змочив їх рясно
І вже пропали нанівець.
Ніч одягає темну рясу
І править службу – все, кінець.
– Чому кінець? – промовлю тихо,
Ми щось говоримо не те!
Це ще не горе, це – не лихо,
Ще слива деревцем зросте...

***

Мов мереживо – зорі... Не спалося.
Місяць знову на дужку схожий.
Щось між нами, напевно, сталося,
Тільки що, пояснить не можу.
Бо немає жаги. Так порожньо –
У словах і у погляді кожнім.
Я питаю тебе стривожено:
«Це не ти? Лиш на тебе схожий?»
І питає нерозуміння:
«Ви чому розгубили ніжність?
І коли буде ваше прозріння,
Якщо вже на порозі – вічність?»
З сигарети попіл – додолу,
Де кохання троянди? Зів'яли...
Чи це просто змінилася доля,
Чи це ми її так розіп'яли?

***

Питаю:

– Що таке життя?

І чую відповідь:

– Це танець!,

Коли за руку твій обранець

Веде тебе у майбуття!..

Складними будуть різні па –

Не відійти від цього факту.

Та головне – не збитись з такту.

В любові суть. Любов – сліпа...

ЗОЯ ПИГУЛЬ

***

Мелодия дождя всю ночь

О чѐм-то грустном напевала.

И уносила осень прочь

Из жѐлтых листьѐв покрывало.

Так рано нынче холода!

Ах, осень, милая, послушай:

Не остуди мне навсегда

Тревогой раненую душу.

В холодных облаках луна,

Не прячься – мне так одиноко!

Соединяешь ты одна

Несостоявшиеся строки.

Не плачьте в полночь фонари –

Окутаны слепой порошей –

Я с вами буду до зари

Мечтать о чѐм-нибудь хорошем.

МАЯКИ НАДЕЖДЫ

В тишине безбрежной дали растворяюсь.
Мы надеяться устали, ну и пусть.
Не покинь меня, надежда, не покинь!
Ты зажги во тьме, как прежде, маяки.
Барабанит вновь по крышам серый дождь.
Я надеюсь – ты услышишь и придёшь.
Не покинь меня, надежда, не покинь!
Ты зажги во тьме, как прежде, маяки.
Свет надежды освещает путь вдаль,
И к причалам возвращает корабли.
Не покинь меня, надежда, не покинь!
Ты зажги во тьме, как прежде маяки.

ПРИСТАНЬ

Когда стоишь на рубеже,
Где нужно подводить итоги –
Так много пройдено уже,
А вдаль зовут ещё дороги.
Сомненья мучают – не той,
Не той дорогой шёл...
Вернуться?..
Манят не встреченной мечтой –
К мгновенью светлому коснуться.
И жадно ухватив блокнот –
Пишу, пишу, в строке растаяв...
Ах, вот оно, спасенье, вот!
Та пристань истинно святая.

ЛАРИСА ТРАВНИКОВА

***

Глаза твои, как шторм на море,
Вдруг от обиды потемнели.
Случилось, может, в жизни горе?
Опять сомненья одолели?
Наверно, просто показалось.
Коварна ревность и опасна.
Разлад... Разрыв... Какая жалость...
А начиналось всё прекрасно!

***

Когда-то, может, отгорюю...
Когда-то, точно, отгорю...
Хоть жизнь свою не повторю я,
Судьбу опять благодарю
За все те встречи и невстречи,
За всю ту радость и печаль,
За жизни уходящий вечер,
За всё, что сердцу было жаль...

***

Кричишь мне: «К берегу причаль!
Забудь обиды, боль измены!»
Но верх опять берёт печаль –
Не верю в чудо перемены.
Жизнь изменилась навсегда,
И перепутан север с югом.
Грустит Полярная звезда:
«Невыносимо друг без друга».

ИРИНА БУЛАХОВА

***

Уста замкнулись, згублені ключі...
Не мають сили для польоту крила.
Усе навколо байдуже мовчить.
Здається, навіть небо оніміло.
Коли із серця вже не летіть спів,
не відчуваєш Всесвіту звучання –
не розпорошуй все срібло слів,
збирай червоне золото мовчання!

Уста замкнулись, згублені ключі...
Нема чого сказати – промовчи!

***

То час по-іншому тече чи дні коротші?
Відбилось в пам'яті не все – лиш найдорожче!
Забуті спогади ловлю – ледь-ледь розмиті...
Чомусь боюсь, що розгублю важливі миті,
що відбулись... давно колись в життєвім вирі.
Тепер мої роки-птахи – спішають у вирій.
Дзвінки, щасливі, гомінки, сумні й сутужні –
гайнули в небо навпрошки. Курличуть тужно.
Вервечка літ, за вітром вслід... І не вертає.
Лишаю спогади собі. Перегортаю.

РОЗДУМИ

(За мотивами Г. Сковороди)

Плине неспішно життя течія.
Все повертає на круги своя.
Порівну доля відмірить тобі –
час для веселощів і для журби.
Втратив – не плач, не радій, як знайдеш.
Двічі в ту саму ріку не зайдеш.

Слід рахувати курчат восени.
Чисте сумління – спокійні і сни.
Сієш добро – щедро вродить стократ,
вернеться зло бумерангом назад.
Будь ти останній жебрак чи владар –
світить однаково сонця ліhtar.

СВЕТЛАНА ПЕТРЕНКО

***

Його надвечір'я заплуталось в сумнівах,
Де сонця колючого списи надламані.
Та він все ще кличе її, і у сутінках –
«Прощай», не «Привіт» раптом знайде на ватмані.
«Прощай!» – прочитає. Закриті фарватери...
«Прощай» – стоголося безлюдне просторами
Розбудить вулкан, відкриваючи кратери,
І лава проллється на спогади зморені...
Чи знайде кохану востаннє – це загадка.
Ним ще не прочитано жодної літери,
Та списи надламані – сутінків забавка,
Націлені в лаву, що литиме й литиме.

***

Бездушний вітер гонить сльози морем
І байдуже, хто сльози породив.
«О чаєняточко!», – розбита горем,
Кигиче чайка й лине до води.
«Агов, кровиночко...» – байдуже море
Кипить, вирує, піниться пісок.
І зазирає в очі хижий морок.
І цей нестерпний біль, аж до кісток.
З останніх сил благала море ненька,
Щоб хвилі віддали її дитя
Одне єдине, крихітне, рідненьке,
Якому так хотіла дати життя!

***

Вкладають спати небеса
Ярила сонного кларнети.
Підкрався вечір до планети
Брилем широким нависа.
Човном назустріч плине ніч,
І тягне шлейф із павутиння,
Де зорі, крихітні створіння,
Його Засіють сяйвом свіч.
І вийде місяць-одинак.
Не буде він шукати пару,
А заховається за хмару,
Бо сам давно вже не юнак.
Спочине трохи в самоті,
Далека жде його дорога:
Зустріти вранці треба Бога,
Блукаючи у висоті.
Так сотні літ було до нас
І нині. Вранішні кларнети
Не раз торкнуться ще планети,
Якщо ніхто не спинить час.

ОЛЬГА РАДЧЕНКО

***

слова вбивають
гучністю і тривожністю,
приспляють,
паралізують і нерухомістю
виводять тебе із себе
і вже не відпускають.
слова вбивають.
вцілюють десь із боку,
падають поміж ребер,
живуть там по кілька років,
забирають тебе у тебе.

тож будь ласка,
будь обережним,
нам підвласні усі застереження,
всі побочні ефекти,
що думки наші мають.
пам'ятай,
пам'ятай завжди:
слова вбивають.

***

Ми засліплені на двох своїми неврозами.
Нас відспівують з жалем ще за наше життя.
Ми, розбещені чужими для нас погрозами,
загубились чужими словами у всіх інтерв'ю і статтях.
Ми не втомлені спекою чи зів'ялими квітами.
Ми розбиті, але нас зібрати ще можна.
Ми засліплені, значить, ніколи не будем вбитими.
Ми живі, а значить, ми будем тривожними.

***

Шалені мости перемелені з перцем,
холодної кави глибокі потоки...
Пірнаємо в небо із примхи інерції,
останні надії – на перші кроки.
Затаєний сон став молочним і скривдженим,
і випита воля з прокльонами щастя.
Залишилось жити, а може і вижити.
Та тільки не здатися, тільки не впасти.
Пастки одиночок на марево золота
я розстеляю і тільки жалкую.
Із перцем не мелена, бо є «только молотый».
Я не вмираю, я так жартую.

АЛЕКСАНДР ТРИ

***

Утро... Все движутся, солнцем разбужены –
Кто-то – в пробежке, а кто-то – у трактора.
Я, полусонный, достал свою кружечку –
ложечку кофе в неё, ну, и сахара.
Бьётся пчела о стекло – в ухо: «Жу-жу-жу...»
Диктор бубнит по заданью редактора.
Я же беру со стола свою кружечку –
в ней началось растворение сахара –
и на балкон – закурил сигареточку...
Медленно пью волшебство сладко-горькое...
Кровь растеклась – разбужу свою девочку,
чтоб разделить с ней желание стойкое.
Вечер встречаем в постели, мятежные,
что подтверждает наличие фактора:
как Бытие изменяет безбрежное
сущий пустяк, страсть по сути безгрешная –
кружечка кофе и ложечка сахара.

АЛЬБИНА БАТУРИНА

***

Прошепочи моє ім'я –
Гукни ледь чутно крізь роки.
Торкнеться вій сльоза моя,
Та це лиш дощ, що давсь взнаки...
Та це лиш осінь гомонить,
Рудий здійняє буревій...
Вогонь свічі хиткий тремтить,
На склі малює образ твоїй.
Морфей обійме, наче ти...
У царство снів порину я.
Для нас там зведені мости...
Прошепочи моє ім'я.

ЛІТО НА ГОСТИНАХ

Світанки кольору малини,
тендітні хмари із вершків.
Проникло літо на гостини
з країв розлючених вітрів.
В долоні сіло полохливо,
грозою гримнуло вночі,
в духмяних пахощах, мрійливо,
заснуло в мене на плечі.
Зроби, фотографе, світлини,
допоки сон не відлетів.
Проникло літо на гостини
з країв розлучених вітрів.

***

Каблучки стучат всё реже,
негой улицы полны.
В спину ветер дує свіжий,
сторожить он будет сны.
Затишають чьи-то речи,
мир в туманном мираже,
бликами играют свечи
на десятом этаже.
Вечер холодом осенним
отражается в окне,
шепчет он стихотворенье,
посвящённое не мне.

АЛЕКСЕЙ ЗАРАХОВИЧ
Киев

ЛОДКА

Пойдёшь по реке, и гремющий мотор
Оставит речную молву за бортом

О чём говорила река, я не знаю
...Я форму воды вспоминаю

Мне важно понять – *что* причиной воды?
Вот Киев, вот солнечных пятен следы
Короткие тени и длинные тени

Не так ли под сердцем реки, в глубине
Весёлая рыба, как будто в окне
Весёлое пенье

Вода – от зеркального карпа, как свет
Имеет источником солнце. Ответ
Отпущен в зеркальную воду

В воде отражается птица, теперь
Ты знаешь: всяк птица – возвышенный зверь
Что делает воздух

От Верхних и Нижних Садов по мосту
Речная молва перешла высоту
На берег выходит, бежит по ступеням

И сразу – под сердцем реки, в глубине
Весёлая рыба, как будто в окне
Весёлое пенье

Кухня

ИРИНА БЕРЁЗА
Винница

***

Не потеряюсь в репликах следов,
Которые изрежут твердь и воду,
Благодарю извечную природу:
Всех наших глинисто-песочных берегов,
Всех наших цепких, наших зорких душ,
Мурашек по спине и кома в горле,
Всех мелочей – которую не стёрли
Ни глубина морей, ни мелкость луж.
И в этой марсианской пустоте,
Намотанной кругами на широты,
Пусть сказанное мной напомним что-то,
Что между строк читают только те,
В ком вы, мои стихи, давно живёте...

***

Мы ходим улицами разных городов,
Мы месим грязь, в дома разносим листья ,
Мы – образца каких-то там годов –
Помехи на пути кристальной мысли.

А даже если город и один,
Он многократно отражён глазами,
И каждому фамильный выдан сплин:
Кому-то с чётками, кому-то с образами.

Мы не торопимся, поскольку смысла нет,
И звук пустой во тьме – любое имя,
Но между нами есть фонарный свет,
Тот самый,
жёлтый
тёплый
негасимый.

***

Так не расходятся ни льдины, ни мосты,
Ни швы, ни разветвления дороги,
О, как до безобразия просты
Законы расхождения двуногих.
Как тошнотворны мелкие «почти»,
Как мухи над лепёшкой коровьей,
Невскрытое письмо моё прочти,
Не бойся, там написано не кровью.
Представь себе, что мы ещё друзья,
Мир, словно чаша с хересом заката,
Зачем же доливать туда вранья,
Хотя и спрашивать, пожалуй поздновато,
Когда ни общего, ни давнего, а ты
Всё тужишься приличия исполнить...
Так не расходятся ни льдины, ни мосты,
Так разбегаются над тяжким камнем волны
И люди, хороня внутри секрет,
Как жертву криминального аборта,
Всё сетуют, что был бы в людях свет,
Но фактор – человеческий – испортил.

***

Год обмелел, осенняя вода
Лениво отражает тени леса,
И птицы собираются туда,
Где пополудни в небесах белесых
Нет даже тени прежних берегов,
Нет ни намёка о холодной суше,
И мест родных почти неслышный зов
Во снах цветастых не тревожит душу,
Хотя, не знаю как у птиц с душой,
Быть может, компас в них какой-то чуткий ,
А тонкий неземной эфирный слой –
Всего лишь человеческая шутка...
И я сижу на берегах земли
Невыносимо нежной и прекрасной,
В задумчивом предчувствии зимы
Октябрьские смешивая краски.
Но где-то там, во мне живёт момент,
Другая осень и другие люди,
И в эту осень смотрит Фиолент,
Такой, каким он никогда не будет.

***

День для кого-то тишь, для кого-то марш,
Вывернут мир жёлтым тебе под ноги,
Пишет старательно в парке дитя пейзаж,
Взрослый за ним наблюдает – осенне строгий.

Что по тебе останется – марш ли, тишь?
Прочная кладка склепа, легчайший пепел?
Ты, не успев оглянуться, уже летишь,
Ты растворяешься полностью в бабьем лете.

Лечится солнцем наш городской невроз –
Это тепло неожиданно загостилось,
Перистым облаком пишет тебе прогноз
Метеоролог небесный, сжимая стилус.

***

Позволь спуститься жёлтому листу
На плечи, на рукав, скользнуть за ворот,
Не говори, беспечному ему
О том, что скоро, очень-очень скоро...
Почувствуй в пальцах кожистую ткань,
Сеть тонких жилок, кисть сухую старца,
Закрой глаза и на минуту стань
Кленовой веткой, чтоб ему держаться
Ещё мгновенье было за кого,
Падение продлив, как бабье лето,
Пока стоит сентябрь высоко,
Пока в нём теплится ещё немного света.

***

Вечером мало прохожих и свет фонарей желтолик,
Вечером шаг сосчитать не мешают мелькания люда,
Вечер со срезами сумрачных улиц – почти сердолик,
В тонкой оправе, хотя по одежке не судят...
Может быть, в хищной его темноте – это чьи то глаза,
Может быть, пьяной отравой полны перекрёстки...
Если его избирать, то... я всё-таки «за»,
За, несмотря на сквозняк – острозубый и хлёсткий –
В тёмных его проходных бесприютных дворах,
Арках порталных, тебя возвращающих в детство.
Вечер похож на одетый в реалии страх,
Вечер похож на пещерное наше наследство,

Вечер такой... не похожий нисколько на день,
Выполнен в мрачной манере тягучих фламандцев,
Вечер, пульсируя тёмным, струится из вен,
Тем, непохожим на звуки соседские танцев.
Я в этом вечере вязну, спасибо что дождь
Рано отправился спать и меня не тревожит,
Если пожаловал вечер, открою. Ну, что ж,
Я и сама в темноте на себя не похожа.

***

Прижизненной моей ретроспективы
Посматриваю прошлые дела,
И те, кто, слава богу, ныне живы,
Как по другую сторону стекла.
Изображение, размытое дождями,
Предательски съедает ясность черт,
Не километры проложив меж нами,
А нечто большее, чему названья нет.
Мы разбегаемся по карте рукавами
Одной реки, чей смысл жизни – бег,
Не зная, что однажды в океане
Закончит гонку каждая из рек.
И бросив в дельте принесённый мусор,
А так же всё, что ранит и болит,
Пролитых слёз солоноватым вкусом
Смешается с безбрежностью молитв.

РЭНА ОДУВАНЧИК

Днепр

***

На собранья нечестивых не хожу.
Со святыми о высоком не жужжу.
Не целуюсь с кем попало – каждый скрыт.
И любви осталось мало. Но хранит,
Но хранит меня Любовь и всех, кто за.
В масках все. Не говори – смотри в глаза.
Перед смертью не надышишься. Дыши!
Вдох и выдох – это танец. Ты пляши.
Вдох и выдох. Плюс и минус. Круглый дзен.
Вот и началась пустыня перемен.
Здесь Египет? Или Эрэц-Исраэль?
Иль глобальнейший «Титаник» сел на мель?
Звёзды встроены в безбрежную кадрили.
Человечества узор запутан, мил.
Вдох и выдох – у галактик и систем.
Мы пришли сюда зачем, скажи, зачем?
На собранья нечестивых не ходи.
На своей планете с розою сиди.
Поливай ею любовно, поливай,
И наступит месяц вымечтанный – МАЙ!!!!

***

Спасибо, Боже, я ещё жива,
Имея только небо под ногами
И ветер в голове. Расту в слова.
Слова поют луну меж берегами,

Слова находят солнышко в ночи.
Я этих слов и этих снов не стою.
Пока жива, кричи, душа, кричи
В безветрие, в безверье золотое...

Струится лютик. Пахнет гиацинт.
Кудряшки на деревьях мироточат.
Спасибо, Боже, что душа болит,
И птица сны мне крыльями щекочет...

***

Я сижу, как нужно, в медитации,
Слушаю «Нирвану» и Бэ Гэ.
Думаю о самоизоляции,
Об избушке на одной ноге.

Бабушка давным-давно предвидела,
Бабушка Яга всегда права:
Никого не съела, не обидела.
Тыщи лет, патлатая, жива.

Собирает травки, знай, за городом,
Зелья варит, новости глядит.
Ноутбук с каёмкой. Сердце молодо.
По ночам скулит радикулит.

Я сижу, как прежде, в медитации,
Бабке ручкой беленькой машу.
Героиня сказки, были, нации,
Можно о тебе я напишу?

Далека от славы и признания.
К лесу первозданному близка.
Бабушек любила в пору раннюю.
Бабушек, цветы и облака.

Не послушалась Бродского, вышла из комнаты.
Надела красную шапочку, напекла пирожков, отнесла бабушке.
Вокзал, развязка, шумно даже после полуночи – волков нет.
Но благочестивые люди превращают тебя в дурака
Быстро и профессионально.
Дома шкаф и диван,
                нерабочая стиралка и сумасшедший телевизор.
Дома я поэт и художник, и сам себе режиссёр.
А за порогом меня обзывают кличками,
                за которые даже в тюрьме бьют.
Не послушалась Бродского,
Надела шапочку.
Напекла новых пирожков. Сижу и плачу.
С кем не бывает?
Лучше беседовать только с цветами, только с птицами.
Бродский плохого не посоветует.
Но мы все непослушны. Каждый по-своему...

Хочется Чуда сегодня, как никогда.
Хочется снега, и с горки лететь в зарю.
Он ведь давно уже радость и солнце дал.
Может, невнятно и путано говорю?

Краткий тюремный тайный наш перестук...
Странная музыка в тихом лесу зажглась...
Птицы от зим огромных хотят на юг.
Все ли мы птицы? И всё ли в нас – света власть?

Хочется Чуда сегодня, как никогда.
Всё, что хранит и держит – уже тюрьма.
Бодрствуют, щурятся спальные города.
Может, всё-то на сердце пустом – зима?

Всё перемелется. Снега мука и мел.
Старая мельница держит на крыше крест.
Может, порой и нужно присесть на мель.
Чуда – вагоны. А Чудо не надоест.

Бархат асфальта. Три – пишем. Вокзал в уме.
Ветер лишь буквы сегодня готов поднять.
Свет тишины. И это пора уметь.
Главное Чудо: поверить, простить, обнять.

***

Миргород близко. Диканька видна из окна.
Первоапрельским маршем
Шагают билборды.
Что выбираешь ты, кто твой избранник, Страна?
Трассе не снятся лица (а рифме – морды?).

Не поднимайте веки, тому кто сгнил.
Кажется, спит? Притворяется! Только маски
Силу имеют, нам кажется. Михаил –
Это архангел, вроде, но он из сказки.

Здесь же – рекламный щит, бутафорский меч.
Правда, с Востока палёным несёт по правде.
Хортицкий Дух будет нашу судьбу беречь,
Рваную карму. И самых святых посадят,

И не на трон. А подальше куда пошлют...
Первоапрельским маршем бредут билборды.
В Миргород, в скользкую нервную муть минут.
Хочется верить в лучшее. Зырить гордо.

Но!
Миргород близко. Украли давно луну.
Что выбираешь, кого? Не бывает правды
В мире людей и мнений. Весну, весну
Выбрала вечность. И, может быть, так и надо???

Так нам и надо, взмыленным, золотым?
Лузгаем семки. В Диканьке подсолнух вырос.
Ах, не о том я... Ведь что-то таки растим,
Что-то такое, что Гоголю и не снилось???

***

А взрослые всё так же любят цифры...
Никто не обещал, что будет легче.
И кажется, что взрослых в мире больше –
Они спешат всё время по делам.
Я устаю от чётких бухгалтерий.
А в детстве математику любила,
И добрые советские открытки
Напоминали до-рожденья мир...
Нас обманули: взрослых не бывает.
Диванные лысеющие дети,
Неужто вам другие сказки снятся,
Чем Ренке, в мир кричащей из окна???

***

Я хочу быть подсолнухом золотым.
Наливаться солнцем минуты каждой.
Я хочу быть подсолнухом. Темноты
За спиною не знать. А тянуться аж до

Озорного Источника всех лучей,
Бесконечно горячего сердца– Духа.
Я мечтаю тоже быть горячей,
Огнегривей, чем почвы земная скука.

Да, из тёмных из жирных глубин расту!
Только Солнцем живу, созерцая пламя.
Я целую жаркую красоту.
Я хочу быть подсолнухом!
Света зная

Пусть прольётся Словом! Пусть будет так!
Лепестков моих жёлтая аллилуйя,
Трогай Солнца далёкий седой маяк.
Я – подсолнух. И Солнце небес люблю я...

***

Что ж , будем жить в грядущую весну.
Не веря в то, что за плечами осень.
Из неба будем черпать глубину
Необратимо горних вечных вёсен.

Что ж будем жить в летящую лазурь.
Прими в поток, звенящее пространство!
Забудь, душа, о кляксах зим и бурь.
Ты в вечности Весны учись купаться,

Несмелая продрогшая душа.
За этот свет оплачено не мною,
За этот свет с хрустальной струною
Оплачено чудеснейшей Весною.
Проснись и пой. Полёту не мешай...

ЕЛЕНА СКАЧКО

Киев

**СОФЬЯ И АДМИРАЛ.
СТО ЛЕТ ПОСЛЕ ЛЮБВИ**

Словно по темени – времени жернова.
Лета дала притоки. Теперь Нева
прячет осколки лета на мутном дне,
холодом лечит души. И в каждом дне –
нынешнем, бывшем, новом – стирает суть
и превращает время – в когда-нибудь.
Сутки, недели, месяцы чередой
складываются в года и века. Водой,
мёртвой водой их Лета несёт в Неву...
Но пока живы, я тебя обниму,
руки сожму до боли, паду на грудь –
завтра уже не в путь, а куда-нибудь.
Манит свинцовым плёсом река Нева,
и никаких не надо ривьер, невад,
римов, парижей, мюнхенов, барселон,
аэропортов, портов, частных зон...
Лета-Нева со дна поднимает муть,
где мы теперь неведомо – где-нибудь.
Лодок нам не досталось. Осталось – вброд.
Гнётся под невским брюхом тоннель метро,
плесень на серых стенах и конденсат –
может быть, это лестница в Дантов ад?
Память по чёрным венам течёт, как ртуть,
и превращает смыслы – в зачем-нибудь.
Жизнь мимолётна, и неуместен торг.
Вишенки съедены, и засыхает торт.
Сброшены тайны, словно в ночи пальто.
Если отмолишь, будет опять не то...
Может, столкнёмся ветрами над Невой,
Или над Сеной, или над Ангарой...

Я уже не твоя.
Ты уже не мой.
Девочка с мудрым именем и герой...

...Боги отпустят нас доиграть судьбу –
где-то, зачем-то, с кем-то, когда-нибудь.

ПОСЛЕ ЛЮБВИ

На твоём загорелом плече я лежу, как на облаке...
Где-то рядом тревожно и мерно, как кованым обухом,
бьют часы невпопад уходящему тонкому времени,
мир циничен и сыт, и в окно из удушливой темени
смотрят наглые гончие псы...
Это было видение?
Или, может, один на двоих затянувшийся обморок?
Полоумно взрывает пространство оторванный маятник,
Пляшут дикие стрелки, и строится время орнаментом...
Золотая камея затянула прорехи в сознании –
То ли явь, то ли бред...
Полыхает охряными гранями
Торопливый рассвет.
И ты знал, безусловно, заранее,
Что меня уже нет.
Что я просто инверсия памяти...

ОЗИМЫЕ

Настало время озимых чувств,
Опавших яблок и полнолуний,
Сожжённых солнцем хмельных петуний
И перевёрнутых звёздных люстр...
Пришла пора запоздалых слов,
Охряных листьев и горьких ягод,
Когда так хочется бросить якорь
На самом тёплом из островов...

В затылок дышит стихийный страх,
Врываясь ветром в разломы пауз...
Но одинокий упрямый парус
Опять белеет в былых веках.
Настигла очередь перемен –
Дорог, созвездий, замков и знаков,
И только зелень озимых злаков
Даёт надежду: ещё не тлен...
Созрело облако-снеговик,
Наутро будет расстрел озимых...
Такой уж вздорный нам выпал климат.
Но мы привычные.
C'est La Vie...

---

*C'est La Vie (се ля ви) – такова жизнь (фр.)

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ АВГУСТА

Памяти Марины Цветаевой

Пахнет осенью.
Зреет рассвет рубиновый.
В чуткой памяти бьётся сомнений нить.
Как же хочется, Господи, грызть рябину,
Чтобы горечь неверия перебить.
Над Елабугой небо бездонно серое
И дождливо-лиловые облака.
Невозможно спастись одною верою,
Если больше не вьётся любви строка...
Как же хочется в детство кудряво-русое,
Где лазурь над порогом и окна в сад,
Земляничные вялицы над Тарусою,
И лимонное солнце слепит глаза.

Скоро осень.
Рябина созреет гроздьями,
Отражаясь кострами в гнилой воде.
Холодает.
Не надо.
Не будет осени.
Будет вечного лета последний день...

СТЕНА

В этой комнате холодно даже летом – не согревает камин.
Приходится спать одетым под пледом,
пламя использовать вместо света
и удивляться, как выживает коралловый бальзамин,
а паук паучихе плетёт балдахин из тысячи паутинок...
И не нужно распахивать ставни и – тревожить покой гардины,
чтобы выдохнуть в утро
прогорклый дым заныканной сигареты...
Ночами, конечно, здесь мрак и сырость,
раздолье заблудшим ветрам,
дожди – иногда грибным пунктиром, но чаще – как из ведра.
А поздней осенью прямо в комнате был затяжной листопад,
и тенью бродил – размеренной поступью – страх-старик-психопат,
и пол не скрипел, не ныл, но болел и гнил от сырого сора...
...Но стало привычным, что можно летом
выйти из комнаты в сад,
не дёргая ржавые шпингалеты, минуя веранды и коридоры,
по-свойски, в одних трусах –
смотреть на истерзанную дорогу, на ластиком стёртый город,
и веровать в разум людей и Бога, но выгодней – в чудеса...
И думать о том, как день лучист,
а горизонт пречист,
и надо бы где-то достать кирпичи и пару мешков цемента,
чтобы успеть до суки-зимы возвести хоть хлипкую стену...
С надеждой, конечно, на здравый смысл
и скорые перемены,
когда перестанут мерить жизнь
тротилowym эквивалентом...

ПРОЩАНИЕ С АКТРИСОЙ

Памяти Юли Волчковой

Ноябрь сегодня тихий-тихий.
Сквозь швы неплотные – сквозняк.
Кленовый лист прилип, как стикер, на лобовое.
Стержень дня кренится набок.
Свет – на убыль.
Клоками комкается мгла.
И мысли тёмные, как уголь.
И блеск смородиновых глаз уже угас.
Уже во благо
Душе смиренной – параллель.
И чертовщина чёрных ягод,
И неприкаянная ель,
И небо выстиранной паклей, и сотни рваных паутин,
Как эпизоды из спектаклей, как кадры фильма –
Вдоль пути.
Бесповоротного. Слепого. Где все эмоции немы.
Где невесомы суть и слово.
И аплодируем не мы...

Ноябрь сегодня тихий-тихий. Семи ветрам наперекор.
И выцарапывает штихель на сердце сумрачный узор...

А ГДЕ-ТО БЫЛА ЗИМА...

А где-то была зима.
И не было ей предела.
За март, за апрель, за май цеплялась подолом белым.
Утюжила города.
Плела бесконечность кружев.
Ноктюрны на проводах играла, вдыхая в души
Растерянность и тоску,
Мечты о щедротах юга,
О том, что цветной лоскут заклеит кусочек луга.

О шёлковой бахrome на хрупких локтях черёмух,
О вереске на холме, о дроби ночного грома.
Луна растеряла цвет, и небо лишилось глянца.
И не было больших бед, чем льдов беспросветный панцирь.
Бесплодно ломились вверх проросшие в стрелку зёрна.
И царствовал белый мех, давно поглотивший чёрный...

А завтра была весна.
И не было в ней сомнений.
Задорный неловкий злак тянулся к теплу из тени.
Прогнулся шершавый наст. Распутались нити кружев.
Ожили полосы трасс. Захлюпали звонко лужи...
И небо вернуло цвет, как будто зацвёл цикорий.
На полку заброшен Цвейг, вершитель чужих love story...
Оттаяли провода.
Совпали пунктиры пульса.
Я просто сказала «да».
Ты просто ко мне вернулся...

РУДБЕКИИ

Густ август запахом рудбекий
и переспевших синих слив.
Непроданные чебуреки
на пляжах стынут...
Журавли
в предчувствии шального старта,
волнуясь, пробуют разбег...
И драит подранные парты
приезжий маленький узбек...
Луна, как лопнувшая дыня,
роняет капли янтаря,
и демонической богиней
встает прохладная заря...

И руки мёрзнут на рассвете,
и сны сквозь сито, как песок,
и астры первый лепесток
вот-вот сорвёт приبلудный ветер...
Густ август грустью междометий
и поднебесных голосов...
Тускнеет.
Хочется ответить
Контрольным выстрелом.
В висок.

МЕЖДУ

Берега отошли – только полуутопшие косы,
Косяками безрыбье, подводные камни – грядой,
Наизнанку ветра, белоснежная лунная россыпь...
Мир плывёт в никуда – перевёрнутой старой ладьёй.
В изумрудном пространстве безвременно движется время,
Стайки бойких молекул боками толкаются всмять.
А ладье нипочём, даже если заносчивый гребень
Захлестнёт и поднимет, протащит по глади плашмя...
В днище течь решетом – не замазать уже, не заклеить,
Прохудилось изрядно, как бабушкин гнутый дуршлаг –
И сочится вода, становясь первозданным елеем,
Воздух капает воском, и облаком тает душа...
Ожидается шторм – в нём ладья разлетится на щепки,
Что-то канет в пучине, а что-то прибьётся к скале
И занозой войдёт в огрубевшие древние слепки
Чьих-то ног и ладоней.
И смыслов.
И судеб.
И лет...

СНЕЖАНА МАЛЫШЕВА

Киев

***

Я таскаю тоску на плечах, за плечами,
Я иду по песку и теряюсь ночами.
И в наушниках «Тоска» Джакомо Пуччини
Помогает тонуть мне в знакомой пучине.
И в вагоне метро, растворяясь в пространстве
Музыкальных аллюзий, чтя постоянство,
Я встречаю случайно печальные взгляды,
Безалаберных слов собираю плеяды.
Парадиз – дерзновение вольных по духу,
Мы же строим святыни, рифмуя разруху.
Продлевая улыбку в чужом отражении,
Отдаём мы себя, не страшась поражений.
Мы лавируем между любовью и долгом.
И мне кажется век этот длится так долго.
Безотчётность отчетов и челяди чванство
Прикрывается лозунгом и мезальянсом.
И случайную маску лицом называя,
Я спрошу себя: «Кто ты? Кто ты такая?».

***

Гол сокол на кровати моей летает,
То ли тает во мне, то ль читает меня.
Он мне чем-то напоминает Кая.
Уже льдинки в сердце его звенят.
Нежность, ножность от слова нож.
Ноги разрезают пространство и время.
Это было всё, но явилась ложь.
Быстро нацией стало племя.

И полцарства верят в чужого царя.
И полцарства сулят в подарок.
Если жжёшь мосты, то руби якоря,
Поднеси к фитилю огарок.
И когда ты коршуном да колом
Врежешься в породу людскую,
Я тебе посоветую, лучше лом
За пазуху и в пучину морскую.
А пока летай, милый мой, летай,
Зависай над моей постелью.
Ты ещё различаешь меня, мой Кай,
Но скоро изменишь цели.

Клёпанный танк давно устарел,
Пилотки солдатские спят в музее.
Но снова бумажный солдатик смел
И места уже заняты в колизее.

Я прижмусь к шершавой твоей щеке,
Ветер времени вреден живым...
Вижу новую струйку в старой реке,
Ты по ней плывёшь недвижим.
Все мы встроены в мир, где снова дым
Вкусовою приправой к хлебу.
Летая со мною что херувим,
Поклонись Борису и Глебу.
Убиенные братьями в ряд святых.
Сколько их уже в новый ряд?
Вот мне кажется, будто и ты затих.
И я вдыхаю твой яд.

ВЕЧЕРНИЙ ПОТОК СОЗНАНИЯ

Случайности в излучину стремились
Реки искристой вечера,
Чертили знаки зыбкие на глади
Ладьёй скользили, лезвием ножа.

И жалостно так пели пилигримы
Усталости на стеллажах событий
И в бытность прошлую пускали корневища,
Вещали, ликовали,
Возлиянья
Плели елейно из ветвей судьбы.
И были так верны как и не верны.
И пир вели пророчества в таверне,
Случайность честно возводя в вельможи,
Во времени минуя путь раздора.
Дары минут и воздаянья дней
Представили властителями мира.
Когда б мечта блистательней факира,
Одевши фрак нам дар преподнесла.
И сласти раздавая всем, певуче
Чайковским угощая, Глинкой, Верди,
Вердикт умея выпутать из сети,
Была бы вместе с случаем в ответе
За этот мир,
За нас
и за тебя.

***

В тёмно-синей вазе белые пионы,
Тайною окутан каждый лепесток.
Вдалеке чуть слышен стон аккордеона,
И струится в окна солнечный поток.

А в лучах пылинки медленно кочуют
От цветастой шали к стопке старых книг.
Чёрный кот мурлычит, словно что-то чувствует...
Может гость вчерашний в мир его проник?

ПРО ЛЮБОВЬ

Целый день буду лежать, мечтать на диване,
Целясь глазами в прошлое и глупо так улыбаясь.
Плакать буду, плавать буду с тобой в океане,
Смотреть, вспоминать, как строил ты из себя бая.
Что толку толочь в ступе мои и твои мечты,
Но я не способна сегодня на нечто большее,
Чем представлять тебя, меня в качестве нежной четы
Или царственной парой в какой-нибудь древней Польше.
Или будто в поле русское выходим полоть огурцы
И улыбаемся нежно, взглядом ласкаясь нечаянным,
Чуть коснувшись руки. Или вот уже связываем концы
Распустившихся поясов и хотим друг друга отчаянно.
Целый день я не буду есть, буду только лежать и пить.
Вино будоражит мечты и залечивает отчаянье.
Я снова с тобой, пусть даже на миг, на мыть.
Но вот трещит телефон и пугает меня... нечаянно.

Я не выдерживаю столько любви сразу, одновременно.
Я люблю дочку, сына, маму и, конечно, тебя.
Я продолжаю любить и тех, кто ушёл из мира надменно,
Кто только во снах появляется, память мою теребя.
Любовь сжигает медленно моё небольшое сердечко.
Оно болит и мечется, рискует расстаться со мной,
И кажется эта мука горения будет вечна, вечна...
Может, любовь это ад, который обещан судьбой.

ТО, ЧЕГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ (экспресс рассказ)

Когда в городе жара и от тебя уходит изрядно надоевший,
но бесконечно дорогой, как старая мозоль, мужчина, то обяза-
тельно начинаются неприятности на работе и ты увольняешься,
достаёшь из запыленного кофра забытый фотоаппарат, как ста-
рую любовь, и идёшь на берег Днепра, рассуждая о том, что если
захочется утопиться, то кенон D 5 вполне подойдёт как груз.

Но старые привычки не отмирают и ты смотришь в видеоискатель и жизнь в этом маленьком окошке становится не такой уж безнадежной.

Смотришь на реку, дальние купола и решаешь, что ничего конечно особо интересного уже не будет, но жизнь стоит того, чтобы её по крайней мере фотографировали.

И именно в этот благостный момент единения с природой объектив перекрывает изрядно волосатый мужской живот.

И когда, возмущённая, я поднимаю глаза на непрошеное явление, мне говорят: «Девушка, я знаю, вы любите кататься на лодке. У нас в команде женщин не хватает, а соревнования международные и нам победить хочется. Помогите. Вам только весло надо поддержать...».

И я не смогла отказать. Тем более, что в детстве мы с подругами ради мальчишеской компании ходили на греблю.

И вот в команде с дюжиной здоровенных мужиков и не менее эффектных амазонок я взяла в руки весло и моя судьба резко изменила своё течение.

Уже через пять минут я сидела в «Драгонботе» (двадцатиместная лодка-дракон), через час мне вручали золотую медаль международных соревнований, через неделю я мчалась в Польшу в каком-то умопомрачительном джипе, зажатая между широкими плечами моих новообретённых соратников по гребле.

В Польше меня водворили (не смотря на моё сопротивление) в женскую команду. Когда мы стали безнадежно отставать от накачанных немков, наша рулевая завопила «за Родину!» и открылось третье дыхание, и мы победили.

По этому небывалому поводу, естественно, устроили застолье и я напилась, и очнулась от этой гонки жизни, когда поняла, что передо мной на коленях стоит какой-то русский и объясняет, что он меня всю жизнь ждал и готов всеми своими материальными накоплениями искупить все обиды, которые нанёс мне социум.

И что вы думаете? Я согласилась.

Когда он сказал, что удобнее возвращаться в Питер через Париж, а потом ему ещё надо заехать в Севилью, первая мысль, которая меня посетила, была: как хорошо, что я уволилась с работы.

Всю жизнь мечтала о высоких перчатках. И он мне их купил, а к перчаткам, естественно, вечернее платье и мы пошли в театр,

а потом сидели в кафе, смотрели на Эйфелеву башню и он говорил, что я куда грациознее, чем она, и смотреть на меня приятнее, чем на все виды Парижа.

Потом была Севилья, конечно, коррида, но там я расплакалась, мне было ужасно жалко быков и он повёз меня на океан.

У его друга была яхта и он уступил нам её на один день.

Мы шли под парусом, мой русский был элегантен и ловок, но засмотрелся на меня и его ударила какая-то деревяшка на которой держался парус и он упал за борт.

Дальше... Дальше меня, кричащую и ревушую белугой, сняла с неуправляемой яхты морская полиция, потом была полиция обычная, вполне сухопутная, на меня кричали по-испански сначала в комнате для допросов, потом в камере.

Какие-то весьма потрёпанные испанки, мои сокамерницы, отобрали у меня всё, что могли отобрать.

Моего Русского не нашли.

Меня выпустили.

И вот я опять на берегу, только теперь океана, в чужой стране, совершенно без денег, и в руках у меня единственная вещь, которая осталась у меня от моего незабвенного, это новенький навороченный фотоаппарат, который почему-то не конфисковала полиция...

Так вот сижу я с фотоаппаратом смотрю через объектив на океан, на прибрежный ресторанчик и понимаю, что скоро умру если не от голода, так от жажды.

Как вдруг вижу, что на пороге ресторана стоит огромная бабища, машет мне активно руками и до меня доносится явно русская речь с армянским акцентом.

От такого счастья я подпрыгнула и зайцем понеслась навстречу своей спасительнице.

Оказалось, что в ресторане полным ходом идёт армяно-грузинская свадьба с испанским акцентом, а фотограф не приехал, и мне готовы заплатить кругленькую сумму, если я соглашусь поработать свадебным фотографом.

Свадьбу я, конечно, отсняла, деньги получила, но самым большим подарком стал седовласый, очень даже не плохо сохранившийся грузин.

И, конечно, я согласилась полететь с ним в Грузию (куда угодно, только поближе к русскоговорящим), у него был дом на ро-

дине Маяковского, а я всегда любила ранние стихи этого гиганта от поэзии.

Сначала была чередой грузинских застолий, но я вела себя так примерно, что моему грузину сначала пришлось подарить мне собачку для моего душевного спокойствия, а потом сделать предложение выйти за него замуж.

Так я стала грузинкой.

Стала носить длинные глухие чёрные платья и научилась не смотреть прямо в глаза мужчинам, это пожалуй было самым трудным, но что поделаешь...

Если вы думаете, что я живу в Тбилиси, езжу в шикарной машине в супермаркеты за покупками, то вы ошибаетесь.

Я живу в далёком горном ауле или как там он у них называется. В доме предков моего седовласого грузина, где всем управляет его девяностолетняя, но ещё вполне активная многоуважаемая мать.

Она учит меня доить корову, пасти овец, печь лепешки.

И я бы сошла там с ума, наверное, если бы не молоденький пастушок с Украины.

Бывший беспризорник на парном молоке и горном воздухе превратился в красавца гуцула.

И я влюбилась, и мы сбежали.

Это было непросто.

Была погоня, были ледяные горные перевалы... нас спасло, то что мой возлюбленный мог добывать еду и деньги практически любым способом, включая не самые праведные, но когда ты голоден, то украденная курица становится ещё вкуснее после азарта погони...

Мы добрались до моря, нанялись чернорабочими на корабль до Одессы и, пройдя все испытания морской жизни, наконец-то оказались на родной земле.

Но в итоге мы с ним сидим возле речного вокзала в Киеве, ставим ставки на скейтбордистов и пьём пиво.

Сейчас лето, мой гуцул устроился работать матросом на прогулочные катера, бесплатно катает меня по Днепру, вечерами мы купаемся и смотрим, как зажигаются купола лавры в закатных лучах.

Кажется, это – счастье.

Как-то их кораблик наняли для корпоратива, меня позвали подработать официанткой.

Я случайно, а точнее по неумению опрокинула шампанское на хозяина праздника, а он вместо того, чтобы разозлиться, рассмеялся и выяснив, что по профессии я фотограф, а совсем не официантка, пригласил меня поработать в его компании, сказав, что к купанию в шампанском он привык.

У меня новая работа и очаровательный начальник, увлекающийся ралли Париж-Дакар.

Похоже, я поеду с ним на соревнования как фоторепортёр...

НАТАЛЬЯ САВИНА
Киев

КРИК ТИШИНЫ

Я не знаю, чья это вина,
Но сижу в опустевшем пространстве.
Не кричи на меня, Тишина,
В ритуальном забудусь я танце.

Мудрецов вспоминаю слова –
Пусть меня утешают из книжек.
В танце странном плывёт голова:
Одиночества так не увижу.

Соберу я все перья от крыл,
И пусть недруги лопнут от злости:
Кто-то дверь в мою келью открыл...
То они, долгожданные гости!

***

Ты не сможешь мне помочь
Ни потом, и ни сейчас,
Одолжи хотя бы ночь,
Одолжи мне этот час.

Отражайся в зеркалах,
Тень отбрасывай, как все.
Но в душе таиться страх:
Быть ли чёрной полосе?

Мыло в ванной не поймать,
Не удержишь солнца луч,
Но надеюсь, что опять
Надо мной не будет туч.

Все сомненья обесточь
До волшебницы зари.
Подари не только ночь –
Все рассветы подари!

***

Раз, два, три, четыре, пять
Я иду себя искать.
Кто меня сейчас похитил?
Я в своём спектакле – зритель.
Где себя искать и как?
В снах забытых, дневниках?
Может быть, в заросшей чаще
Где в ночи костёр горящий?
Или спрятана в темнице,
Где вокруг чужие лица?
Время прошептать заклятье:
Я нашлась в твоих объятьях!

***

Я тебе подарю
Миг, что прятали звёзды той ночью,
А Луну и зарю
Не заменишь и копией точной.
Трав дурмящий плед
В сочетании с пением птичьим...
Ты поймёшь, что рассвет
Как всегда восхищает величием.

***

На ветер настроен нос
И тихо звучит опять
Ко мне адресованный SOS...
Что делать? Иду спасать!

Вдруг буря застанет врасплох,
И небо разделит гроза?
Ты скажешь: «Поможет Бог».
Как все отведёшь глаза.

***

Ни к чему мне сейчас итожить,
Сколько вместе прошли дорог.
Помощь друга всегда дороже,
Но обычно спасает Бог.

ЗЕРКАЛА

Внешность мне не простила ни бед, ни потерь:
И на зеркало я обижаюсь теперь.
Слёзы горькие вмиг добавляли морщин,
Огорчала глаза ненадёжность мужчин.
Лучезарного счастья напрасно ждала –
Я сегодня разбила свои зеркала!

МОЛИТВА

Ты – моё спасение. Ты – Отец родной!
Подари терпение, радость и покой,
И Судьбой жестоко так меня не бей:
Сохрани любимых, близких и друзей.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ (А. Резнику)

Наигралась с Надеждою в прятки –
Не заметила Чёрные тени,
Что умеют подкрасться украдкой:
Приказали мне встать на колени.

Мои губы молитву шептали,
И друзья взяли нежно под руки.
Ты с небес мне поёшь. Нет печали:
Ты со мной. Смерти нет! Нет разлуки!

***

Шариком воздушным мне бы стать,
И над суетой мирской летать.
Злая и завистливая нить,
Снова в небе не даёт парить.
Подскажите поскорее, братцы,
Ниточкою как не привязаться?

НЕБЕСНАЯ ЗАСТУПНИЦА

Бабушка! – я кричу что есть мочи –
Нынче помощь нужна твоя очень:
Защити меня Именем Рода
От беды високосного года.
Пристают очень странные люди –
По душонке своей они судят,
Чёрный цвет показался им белым,
И летят в меня острые стрелы.
А в разбитых зеркальных осколках
Даже стала кривою иголка.

Почему всё свалилось и сразу:
Прах мужчин моих в траурных вазах?
Я устала от слёз и распятий!
Ты, скажи Там, что с внученьки хватит.
А чтоб сердце не рвалось на части,
Попроси хоть немножечко счастья.

ДІАНА СУШКО
Київ

СОЛДАТ

Пам'яті Героя України Сергія Цимбала

*Де кров текла козацькая, трава зеленіє.
(Тарас Шевченко)*

Просто один із тих, хто поліг на сході*,
(скромне життя, як сотні таких життів),
він в материнській пам'яті буде – гордість,
туга, яку не втиснути в жменьку слів.

Просто один із сотень, розп'ятих світом,
тих, хто платив життям за гріхи вождів,
він для малого сина – як проблеск світла
в коловороті схожих квапливих днів.

Просто солдат для сотень живих і грішних,
що одягнуться тепло і пом'януть.
Він для дружини – тиха, печальна ніжність,
роду її козацького справжня суть.

Просто один із тих, хто пішов зарано,
тих, непокірних духом, чия весна
гнівом тонкої жінки над краєм тане,
де в попелищах сивіє твердь земна.

***

...а я була не з тим і не тоді
в глухому лісі, у гречанім полі...
Шматок землі, обрамлений тополями...
і ми, такі ще зовсім молоді.

...а я була не з тим, коли весна
зціляла світ від сивої тривоги.
Свої страхи, чужі перестороги,
і ноги білі звисивши з вікна...

Розкинулося небо над вогнями
несплячих міст, стихаючих доріг...
Ми все лишались разом... днями, днями...
не з тим переступаючи поріг...
своєї хати...

ПІД СЕРЦЕМ НОСИЛА З ВІРОЮ

Мамі

Вишивала зірками й дірами. (Юлія Холод)

Під серцем носила з вірою.
Світанки чеканням міряла.
Сорочку зірками й дірами
стривожено гаптувала.

На долю дзвінку, усміхнену!
У старості – мати втіхою...
Колиску в морози сміхом і
долонями зігрівала.

Слова молитвами танули,
на тім'я лягали манною...

Роки постаріли й канули
під хустку тернову вмиль.

Душа загубилась в осені.
Онуки по хаті – босими,
в сорочках, розшитих росами...

і серце за всіх болить...

***

А якщо всьому свій час і місце,
і розлукам, й зустрічам, і нам...
Рік за роком різьблені намиста
осінь роздаровує вітрам.

Кимось заговорена-застигла,
рудокоса, стримана й струнка,
осінь роздаровує намиста,
не лишивши спогадам разка.

А якщо всьому своя причина,
і розлукам, й зустрічам, і нам...
Що кому та осінь досі винна,
бурштинами стелена під Храм?

Те вона замовчить і поникне,
Вічності вбачаючи ходу.
Може, вкотре я до тебе звикну
і нарешті спокій віднайду.

***

І ось ти поруч, такий земний,
земний і грішний.
Співаєш тихо про щем вини,
про колір вишні.

І линуть строфи до рук блідих,
тривожать душу.
Розгульний вітер, і той притих,
аби не рушить.

Дрімає музика між рядків
густим туманом,
рука торкається до руки
неспішно, п'яно...

Слова зриваються в глупу ніч,
вуста лоскочуть.
Летять на відблиск медових свіч
ледь чутним «хочу»...

І ось я поруч, така земна,
земна і грішна.
В очах незріла німа вина,
в долонях ніжність...

На вікна кинула заметіль
вуаль розшиту.
І час спинився, і пряний хміль
розлився світом.

...ЗІТХАЄ МИТЬ

Поснули свічі, криє тиша
троянд опалі пелюстки.
Ще душу літепло колише,
ще дотик рідної руки
зникати з пам'яті і з тіла
так непристойно не спішить.
Розніжена і розімліла
зітхає мить...

***

Я якось спитала, що видно з твого вікна,
спитала чи я, а чи, може, уже вона.
І, може, ще квітла тоді за вікном весна,
змарніла вже досі.

Я якось спитала, щасливий ти там чи ні,
що гріє тебе в духмяній отій весні.
Чи їй розповів сьогодні, а чи мені...
про мрійницю осінь...

Кабинет

НАИЛЬ МУРАТОВ
Одесса

САМОИЗОЛЯЦИЯ ХРИСТА

Ты проходишь в дверь, чтоб ограничить мир
До параллелепипеда стен, пола и потолка,
До пролётов лестниц, до чёрных оконных дыр
И до скрытого меж стропилами укромного угла.
И всё это по отдельности потеряло бы смысл,
Но сшитое вместе именуется «дом»,
И как будто дождь всё остальное смыл,
Ты видишь только туман за каждым его окном
И точно знаешь, что с той стороны гроза,
Слышишь раскаты грома, чувствуешь дрожь стекла.
Вокруг идеальный шторм, где время бежит назад
И память, оазис твой, вместе с дождём стекла.
Готов ли твой дом защитить тебя от меча и огня,
От вирусов, жуткой жары и от другой беды,
Которая не приходит одна, на исходе дня
Оставляя в комнатах невидимые следы?
Но своё заточение ты выбираешь сам,
Можешь выйти из дома, нищему бросить медь,
И две круглые чашки на равноплечих весах
Качнутся, застынут. Стрелка покажет – смерть.
Возможно, ты и воскреснешь, скорее – нет,
И донести свой крест не достанет сил,
Но где-то за пустошью снова встанет рассвет,
И может так случиться, что ты не напрасно жил.

***

Иногда мне кажется, что ты –
Тонкий лучик, вмёрзший в толщу льда,
И из этой вечной мерзлоты
Свет твой не пробьётся никогда.
Но пронзая прошлое насквозь,
Вспоминаешь чаще ни о чём,
Как железный истончённый гвоздь,
Параллельно с тоненьким лучом
Впаян я в арктические льды,
Где на сотни-сотни миль кругом
Нет ни солнца, ни другой воды.

***

Бывает, небо видится в горошек
И, нарушая городской уют,
В нём пролетает стая диких кошек,
Истошно воя песенку свою.
Они летят на юг вослед пернатым,
Теряясь среди рваных облаков.
Я тоже был таким котом когда-то,
Вот только улететь был не готов.

***

У чёрта на рогах жила моя зазноба,
У чёрта на куличках ещё одна жила,
И честно говоря, прекрасны были обе –
Как в платьях, так и в том, в чём мама родила.
Но как же нелегко от чёрта на куличках
Тащится, чертыхаясь, к черту на рога,
Был слишком тяжёлый крест, чтобы войти в привычку,
Особенно зимой, когда метёт пурга.

Спустя всего лишь год я потерял обоих:
Им надоело ждать, а мне подмётки рвать.
И вот сижу, гляжу как волны бьют о берег,
И некуда идти, ну, в общем, благодать.
И всё же жаль: из двух любая стать невестой,
А позже и женой законною могла.
Эх, если бы тогда их поселить бы вместе,
Какой бы жизнь теперь чудесною была!

БАЛЛАДА О КАРАСЕ

Когда стоишь рассудку вопреки
Прохладным днём на берегу реки
И крепко держишь удочку в руках,
Карась сперва испытывает страх.
С тоскою он глядит на червячка:
Как хочется сорвать его с крючка
И стол накрыть, и всех друзей созвать –
Их в этой речке и не сосчитать! –
И каждый насладится червяком,
Пусть даже очень маленьким куском.
Чего страшиться? – думает карась.
Мне надоело жить, всего боясь!
Теперь река – для нас, для карасей!
Мы всех сразим отвагою своей,
И что б там не придумывал рыбак,
Карась ему, скорее, друг, чем враг!
Скажи, рыбак, зачем тебе война?
Крючок – твоя беда, а не вина!
Вопрос не верен: быть или не быть?
Давай, рыбак, отныне в мире жить!

Схватив крючок, карась окончил речь,
Давая верный шанс его подсечь.
И пробил гонг, закончена игра!
Улов в ведре, идти домой пора,
И ты шагаешь вместе с карасём,
Так ничего и не узнав о нём!

ПЕРЕБРАНКА С КОРОНАВИРУСОМ

1.

На фоне странного затмения
Рассудка наций и народностей
На кухне общей ем пельмени я
И думаю о мира сложности.
Куда ни кинься, всюду задница:
Коронавирус косит сотнями.
На жизнь мою он тоже зарится:
Своими лапами бесплотными
Схватить пытается за лёгкие,
За горло, за другие органы.
Да, времена сейчас нелёгкие:
Коронавирусными ордами
Враги незримые к нам ломятся,
Но мы встречаем их с отвагою,
Ведь наши полки гречкой ломятся
И туалетною бумагою.

2. Ответ вируса

Мы – вирусы, нам имя – легионы!
Вам не уйти от нас и от судьбы.
Не тратьте зря снаряды и патроны,
Готовьте лучше урны и гробы.

Мы всё сожрём: и лёгкие, и почки,
И гречку, и бумагу, даже лук,
И к той поре, когда дойдём до точки,
Несчётно раз исполним этот трюк.

Не остановят нас ни ваши маски,
Ни парацетамол, ни ИВЛ,
Ни выборы свободные, ни гласность,
Ни собственности новый передел.

И не помогут ни мечи, ни латы,
Ни мыло не поможет, ни Майдан,
Бо нас багато, нас не подолати –
Нельзя убить того, кто Богом дан!

3. Ответ коронавирусу

Ты – неодушевленная скотина!
Не тот, кто Богом дан, а – что дано!
Мы не сдадимся без борьбы и ныне
В войне с тобой все страны заодно.
Таких, как ты, видали мы немало:
Ветрянка, корь, холера и чума –
Где вы теперь и что от вас осталось?
Сгоришь и ты! Твоя пора – зима
И ранняя весна, но близко лето.
День простоять и продержаться ночь –
А там тебе конец. Мы верим в это,
И кроме нас самих, нам некому помочь.
Так соблюдайте ж карантин смиренно,
Чтоб вирус оставался не у дел!
Да будет кровь в артериях и венах
Наполнена белками антител!

***

Бегущий по лезвию бритвы поранит ноги,
Плывущий не по течению станет круче,
А верующий спасётся, моля у Бога
Прощения и его получит.
Но каждому предначертано быть собою –
С живою водою и с мёртвой водой сосудом.
И нет только власти над собственной судьбою,
Неважно, Лука ты, Матфей или Иуда.

ОСЯЗАНИЕ

Как много в царстве света темноты,
А в темноте – неузнанного света.
Увидеть то, чего не видишь ты,
Проснуться ночью с ощущением этим,
Когда из всех пяти привычных чувств
Осталось только чувство осязания.
Я рад ему отдаться, я хочу
Напиться вдоволь властным обаяньем,
Ведь осязаю – то же, что живу:
Куда важнее образ, чем картинка!
На ощупь, не во сне, не наяву
Бреду за край, за занавес, за спинку
Приставленного к каменной стене
Дивана, где мы, обнявшись, застыли.
В твоей вселенной, неизвестной мне,
Раскинулись на годы и на мили
Воспоминанья. Мёртвое в живом
Или в живом живое? Наудачу
Войду в твой сон, как в незнакомый дом,
И звонкий смех сольётся с тихим плачем,
И топот детских ног, и стон в ночи,
И шелест перевёрнутой страницы.
Наш город спит, мы вместе с ним молчим.
Я осязаю. Мне с тобой не спится.

ІГОР КАС'ЯНЕНКО

Суми

КОРОЛІВСЬКА БАЛАДА

Я чесно, як міг, відіграв свою роль.
Хай я по тій ролі був голий король,
а публіку грали в господарів доль
одягнуті блазні.
Вони мене звали відвертим нулем
але, навіть голий, я був королем.
Відсутність трусів – не найбільша з проблем,
як кажуть у лазні.

Мене не брехня роздягнула дотла,
а та, що мене у ніщо одягла.
Вона ні добра не бажала, ні зла,
не брала на кпини.
Її дефіле під захоплений рев
як вирок для інших було королев.
Тому я за неї і бився, як лев,
короною в стіни.

Коли ж її хтось завойовував, я
лише посміхався: Вона нічия!
Тіла переможців знесе течія!
Пануй, моя весно!
Я знав, що не вигребу, хоч і гребу,
тому і порушив закони й табу
і голий до неї пішов крізь юрбу.
І це було чесно.

І раптом під поглядом сотень очей
вона свою сукню зірвала з плечей
і сталося щось не зісвіту речей,
палке та безкрає.
Ця казочка має щасливий кінець.
Король королеву повів під вінець.
А спритний той і креативний кравець
вже більше не крає.

ІНКАРНАЦІОНАЛ

Я вмер. Тобто вирішив знову відбути
в мандрівку до першоджерел, і в путі,
зустрівши kota, здогадався – від Будди,
бо бейдж на хвості.

Він чемно довів мене до білокраю,
збудивши в душі ностальжі почуття.
І от я вже вкотре собі обираю
наступне життя.

А їх тут без ліку у кожній палаті:
митців, полководців, красунь і ментів.
Є звірі, рослини і купа приматів
із інших світів.

Ось геній, чий розум домислив до дурки,
бо йшов по обніжку й зайшов за межу...
І тут я, своєї не маючи думки,
скажу вам чужу:

Той геній в осяяння мить і прозріння,
збагнув, що людей, від низів до верхів,
від Сяну до Дону, від яну до іня
і риб, і птахів,

вужа і гадюку, ялину і тую
Господь від початку створив до кінця.
І як я чиймось життям погидую –
ображу Творця.

Тому із поваги до Нього я мушу
прожити усі, і в яку зокрема
я зараз вкладу інкарнацію душу –
різниці нема.

Бо попри окремість і недовговічність
безглуздох і сповнених сенсу життів,
Із безлічі їх і складається вічність.
А я – й поготів.

ДОСЛІДИ

Вже можна не спати до самого досвіту
і думати – що це було і навіщо?
І що залишилось, крім присмаку й досвіду.
І як по цих сходах піднятиись найвище.

Й заглянути в глиб той, де губиться зір і де
з акулами рибки живуть чарівниці.
Так світло минуле до серця від зір іде,
минаючи міжгалактичні дрібниці.

Те світло вже мертве, та з пам'яті простору
фотонами спогадів душу торкає.
І створює свіжу історію про стару
реальність, яка кожен раз не така є.

І ти розумієш – чекати на підсумок,
на форму кінцеву, застиглу до гарту
не варто, бо знову логічний твій хід думок
не вийшов за межі царини дрім-арту.

А жінка, яка спричинила ці досліді
мінєє Армані на Гуччіз Версаче.
І топить твої у Мерло чи Бордо сліди.
І зовсім не – ти уяви собі – плаче...

НЕСВЯТИЙ МИКОЛА

Світ шукає, америки, сенси і клади,
у нелюбому – вади, у скруті – розради.
Дехто з пультом Венецію робить з ТБ.
А Микола шукає себе.

У Миколи є фірма, дружина і діти
і авто, і будинок – усім би так жити.
Сват його в СБУ, в податковій кума,
а Миколі все щастя нема.

І футбол є, і сауна в дружньому колі.
Про коханку облиш, а то буде Миколі.
Він відвідав ЄС, навіть селфі привіз,
та не втішив Миколу безвіз.

І не в радість йому ні зв'язки, ні добробут,
бо усьому цьому дав би ради і робот.
Люди кажуть: «Він курку удачі скубе!»
А Микола шукає себе.

А Микола в Миколі шукає людину –
унікальну, не схожу на інших, єдину.
І сприймає як фейк той жахливий прикол,
що у Всесвіті безліч микол.

А хай навіть і так, ми однак неповторні,
із родзинками зроблені в горньому горні.
Та найбільша із таїн і крайня, як сі,
що залежать від кожного всі.

І якщо Леонардо малює картину,
Моцарт пише симфонію, Данте – терцину,
і за А виникає щось більше, ніж Б,
то Микола знаходить себе.

БОРГ

Ворог на ділі переможе тоді,
коли ти станеш на нього схожим.
Справа не в цілі, а у методах дій
і в ототожненні зла з ворожим.

Варт уявити, що з тобою уся
спільнота істин – ліві й праві...
І ти миттєво перетворюєшся
на антитезу власній уяві.

Навіть якщо ти гору взяв у борні
за жінку, збіжжя, маєток, грушу,
переконайся для початку, що ні
на йоту власну не здужав душу.

Твій супротивник – не довершене зло,
а тільки привід, котрого сутність –
виклик тому, що у тобі вже було,
та не являло свою присутність.

...Так мою звагу обернув нанівець
харциз, який цю промовив штуку.
І я віддав йому за те гаманець
ще і подякував за науку.

А у шинку, де різний люд пив і їв,
тому що Бог все бачить і бачив,
той хлоп позичив мені гроші мої,
а потім випив ще, й борг пробачив.

БЛЮЗ

Все тече, як речуть Геракліт і наука гідравліка.
Я стою під дощем і мов Дарвін міркую, що час
має щось у собі від гепарда і дещо від равлика,
тобто Бог сотворив його трохи пізніше ніж нас.

А спочатку ходячих зліпив і повзучих з летучими,
і пливучих з квітучими братами – теж бо живі.
І дав простір усім із рівнинами, прірвами й кручами.
І зрадівши, сказав про Творіння своє: «C'est – lavie!»

Та як тільки-но простір вітальними сповнився рухами,
почали поступати логічні питання від мас:
«Хто прудкіший за кого? – із іклами той чи хто з вухами?»
І тоді Бог створив у додаток до простору час.

І хоча витлумачення й вичерпне часу означення
філософія досі від смертних простих береже,
та навіщо робити проблему із миті побачення,
якщо можна зустрітися і цілуватися вже!

Ти красуня – така не у кожного тут чоловіка є.
Але з ким ти насправді, коли ти спізняєшся скрізь?
Я стою під дощем, а годинник нервує і тікає.
І тікає життя, і стікає життя
в безчасове минуле кудись.

БАЛАДА ПРО ВІЛЬНУ РАЙДУГУ

Ми там жили, де майже всі пані та пані
куди б не йшли, робили кроки тільки вверх.
І про життя такі детальні мали дані,
мов їм відкрив пароль в адмін сам Цукерберг.

Цупкі господарі, кравці хазяйновиті –
собі кармазин ріжуть, а чужим рядно –
вони на вітер не кидали гроші й миті,
а у добро вкладали, себто у майно.

А ми удвох з тобою райдугу носили,
точніш, вона між нами сонячна жила
і струмувала током радісної сили,
в одне об'єднуючи душі та тіла.

У ліжку, в лісі, у кав'ярні чи на пляжі
вона оточувала місце наших втіх.
І вколо нас хороми створювала княжі,
невидні зовні для байдужих та чужих.

І тут я мав би відпустити вірш, як птицю
і в поцілунку розчинитися новім.
Але кохана, дай іще я таємницю
усьому світу – бо поет же – розповім.

Хай люди знають, що коли, прогнавши хмару,
на небі райдуга-веселка виграє,
то це кохання, що, як знайде собі пару,
щасливим стане, точно, мов твоє й моє.

АНТИГЕРОЇЧНЕ

Я іду по дорозі то один, то в юрбі.
У душі моїй світло, а у тілі пітьма.
Що отримав від праці – залишаю собі.
А що маю від Бога – роздаю задарма.

Я, буває, блукаю поміж інших доріг.
І дивлюся на зорі, наче в очі жінок.
Всі вони такі різні, але погляд у всіх
одночасно звабливий і чужий, як шинок.

Я іду по дорозі, та нікуди не йду,
бо тут сенсу немає – лише право на рух.
Все що я відвоюю, побудую, знайду
на наступному кроці вітер вихопить з рук.

Я бажаю героям, хай їх милує час –
хоч у полум'ї сила, але правда в золі.
А ще, кажуть, є попіл, що згорів, та не згас.
Тільки хто його бачить – той вже не на землі.

АЛЕКСАНДР ЛЫСЕНКО
Киев

МИРАЖИ НА АСФАЛЬТЕ

Дождь осенний землю полощет,
На асфальте – лишь миражи,
Это жизнь, что прожил на ощупь,
А, скорее всего, не прожил.
Это небо в серых заплатах,
Растворяющиеся следы,
Этот дождь не пустая растрата
Бесполезной холодной воды.
Только небо не виновато
За дождинок пустой хоровод.
Совершается витиевато
Одиночества крестный ход.

***

Когда дождинок мнимая несметность
Закроет небо влажной пеленой,
Когда, пробившись между тьмой и светом,
Реальный мир заговорит со мной.
Мир говорящий – жёсткая реальность,
Так точит камень горная вода.
Всего две строчки памяти осталось,
И это неизбежное «Когда...»,
Когда умолкнет бесполезность споров,
Когда ужалит истины змея,
Слова сплетутся в кружева узоров
В непостижимых смыслах бытия.
И пусть любовь «не поминают все»,
И празднуют, законам вопреки.
Я удалюсь, над пропастью танцуя,
На лезвии единственной строки.

ТЕБЕ

Снова зима за окном,
Снова метель метёт,
Жизни твоей метроном
Свой продолжает счёт.
В руку возьмёшь бокал,
Хоть и не полный пусть,
И, улыбнувшись слегка,
С сердца прогонишь грусть.
Просто настроившись на...
Новые виражи,
Выпьешь её до дна
Эту шальную жизнь!
Светится небосвод
Счастьем твоих дорог,
Пусть тебе даст Господь
То, что я дать не смог...

***

Когда вся жизнь – пустое ремесло
И лишь рука спасает, друга,
Но вдруг, ломается весло
И ты плывёшь по кругу.
Когда устал в наскучившей стезе,
И колокол души звучит всё глуше,
И дом друзей похож на Колизей, –
Иных «уж нет, а те...» кликуши.
Останется лишь тихая вода,
Мутнеющая в памяти запрудах,
Воспоминаний горьких лебеда,
Что по ночам так часто будит.

***

И не приходит больше страх,
Что одиночество погубит.
Прими разлучница-сестра
Мои доверчивые губы.
Как странно сердце устаёт,
Любовь – не сладкое причастье,
Но есть полифония страсти
В многоголосии её.
Наполнен солнечным теплом
Последний промежуток лета,
А он застыл и ждёт ответа
Любви, прошедшей, метроном.
И не приходит больше страх,
Не знает сердце больше страха,
Мою смиренную рубашу
Развесил август на кустах.

***

Так мало «быть» и много бытия,
А между ними линия прямая,
Тебя любить – мой добровольный яд,
Который в этой жизни принимаю.

***

В этом молчании столько скромности,
Взгляд твой над пропастью или во ржи.
Страсть и любовь – всего лишь подробности,
Мне лишь дорогу к тебе проложить.
Взгляд твой теряется с каждой строкою,
Воспоминания слишком свежи.
Мне б до тебя дотянуться рукою
В этом пространстве коварства и лжи.

Слушаю города дивные ритмы
И созерцаю его витражи.
Мне бы дожить до вечерней молитвы,
Мне бы до утренней просто дожить...
И в завершение этой молитвы
Там, у мирской, у последней черты,
Видно, придёт исцеление в битве,
И остановятся сердце и ты.
Может быть, дальше пройти, успокоясь,
Сердце сгорело в огне и в вине.
Кто-то к плечу прикоснулся рукою,
Замысел чей-то прервался на мне.

АНТОН ПОЛУНИН
Киев

RIEN DE RIEN

дано незаявленная
стихия нельзя
выбраться из простуд
функция как
таковая
бесчеловечна
всмаркивая шматъя
души идёшь в кабинет кроить
рукиноги по жу
рналам бурда
нити соплей доколенных
язвят шнурки в тимберлендах
зовут бабушку из земли
желтой как гигиена
разноцветной как
фуджифильм
стихия скользя
по мокрому щебню
насвистывает полёт
rien de rien поёт
в помощь невыскобленным
разбухают почки травы
в высококовийном
теле лёгкие сине
вы
на крыше
с полбанкой желания своего
где трубит из трубы
языкатый предмет его
говоришь
садический сей хлеб

гонит
ветром по склону так соль шибает поверх
волн вариант стерни
по механизированной с
мерти прищипленной знаком
равенства к матери вообще
работа это поэзия
мест отхожих калькулятор города на реке
у меня есть булавка в лацкане
ворона на черенке
верёвка белья
явь в окне
непроявленна
я
свистящий
жгут горизонта
он
вопрошает
а?

дай знать если с этим можно
повременить

ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ

висохлий гедзь у платиновій траві
знак мовчання
затягнутий (на зап'ясткові)
мі-бемоль
між полинів і вересів
темний солодкий м'яз
в шерстинах
зеленавинах
мух
поцілуй мій рот
чорното кишківника

пам'ятаєш прогіркий вітер
приморських кладбищ
де закурювати приємніше вдвічі
ніж на тутешнім продошівленім дерні
ліси вздовж води
яр шепоче іди
шакал найпоганший собака нашого двору
оголює вижовклі клавіші ребер
тягнеться тягнути за долоню
стукає
по гомілці здерев'янілим хвостом
зрастує малий
хтось стоїть над тобою коли ти спиш
каже шакал
все назавжди
каже
смеркається
на газолінці
на з'їзді з траси
купуєш каву і бутерброд
майже без запаху холодильника
треба поїсти

КОСТЬ ПОЛУСНА

это и есть быть
как дети
меня
перерезало
поездом
на переезде
когда даже денег было достаточно
и куртки носили такие
будто
в условиях профицита мыслимо
чудо

здесь в сумерках
я курил ожидая тебя
усиливая сигналы
скрывающихся в тоннеле составов
здесь
рассадили теперь
тутовник
сахаристая гниль
скрывает доказательства
грехопадений
расстегни блузку
потрогай себя
подними
юбку
нет
не садись

1456

людина живиться свининою і водою
задовольняється людиною і водою
розпухла спливає й пливе між крижин
антон
тримає kota рудого зеленооко
дивиться гаса ван сента
тверезий як падло

ПОРЦИЯ УЗНАВАНИЯ

стираю альбом
за альбомом не делаю
разницы между нью
орлеанским оркестром
и бархатным
андеграундом

повлекшими потерю
мужества и
естественности жеста
в шипении ленты
дух прогорклого масла
миги светодиодов
стук
- зравствуйте нет они этажом выше
поток синеватых сверхмалых
ли смерть после жизни
и чем залатать несведенный баланс
кроме
бескомпромиссного кайфа
а именно

НЕ ЧУВСТВУЯ ВКУСА

не-
смотря на зубную боль
на
любую боль несмотря
зло и быстро вгрызаемся в
пласт окаменевшего экскремента
не
чувствуя вкуса
не значит чувствуя ничего
не можем объяснить ничего
что
просвистывает над осенним озером
сокол муссон
наученные говорить от лица тела
в принципе
от лица
другого по памяти

макс
котя
лис
нутка
лети над темной водой
сокол джонсон
огонь разложения неси в блестящих зубах
нейронные связи
вывих зонта посмотри
вынырнул посреди
улицы независимости
в свете сверхсветовом
отдавшись анестезии
забудешь что был когда-либо
не-
любим развеществление всякого
я
намерен продолжить
ма
ларочка
александр
нас
можно объяснить переутомлением
ужасом пробуждения не тогда
намеренно преувеличенным
масштабом
происходящего
происходящего
происходящего
происходящего

ЛЕОНИД КУЛАКОВСКИЙ
Черноморск

ЭТЮД ОДНОЙ ФРАЗОЙ

Гребень багровый костра
лижет подошву заката,
снявшего девственный страх
хитросплетеньем токкаты –

вечной подруги Луны –
стражника грани бездонной,
где, нетерпенья полны,
звёзды спешат на ладони,

что чуть дрожат на весу,
словно на персях халатик,
вдруг обнажающий суть
тайны незримых галактик...

***

Всему свой час, свои приоритеты:
всего лишь до поры вторичность прим,
пустышки превратятся в раритеты,
падут и Третий рейх, и Третий Рим.

Елена подтолкнёт в пучину Трою,
Марат разверзнет пасти гильотин,
а Христофор Америку откроет
и захлестнёт планету никотин.

Всему свой час. История на страже:
плетёт и рвёт связующую нить.
Кому-то – пряник, а кого – накажет.
Историю не нужно торопить.

В урочный час, рационально, властно
внесёт в копилку свой бессмертный пай.
Она сама прольёт однажды масло
и выпустит на линию трамвай...

СВЕТЛЯКУ

По мотивам стихотворений Анны Маркиной

Им, живущим в коморках без табуретов,
всегда везёт на соседей-плюшкиных.
Они из породы людей-раритетов,
выгуливающих мишек плюшевых.

Думающих солнечно, не под копирку,
Не берут в королевские лучники,
Но однажды разбивают, как копилку,
Чтоб, как мелочь, извлечь души лучики.

Тигр Львович рычит на такого: «Петрушка,
блаженный, колоброд-колобродина...»
А тот молча подмигивает кукушке
и языком примерзает к Родине.

ВЕЧНОЕ

*і чи потрібне їй оте безсмертя...
Інна Ковальчук*

Осенним оперением шурша,
взлететь стремится,
но не может,
птица.
Присматриваясь к вечности,
душа
бессмертья ищет,
но найти... боится.

Вдоль лезвий мысли
вечный переход:
из тела в небо
и обратно –
в тело...

А нужен ли к замку
заветный код,
когда душа,
по сути, опустела?..

Молитвы вязнут
в гуще пустоты,
нечистой силе
стелют полотенца.
А где-то,
сквозь покровы темноты,
к Плеядам взвился
первый крик младенца...

***

Где звезда упадёт
В полуночную гущу тиши,
Там бродяга найдёт
Пару строк для дремотной души.

И воспрянет душа,
Проглотив, словно манну, хорей,
И, в дорогу спеша,
Возжелает и звёзд, и морей.

Уплывёт, улетит
К горизонту заветной мечты,
Где острее аппетит
После тысячи лет маеты;

Где согреют слова
Просто так, без особых причин,
Где легка голова
На порыв, на полёт, на почин;

Где гудят поезда,
И рокочит турбины ракет:
«Где упала звезда,
Там когда-нибудь ляжет поэт».

***

К харчевне «Три звезды» проспект...
Скрипят незримые мажары,
румянятся в Печи Стожары...
Ночь знает магии рецепт! –
Просеять звёздную муку,
соль, сахар, специи – по вкусу,
подсыпать грусти для искуса
и протомить в своём соку...
Чтоб аппетитно для души,
ландрином звёзд, Луны краюхой,
пирог украсит ночь-стряпуха,
медвежьи поднесёт ковши
с вином вселенским и почти
любого усладит гурмана.
Останется, в плену дурмана,
сдуть пенку с Млечного Пути.

САБЛИ

Себя и мысли прячу под зонтом,
под барабанной дробью
                                майских капель,
и замечаю в ливне золотом
лихое серебро казацких сабель.

Секут,
секут,
секут который век...
А где-то огонёк горит в печурке,
и рядом греет руки человек,
и шестеро котят прилипли к Мурке;

щекочет душу чайный аромат,
приветлив стол вареньем и блинами,
но... за окном стеной стоит у врат
извечный дождь,
придуманный не нами.

Секут осатанело пустоту
и... высекают искры струи-сабли!
И превращают капли в кислоту.
И где-то за дождями стонут грабли...

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

На забинтованные клёны,
на гипс нахохлившихся лип
ложится вечер удивлённый.
Мо мгле вечерней лёгкий сип
и кашель. Старый город болен,
простужена его душа.
Но... виден с бледных колоколен
нимб у головки малыша,
входящего в покой приёмный
в две тысячи который раз...
И вдруг на город этот тёмный
с межгалактических террас
лавиной сходят ароматы
соломы, воска, резеды
и тают давние утраты
с восходом святочной звезды.

Летит в колядное лукошко
Луны лилово-медный грош,
на замороженных окошках
мгновенно дозревает рожь.
И грех – колосья стылых окон
в муку поэту не смолоть –
когда за гранью видит око
и слово переходит в плоть...

***

Тихая вечность моя
в тоге своей золотистой –
край абрикосовых зорь
и терракотовых глин...
Жёлтой тропинкой маня,
явью цикадно-зернистой,
гладью медовых озёр
в сердце арбузных долин,
Мекка густой пустоты,
звонкой тиши Эльдорадо,
рощ камышовых клондайк –
степь, до пылинки своя.
Солнечный ветер и ты –
компас, надежда, отрада,
сладко зовущая даль –
тихая вечность моя.

ОЛЕГ ДУХОВНЫЙ Николаев

***

И эта река, и берег кудрявый, и мыс –
всё, что есть и было тысячи лет назад, –
сообщает очень простую мысль:
что пейзажу нужны глаза.
Ибо тот, кто взирает на мир с высоты,
видит и наблюдающего, который есть ты.
И даже если забыть, что ты рядом,
отвернуться или уйти,
пейзаж требует взгляда
влюблённого – как ни крути!

СЕРДЦЕ

Как сказано у апостола Павла,
любовь не требует своего.
Не удерживай, то что с небес упало,
пусть желанной останется синевой.

Не держи, отпусти её с лёгким сердцем,
пожелай ей счастья, смахнув слезу.
Любовь и ненависть – по соседству
обитают в сердце, аки в лесу.

Пусть будет кем-то другим любима,
как тобой, ведь прекрасно сказал поэт –
убеждаю себя, но всё мимо, мимо...
Головой принимаю – а сердцем нет.

ПАЦАН

«Это сын моего отца, но мне не брат» –
бормочу сам себе, глядя на старую фотку.
Этот пацан не знает ещё утрат
и не пробовал ни коньяка, ни водку.
Впереди только день, огромный, длиною в жизнь,
проведи по стволу ножичком резко – вжик! –
и проступит млеко, жизни горчайший сок.
К вечеру тени ложатся наискосок
и лижут ноги, как дворовые псы,
и засыпая, шёпот услышишь: «Спи!».

ВИСКАРЬ

Когда ехал на север – то в Киев,
а если на юг – то в Одессу,
он на жизнь смотрел, словно киллер,
сквозь прицел «Мерседеса»,
который купил в Германии
на триста залётных марок
в годы, когда была мания
на кладбище иномарок,
в те лихие, без берегов и рамок.
Нынче совсем другие сюжеты,
в шоколаде – кто присосался к бюджету.
Он сидит, вспоминает, как было встарь,
златые цепи, малиновый свой пиджак,
попивая болгарский, дешёвый вискарь,
душу царапающий, как наждак.

ПРИЗРАК ОПЕРЫ

Во всю диафрагму поют шкафы,
это признак оперы или призрака,
платки паваротти почти шарфы,
кордебалье капризна.

Фрак обращает свои мольбы
к небу, к залу, где море глаз,
футляры для голоса, как столбы
верстовые, что месят грязь
хлопков. Рукоплещет зал
«Трудовые резервы», а ныне храм,
аплодисменты во все глаза
заглушают криками чей-то храп.
А потом на бис ещё рты открыли,
аки варежки, шире держи карман,
у любви опять отрастают крылья,
уверяет зарезанная Кармен.

***

Чёрный квадрат в 3D – это просто куб,
а поцелуй – всего лишь магнит из губ.
Не усложняй картину мира, а упрощай,
чтоб, уходя, было проще сказать «прощай».
Хлеб и вино, слёзы, вода и твердь,
мужчина и женщина, дети, любовь и смерть –
первоосновы, атомы, точки опоры.
Ну и, конечно, «Цой жив», как написано на заборе.

ЗЛАТОУСТ

Телец упитан, и никто не уйдёт голодным,
возвеселится и насладится всяк,
Христос не скупится, сияют свечей колонны,
и свет ещё не иссяк.

И последнему хватит, равно как и первому,
и беспечному хватит, и тому, кто всерьёз
внимает этим пасхальным перлам,
своих не скрывая слёз.

И ангел девчонкой кружит на роликах,
благоухает сирени неопалимый куст,
и непонятно, всерьёз говорит или троллит
немеркнувший Златоуст.

ВИТРАЖИ

Дорога горная, крутые виражи,
мелькнуло море,
сияет лес, как витражи
в соборе,
летят деревья, мотыльки
за нами следом,
крылами машут ветряки,
прощаясь с летом.
Уехать! Слов не проронить,
не сделать селфи,
чтоб лето в памяти хранить,
как будто в сейфе!

АЛЕКСАНДР ЩЕДРИНСКИЙ

Одесса

***

прошу, посторонись, мой зрелый век.
замедлись, обожди, позволь взбежать мне
опять вдоль лестниц к той, кого обрѣк
всю ночь одной бродить в прозрачном платье.
позволь всё вычесть, что пошло не так, –
обида, боль, больницы и вокзалы.
все крики в адрес мой, что я дурак,
и все мои ответы зубоскала.
прошу, постой. позволь припомнить мне
её глаза, что прячутся в проспектах,
а сердце, что придавлено к стене,
болтается в груди, как голубь в клетке.
позволь мне всё забыть, переписать,
что так бездарно в трезвости слагалось.
ведь в молодости нам не угасать
и не писать – а только жить. и мало
должно быть жизни, сколь ни проживи.
любой глоток и запах – как последний.
любовь – навеки, дружба – на крови
в декабрьскую ночь и в полдень летний.
напомни, зрелость, сколько я иду
туда, куда давно уже не надо.
иду себе на горе и беду,
иду оттуда, где ушедшим рады.
остановиться бы, прилечь на снег,
на том снегу всю раскинуть руки,
чтоб кто-нибудь сказал: «вот человек.
должно быть, его кто-нибудь полюбит».
но нет. иду. из-под подошвы грязь
забрызгивает лет минувших святость.
и ни одна космическая связь
нам не поможет скорбь земную спрятать.

вопрос цены, заплаченной за смех, –
пожалуй, вид одной посмертной маски.
когда себя ты выделил из тех,
кто смог взойти, а ты – засох средь пасхи.
прости, о, зрелость, что никак принять
не в силах я приход твой неизбежный.
я думал, всех ты схватишь, но меня –
не сможешь. пожалеешь, словно пешку,
что никогда не выбьется в ферзи.
гляди в меня, остывшее, бывшее
и на своём холсте изобрази
всё то, что время сделало со мною.

***

На смерть Иосифа Бродского
28 января 1996 года

и был январь. такой же, как теперь.
должно быть, снег пустынно хороводил,
и он не закрывал входную дверь,
поскольку закрываться там не в моде.
горел нью-йорк, но он припомнил дом
другой, где между комнат полторушка
дана ему, а рядом, за прудом,
в свинцовом небе – звёзды, как игрушки,
рождественских ушедших вечеров.
сегодня он курил и думал много:
о том, что раньше больше был здоров,
о том, что не сумел поверить в бога,
хотя ему припишут вдалеке
едва ли не поповское сознание.
пока что он держал в своей руке
стихи без эпилога и названия.
ходил по кабинету и смотрел
в окно – а там – и люди, и машины.
«должно быть, я чертовски постарел», –

подумал, увидав у магазина
влюблённых янки. впрочем, если в чём
различья нет в империях великих,
то в их влюблённых – в коих за плечом
она стоит, листая книги.
он лишь успел немного пожалеть,
что говорил, что хочет в сан-микеле
пристанище снискать на сотню лет,
а не вблизи от собственной постели.
единственное, что не вспоминал, –
марину, ведь она сошлась с каким-то,
а он давно успешно променял
марину на марию, словно пинту
бездарнейшего пойла на коньяк.
так что грустить в том не было причины,
хоть он влюблён был раньше, как маньяк, –
но это – признак сильного мужчины.
теперь же он ходил и думал, что
все январь похожи друг на друга:
«неинтересно жить. пустой листок
опять я буду мучить полдосуга.
и что с того? ну сколько мне ещё
писать стихов – великих и похожих?
должно быть бог (нет, чёрт) представит счёт
за то, что с человеком сбыться может».
и только он припомнил о самом,
то пошатнулся, грудь сдавил рукою,
и выдавил: «ну что ж, любимый дом,
пожалуй, до свиданья. я – к покою...».
ещё два шага выстрадал к окну,
чтоб отворить, но – тщетно дотянуться.
кому поставишь это всё в вину,
коль при смерти движенья не даются?
и он упал – как, вправду, сын с креста,
как ангел с неба, как звезда с орбиты,
сгорая, но внимая: «высота –
то место, где я был, хоть я подбитый

отныне. но я многое прошёл».
и проплыли перед глазами дали:
отец и мать, друзья, больничный шок,
и пару лет, что в ссылке ему дали.
рассеялось пространство из оград
меж тем, где бог, и тем, что в самом деле.
и плыл он в свой любимый ленинград,
хоть знал, что пункт конечный – сан-микеле.

***

и это всё когда-нибудь пройдёт,
мы вырастем, как дети зазеркалья,
лишь посмеёмся, как какой-то год
в двухтысячных нам приносил страданья.
как плыл апрель, и речка заодно
плыла от «эпицентра» до кино.

ты выйдешь на свиданье. не юна,
но так же хороша. пальто, сапожки,
в кульке – бутылка старого вина
с каким-то крымским замком на обложке.
и выйдет он, усат, уверен, прям,
с тобой пойдя, как не случилось нам.

семья другое – это вход в дома,
где затхло, пахнет жареным и сладким.
и чтобы не сойти совсем с ума,
выходишь на балкон курить с оглядкой
на курящего слесаря петра,
что выдаёт приветы из нутра.

семья другое – смех во рту с борщом,
смешные свитера, носки с рисунком.
и спор на кухне с грамотным врачом,
был кох врагом иль просто недоумком.
в конце концов, семьёй идёшь туда,
что презирал в минувшие года.

а что же я, коль спросишь, вспомнишь вдруг?
а я, пожалуй, выйду так, как раньше.
вкруг дома наверну широкий крюк,
поправлю ворот, насвищу без фальши.
и подожду свою мадемуазель,
с которой, чем гулять, милей в постель.

но всё-таки пойдём. куда-то в парк,
ведь денег у поэта – кот наплакал.
кот будет «мяу», ворона будет «карк»,
чтобы, придя, я что-то накалякал
в своём листе, не нужном никому,
как только поколенью и Ему.

а гости что? я буду этот быт
активно презирать, считать банальным,
ну и она, конечно, так и быть,
со мною согласится, чтобы в спальне
своим согласием дольше продержатъ
меня, пока не сломится кровать.

так вот, мы прогуляемся, но тут,
с той стороны, с которой только время
былое переходит; где не ждут
ни капли от смешного настроенья...
навстречу с этим будешь ты идти,
и не успею я свернуть с пути.

в упор, глаза в глаза, «привет в привет»
молчание моё в твоё упрётся.
и проплывут меж нами сотни лет,
и сменятся сезоны, это солнце
за два мгновенья бабочкой сгорит,
что притянулась в пламя, как магнит.

и застучит внутри предатель мой,
которого я усыплял так долго.
и всё пойдёт к чертям: скользну ногой,
губою дёрну, кашляну негромко.
хоть, впрочем, ты не лучше будешь. ты
раскинешься, как в питере мосты.

не будешь знать, куда девать глаза
и задрожешь, как будто минус сорок,
и спутник твой, тебя державший за
ладонь, вдруг перестанет быть опорой.
и по щеке покатится она,
что нам двоим и будет лишь видна.

а после – шаг за шаг, и мы уже
схожденья точку перешли на метр.
и дальше, словно души в неглиже,
бежим долой, скрывая все приметы,
в свои разнолежащие дворы,
как будто в посторонние миры.

РЕВЕККА

как исааку, мне дадена только ревека.
вот, се жена твоя до окончания века.
пей и порхай, пой залиvisto, как канарейка.
только женись не на ком-нибудь, а на еврейке.
нет, ты не сможешь девчонку из третьей парадной
больше наречь хоть однажды своей ненаглядной.
и не вернёшься, ползя к своим прошлым любимым, –
да, за всем этим следят над тобой херувимы.

честно ли это – что мне назначают влюблённость?
скажем – жену. что теперь лишь одна разобщённость
с родиной, где я встречал самых радостных женщин,
предполагая, что с кем-нибудь буду повенчан.

нет – говорят – обрезание, хава нагила –
и чтобы дочь авраама к тебе угодила
в мощные руки, чтоб нёс ты до брачного ложа –
ну а там папа-егова, конечно, поможет.

вправду ли ты, мой отец, эту женщину даришь,
или же я – как овца в бестолковой отаре?
вправду ли образ твой в этом законе прочерчен,
или же это политика – равная смерти?
вправду подаст ли ревекка водицы напиться –
чтобы я понял: она! и что должен жениться.
чтобы сомнения ноль: иудеево чадо!
и ничего, никого мне, помимо, не надо.

здравствуй же, жено! из памяти новозаветной
ты уведёшь меня ныне в шатёр предрассветный.
станешь рабою на ложе, царицей – средь дома.
будешь впускать или нет сюда новых знакомых.
станешь единою плотью со мною, опорой,
чтобы родили с тобой мы давидку, девору.
чтоб я встречал это солнце с начала, с востока –
в коем бы чувствовал: вправду, всё это – от бога.

Детская

ВИТАЛИЙ МОЛЧАНОВ
Оренбург

ОСТРОВ НА ЛАДОНИ

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ ФРАНСУА

– Месье, я смеялся во время диктанта
Совсем не нарочно – шепнула мне парта,
Что прежде была корабельной сосной.
Но с детства страдала морскою болезнью,
Поэтому плотник Анри из предместья
Поехал на верфь с древесиной другой.
Бедняжке обидно, она проскрипела,
Что дух флибустьера таит её тело.
Зовут океаны: «Покинь материк,
Подальше от класса, от школы, Парижа,
И там, где волна тебе щёки оближет,
Зовись гордо шхуной «Акулий плавник!».
Месье, Вы поверьте, смеялся сквозь слёзы.
В минувшую среду – почище курьёзы.
По нашему парку в обнимку брели
Два карпа в плащах и вишнёвых беретах,
В киоск направлялись, купить там газеты,
Да видно в бистро перебрали шабли.
А пони, который в конюшне фламандцев
Работает частным учителем танцев,

На праздник воскресный устроил канкан:
Подковы на мощных ногах першеронов
Дробили брусчатку, взлетали попоны...
И – сел на свою же фуражку ажан.
... Иллюзии детства живут вместе с нами:
Из капли дождя вдруг родится цунами,
От мелкой обиды случится война.
Пусть взрослым нелепое кажется грустным,
Фантазия пропуском станет в искусство:
– Месье, Вы не будьте строги с Франсуа...

МЕЧТА ПИРАТА

Мне продал амулет бродяга на удачу.
Пружина, как боксёр, вскочу на шаткий борт.
«Отдать швартовы!» – в ночь. Пою, как бью, и... плачу
В компании родных, матросских ражих морд.
Солёный суп хлебну – сглотну морские мили,
В луну втыкает нос мой «Одинокый Лис».
К фрегату понесут лебяжьи ветра крылья
Подружки удалой – пиратки рыжей Лиз.
Пальну из облаков над мачтами картечью:
– Затрепетала, Лиз? Забыла, что моя!
А бризы океан предчувствием очертят
В плавучее гнездо, где палуба – земля.
Едины мы с тобой, борта стянули крючья,
Трепещут в парусах корсет и паричок.
Поверила в любовь... Слепой фортуны случай
Коснулся дланью нас – родится морячок.
Ведёт в пучину слёз пиратская дорога,
Ввергает ярость-шквал в горячечный азарт.
Плывите же к любви, швартуйтесь, места много.
Постройте гавань чувств у городка вне карт.
Посудина сполна насытилась туманом:
Утяжелился трюм, замедлен ход руля.
Подлунная печаль, предсказывая драму,
Ложится на штурвал сквозь призму янтаря.

Костями на ветру бренчат на «Лисе» флаги.
Бурлящий ром в крови взметнёт волной кураж.
Недаром амулет купил я у бродяги.
Испанский галеон?... Иду на абордаж!

САНТА-АННА

Море – суп в тарелке рыбака.
Сети туго конопатит тина.
К пирсу, чуть левее маяка,
Словно лебедь, чалит бригантина.

Белая до слепоты в глазах.
Чистая, как юбка у мадонны.
«Санта-Анна» – бронзой на бортах,
Флаг играет золотом короны.

С пушечным раскатом облака
Пали на простреленные волны.
И в манжете кружевном рука
Фейерверком бросила дублоны.

Пьяницы из местных кабаков,
Воры с мёртвой миной игуаны,
Нищие... Сквозь частокол штыков
Лик спешат узреть испанской дамы.

Анна, дочка вице-короля –
Солнце меркнет... Шорох кринолина.
Новая ацтекская заря,
Девушка, а также – бригантина.

Гул толпы прорезал рынды звон,
Вторит колоколья на церквушке.
Вышел падре – старый дон Рамон,
К пирсу в предвкушении пирушки.

ДРАККАР

Скачем мы дорогой тёмных волн
На коне морского короля.
Из дубов столетних скроен он,
И смолой пропитан до руля.
Серый парус – окончанье туч,
На носу – ощеренный дракон,
Кормчий Олав, словно вепрь, могуч.
Рядом скальд Эгиль Скаллаgrimсон.
Воду режет меч морей драккар –
Кровью заливает берега.
Трепещите все: и млад, и стар.
Беспощадна Эгиля рука.
Изгнан буйный Скаллаgrimма сын.
От земель норвежских уходя,
Как берсеркер – асами храним;
А как скальд, он Одину дитя.
Ветер воет, парус зло грызёт.
Тучи первый выплюнули снег.
Славный Олав с викингими ждёт,
Чем сегодня кончится набег:
Многие ль останутся в живых,
Предсказанья сбудутся ли рун?..
Эгиль сочиняет новый стих,
И клокочет за кормой бурун.

МОРСКОЙ СОН

Гранитом науки наевшись сполна,
Я в сон погрузился – волшебную сказку..
...И вот океанская бьётся волна,
Целует борта в снежно-белую краску.
Я трубку курю и сжимаю штурвал.
Налево кручу – годы вспять полетели;
Направо – места, где ещё не бывал,
А сам я старик и хожу еле-еле.

Лихая команда несёт паруса,
На каждом читаю норвежскую руну –
Со «Светлой улыбкой» плыву в небеса,
С «Драконом» – войной на пиратскую шхуну.
Реальность скрывает иллюзии шлейф.
Ведомый мечтой по совету гадалки,
То топчет валы, то ложится он в дрейф –
Корабль, как ребёнок, играющий в салки,
Его превращения – одно за другим:
То сузит корму, то заменит оснастку.
Бойтся покоя «Ночной Херувим» –
Вечернего моря бесшумную ласку.
Дорогою волн, волей ветра дыша,
До крыши миров, по-над морем угрюмым
Летит, будто бьётся живая душа
В моём корабле нестареющем, юном!
Времён колесо я сжимаю сильнее,
Уверенной хватке гроза не помеха.
На подвиг, команда отважных людей,
В пучине пропасть или выпить успеха!
Пусть длится подольше мой сказочный сон.
Бушприт целю в солнце железной рукою.
На парусе снова ощерен дракон...
Я классу кричу: «Приготовиться к бою!».

МЕДУЗА

В море южном, где волна облита
Щедро апельсиновым лосьоном,
И у кромки пляжа пена взбита
Брадобреем берега муссоном,
Плавала роскошная медуза
В платье с голубым, как небо, шлейфом.
Рядом, извиваясь карапузно,
Плыл конёк и представлялся эльфом –

Королём солёного планктона,
Рыцарем кораллового грота,
«Я влюблён в тебя», – твердил резонно:
«Словно в Эсмеральду Квазимодо».
Говорила мудрая креветка
Распалённой водяной скотине:
«Ты б отчалил, дохлик с гривой редкой,
Разве ялик пара бригантине?»
– Эх, злодейка, злая недотрога,
В самом модном из нарядных платьиц, –
Так страдал коняшка от ожога
Под зловредный хохот каракатиц...
... Прежде чем к милашке прикоснуться,
Льды представь пролива Лаперуза,
Охлади свой пыл, не вышло б куце,
Как с коньком, познавшим яд медузы,
Чьи муссон искусно раны лечит –
Дует нежно, заглушая стоны,
И, волной облив больные плечи,
Щедро мажет солнечным лосьоном.

ОСТРОВИТАНИН

В кафе уборщик – островитянин,
Чуть выше стойки, всегда в бандане,
Плывёт в тумане, на вас не взглянет
С гарпуном-шваброй в худой руке.
Джек?.. Джимми?.. Рузвельт? – на всё согласен,
Усы кошачьи, сам тёмно-красен,
Как М-16 он безотказен.
Гамак повесил на чердаке.

Встречает утром каноэ солнца.
Оно ночует и в небо рвётся
У той земли, что родной зовётся,
Куда вернётся, как Крез богат –
Костюм и галстук, моторный катер...
Дорогу солнце, его приятель,
Укажет точно: лежит фарватер
Отсюда – прямо, и на закат.

Он стерпит всё за зелёный доллар,
И может в сумерках взять за горло.
Что брань, тычки от людей-атоллов?
Привычен с детства их огибать.
А после – в путь, накопив червонцев,
Дорогой пенной по брызгам солнца,
Туда, где солнечно пляж смеётся,
Где вкусно лобстеров варит мать...

...Простите глупые эти бредни,
Я дал двадцатку ему намедни
За то, чтоб нынче, подслушав сплетни,
Мне слово в слово их повторил.
Шериф я здесь, он мой хвост собачий,
В душе его крокодилы плачут,
Что стрёмно нам, для него иначе.
Скорей бы, что ли, домой свалил...
Хотите правду – он не уедет
На свой таинственный остров в лете.
Найдёт красотку из местных леди,
Откроют маленький магазин.
На полках всё – даже мех вонючек
Средь толстых лобстеров-закорючек.
Дорога к солнцу – в нашлёпках тучек.
Мать скажет: «Демоном съеден сын».

Галерея

ЮЛИЯ МЕЛЬНИК
Одесса

***

Каждый день это солнце не хочется отпускать,
Как алеет вдали раскаленный огромный бубен...
В этот кажется миг, что уже ничего не будет,
Что меня обманули беспечные облака.

Я пытаюсь продлить этот миг, удержать в руке
Ускользящий луч, и, конечно, его теряю.
Я боюсь темноты, я ей тайны не доверяю,
Моё сердце – тропа, неисхоженная никем.

Выключателем щелкаю, с полкой сверяюсь книг,
Выбираю одну, и плыву по её теченью,
Чтобы ночь пережить, как ещё одно приключение,
И приникнуть к рассвету, похожему на родник.

***

Вода превращается – в облако пара,
Огонь превращается – в облако дыма...
И тучи проходят овечьей отарой
По сизой траве, по тропинке незримой.

Ветла шелестит золотыми губами
Сивиллы простую, дрожащую ноту,
И я б повторила – да машет руками:
«Послушай, послушай...» – невидимый кто-то.

И я застываю иглой на пластинке,
На самой макушке росистого луга,
И слышу мерцания, всхлипы, запинки,
И к небу, сквозь них, прорастание звука.

***

Встречный пес нас увидит, как в старом кино:
Чёрно-белые лица плывут сквозь туман...
Ему собственный цвет разгадать не дано,
Ярко-рыжие пятна, привычные нам.

Кто-то в сердце плеснул семь ярчайших цветов,
Позабыв объяснить, что в оттенках – вся суть,
И по следу стремительных чёрных зрачков
Я пытаюсь в забытую тайну шагнуть...

Пёс увидит нас чёткими, полутона
Чуткий нюх не обманут, небросок и прост,
Он оставит разливы неточностей нам –
Свои рыжие пятна, как промельки звёзд

В летнем небе, а мы просто мимо пройдем
В чёрно-белом кино незнакомого пса –
Две фигуры под этим осенним дождём
То ли в сумрак квартир, то ли впрямь в небеса.

***

Не нагадай мне грусть, сутулая цыганка,
А нагадаешь – что ж – возьму её с собой...
В твоих глазах – черно, в твоих ладонях палка,
И лишь на дне зрачков – есть проблеск голубой.

Как чётки – бус огонь, платок – цветаст и ярок,
Дай мимо проскользнуть и ничего не знать...
А вдруг я и сама – из суетных цыганок?
Недаром пыль дорог – мне свет и благодать.

Как видно, нам с тобой – не усидеть на месте,
Но дай ладонь прикрыть и душу уберечь.
Пустая страсть пройдёт, лишь музыка воскреснет
Из праха темноты, в рассветном серебре.

***

*Бабушке
Евдокии Андреевне Мельник*

Пахнет розой чайною из детства...
В средоточье, а не по соседству
И не на окраине меня –
Кто-то тихий травы собирает,
И смеётся, и не умирает,
И заварит чай к исходу дня.

Нет затёртых истин – всё впервые...
Мы с тобою до краев живые,
Вечера налиты молоком,
И над переменчивостью моды
Тайная улыбка непогоды
Вдруг покажется твоим платком.

***

Синева, оброненная в крики галок,
Распахнётся над гулким товарняком,
Как окно – и увидишь, хоть день неярк,
В небе крылья – помарки черновиков.

В них одни междометья – но как же метки
Эти возгласы, вскрики – не в бровь, а в глаз...
Из растрепанных гнёзд выпадают ветки –
Словно что-то случается в первый раз.

Словно заново пишется день Творенья
Желторото и зябко, свистя, дрожа,
И на нас с высоты опадают перья,
Безымянную музыку сторожа.

***

Спать в поезде под покрывалом лета
Под разговор стремительных колес...
Как песенка свирели без сюжета –
Мелькнувший в окнах деревянный мост.

Сосняк летучий, пёстрый полустанок,
Вдруг вспыхнувшая сизая вода...
И, словно остров, миг необитаем,
Лишь в сердце гул да неба пустота.

И чемоданы, пыльные как память,
Весь хлам тревог без счёта и без дна –
Так страстно вдруг захочется оставить
На убегающей тропинке сна.

***

Какая сухая земля – между домом и небом,
Как хочется пить – будто всё мироздание – нёбо.
Как мало дождя и как много случайных обличий...
Я это узнала, к земле прижимаясь по-птичьи.

Хрустит под ногами жара – и песком, и словами.
К друг другу притиснулись мысли – как люди в трамвае.
И всё же – наохлились сумерки, полнясь стихами
И кажется – лёгкие капли по сердцу стекают.

***

Как грань тонка меж счастьем и бедою,
Забывшись на пороге темноты,
Достаточно цветок полить водою,
И кажется, что оживаешь ты.

Что это ты пьёшь жадно, молчаливо –
Глоток, глоток, ещё один глоток...
Как мало надо, чтобы стать счастливой,
Как солнца луч, как птица, как цветок.

***

Я спряталась в доме – от лета, от зноя, от слов...
Я слышу наивную музыку детских шагов,
И то, как трава промокает под летним дождём,
И слухи об этом легко проникают в мой дом.

Я слышу, как дерево прячет морщины в тени,
Я слышу, как что-то сосед за стеной обронил –
То старую чашку, то пыльный словарь, то слезу...
Я спряталась в доме, как рыжая белка в лесу,

В дупле одиноком, где шорох листвы про запас,
Грибы и орехи, и солнца единственный глаз
За мною следит, суеверно и верно храня...
Я спряталась в доме. А кто-то – всё ищет меня.

***

Ричарду Чемберлену

Окунусь, позабыв обо всём, в мелодрамы и сплин,
И красивый герой, как цунами, захватит меня...
Это ж надо – такую дурёхой дожить до седин,
Пить мираж безответный, привычные будни баня...

Но опять, как всегда, в австралийский пейзаж не впишусь,
Выйду неба глотнуть, но накатят печаль и попса...
Всё мне кажется, лорд, я за Ваши ладони держусь,
Всё мне кажется, лорд, это я закрываю глаза,

А не женщина в алом... Но в сумерках – блекнет экран,
И пустынная комната кружится передо мной,
И я дую, спеша, на порезы придуманных ран,
И помочь не умеет прекрасный, счастливый герой.

***

Нас не вылечит скорость... Скорее молчанье травы
Нам помогут – воды бормотанье и веток терпенье...
С панибратского «ты» перейдя на учтивое «Вы»
Бородатое облако небо приводит в движение.

И так хочется этому таинству не вопреки
Быть, с ним вровень – молчать,
на одном языке – объясняться...
Это облако многим из нас не подаст и руки,
Если встретит случайно
в одном из кварталов пространства.

Просто мимо пройдёт неулыбчивым, грузным дождём,
Затеряется в солнца вечернего медной калитке...
Нас не вылечит скорость. Ступив за небес окоём
Краем взгляда – захочется быть непроторней улитки.

ТАМИЛА СИНЕЕВА
Киев

ВЕСЕННЯЯ МЕЛАНХОЛИЯ

Так меркнут мечты,
не сбываясь всё чаще и чаще.
Так в марте под землю уходит
израненный серый снег.
Так шарик воздушный,
всё выше и выше летящий,
становится точкой на небе.
Потом и её уже нет...

Так память моя
барахлит, так ночами не спится,
и прошлая жизнь – настоящей –
так больно сдавила плечо.
Размыты, как будто в тумане,
события, лица –
я силюсь их вспомнить, а в мыслях
то «холодно», то «горячо».

И, словно стекляшки
в детском калейдоскопе,
сменяются быстро обрывки
иллюзий, фраз, декаблей...
Но, всё-таки, – ночь. И весна.
Я иду по асфальтовым строкам.
А рядом шагают
длинные тени повес фонарей...

У ГОРОДА НА ПЛЕЧАХ

Город кишит машинами, ярмарками,
Фикциями, обманками.
Город старается не свихнуться
В его же хаосе,
Вывернуться наизнанку.

Город несёт меня в центр,
Я несу в руках облако
Сладкой ваты.
Хочется крикнуть: «Не виноватая я!»
Не ви-но-ва-та,
Что хорошо мне у города
На широких надёжных
Его плечах,
Что не вижу грязи и мусора,
В которых мой город
Так долго чах,
Что вот-вот взорвётся весна
Листьями на сирени
И цветением абрикосов,
А у меня недосып
И так много
К прошедшей зиме
Вопросов.

СНЫ ГОРОДОВ

Города с приходом ночи
закрывают глазки-окна,
отпускают сны
на волю погулять.
Все дома укрыты небом,
будто чёрно-синим пледом,
шар земной для них –
огромная кровать.

Меж домами сны летают,
колыбельную Вселенной
на своих играют скрипках
городам.
И на ангелов похожи
сны, а может, на прохожих,
пролетающих легко
то сям, то там.

Вот стараются присниться
сны Парижа старой Ницце,
а красотке Барселоне –
сны Афин.
Снятся Киеву каштаны,
Питеру – дворцы, фонтаны,
Самарканду снится
хитрый Насреддин.

Только утром, потихоньку,
сны куда-то исчезают.
Просыпаются, зевая,
города.
Вот спешит один прохожий.
Под рубахой сзади – крылья.
А в его футляре чёрном...
скрипка? Да!

БАБА ПОЛЯ

Баба Поля. Руки загрубевшие
теребят косынки уголок...
Старый дом. По штукатурке – трещины.
И давно не белен потолок.

Красная герань на подоконнике.
У печи – железная кровать.
На комодe – беленькие слоники.
Их забавно перед сном считать.

И она считала. В детстве. Помнилось:
мамин смех, отца суровый взгляд,
солнечные дни, а следом – облачность
и дождей весёлый каплепад.

Выбегала Поленька на улицу,
оставалась с ливнем визави.
И от счастья ей хотелось жмуриться
и с дождем шептаться о любви...

...Баба Поля потихоньку топчется –
есть хозяйство, сад и огород.
На судьбу не ропщет. Одиночеству
только ночь да вечер отдаёт.

Ей, бывает, дождь напомнит прошлое,
и она, поймав условный код,
из шкатулки, с письмами от Лёшеньки,
вынет похоронку и вздохнёт...

СЕНТЯБРЁВОЕ

На расстоянии вытянутой руки – дыхание сентября,
Тёплого, как в июле мелкая галька на пляже.
Небо цвета индиго разбавлено молоком. Пестрят
Вывески магазинов, салонов, рекламы о распродаже.

Будто поломанная арба – в пробке ползёт автобус.
Так надоело считать медленные километры.
Хочется думать, что врёт старый потёртый глобус,
И от меня до тебя – осень в промокнувшем ретро.

Вот она, улыбается, только ладонь протяни –
Тронь паутинки на листьях рыжего клёна.
Ты позвонишь мне из прошлого в эти сентябрьские дни.
Я отвечу, смеясь: Алло? Осень у телефона.

СТЕРХ

Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря...
И. Бродский

Пересиливая себя, несмотря на солнечный август-сентябрь,
я тебя отпускаю, лети, словно грустный белый журавль.
Догоняй своих, видишь, в небе тревожно мечется клин?
Ты же знаешь, там нужен ты, только ты один.

В каждой стае свои вожаки, законы и свой устав.
Взмах крыла, и ещё сотни раз – не стони, что устал.
Ты поймёшь – это выше всех сил – лететь и лететь,
это битва с самим собой, где победа – жизнь или смерть.

Я тебя отпускаю, любимый, мне птицей не стать уже.
Буду в небо глядеть сквозь стёкла космических витражей,
сквозь полосы бесцветных дождей – пока не увижу тебя.
Ты ведь вернёшься, мой стерх, надцатого мартабря?..

СНЕГО-ДОЖДЬ

Мой город стойко переносит непогоду.
Я вместе с ним. А с неба – снего-дождь,
испытывает нас. Пришёл – и не уходит.
Вода – везде, и кажется – плывёшь

тяжёлой рыбиной, селёдкой в теплой шубе,
и думаешь, что жизнь прошла не так.
Ты с каждым первым декабрём уныло шутишь.
И новый год встречаешь, как дурак,

надеясь во хмелю на призрачное счастье...
...Вот по дорожке семенит старик
в пальтишке ветхом, и глаза его слезятся,
а он в ненастье, будто гордый бриг,

идёт, хоть медленно, но не сутулясь, прямо.
В руках пакет, в нём хлеб, крупа, кефир.
Да, он живёт. Назло. Светло. Упрямо.
Приняв как данность весь жестокий мир.

В груди моей всё замирает: «Папа, папа...
Ты так же шёл к секунде роковой.
Ты в жизни не любил шарфов, бинтов и слабых.
Я помню голос, твёрдый голос твой».

И я не верю, что людей не красят годы.
Хоть старости не хочешь и не ждешь.
Мой город стойко переносит непогоду.
Я вместе с ним. А с неба – снего-дождь...

ХЛАМ

Суббота. Я перебираю хлам,
что прячется по полкам и углам,
припорошённый временем и пылью.
Вот старый, бабушкин ещё, светильник –
при нём мы с ней читали про зверей,
про колдунов и трёх богатырей...
А вот собака рыжая из плюша –
оторван хвостик и потёрты уши –
мы спали с ней в обнимку по ночам
всё детство. А сейчас собака – хлам.
Учебники, тетради – всё на выброс!
И прошлое туда же! Чтоб не снилось.
Чтоб не щемило слово «никогда»
и чтоб не слышать, даже иногда,
как голосит из мусорного бака
игрушечная рыжая собака.

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ МУСОРГСКОМУ И СОНЕ

GNOMUS

Выставка, вероятно, экстремальное проявление внутреннего музея. Нервный срыв. Если бы в доме Муз царили согласие и достаток, какие выставки?

Хотелось бы и собственный срыв прикрыть прогулкой: газировка, чипсы, орешки, а потом эффектно свернуть щелкунчика. И даже если щелкунчик-Принц в сознании Муз одолел щелкунчика-Гнома, пусть смеётся последний.

Вот и сказала дурная привычка
свистеть.
Всё, что могли, притянули священной свирелью.
Холод собачий
и дробь оловянных костей,
ветхое право дрожать в однобортной шинели.

Враг разбухает
на панских запасах дрожжей,
таинство плоти божественно,
хоть уязвимо.
Выгнуть суставы в объятиях феи Драже –
акт на пределе бессмертия
и пантомимы.
Олово, кто бы поверил, бывает ранимо,
не отличаясь искусно изъятим ребром,
гибкой повадкой
мыслителя и человека:
вышел на воздух
и в бочке сидит с фонарём,
или очнулся и бродит,
вишневый эль греко.

Или запрыгнул на головы и ни гу-гу,
будто всю жизнь сапогами на чьём-нибудь теле.
Пусть позвоночные головы
гнутся в дугу.
Если б не этот назойливый
запах свирели.

CASTELLO

В немецком замке, при всей строгости форм, содержание витиевато: он не только Schloss, но и Kastell. Зато английский замок еще и шлюз, какой-нибудь средненемецкий выверт от Schloss. Прогуливаясь, хочется говорить о пустяках, будто впереди вся жизнь и ещё несколько жизней позади.

Надо искусно выдуть в конце
про-щай.
Чтобы мундштук не дрогнул тянуть
про-щай.
Всё остальное выйдет само собой,
будто жалеяка водит,
а не гобой.
С губ ухватила воздуха невзначай,
к горлу приникла косточками:
прощай.

Эта стена впереди и стена опричь,
сказочный плющ,
хорошо темперированный кирпич.
Звонче травы,
растущей наперебой,
дальше, чем ров и сумеречный гобой

Т-СКИЙ САД

Между детским садом, детьми в саду и Лагерным садом, и любым другим садом надо выбирать детей. У жизни другого выбора нет. Блажен, кто помнит мелодию Tuileries... Я не помню.

Докуриваем холод и листва
летит на обгоревшие слова.
К утру смиренный запах листопада
займётся над запальчивой рекой.
И только ступа с дремлющей Ягой
учует человеческий воздух сада,
звериную сырую хрипотцу,
пчелиный свет,
скользнувший по лицу
из чуждого безоблачного юга.
Где души не сгорают на костре,
а бьются в минотавровой норе,
опутанные нитью –
друг о друга.
Когда бы чёрный сад увидеть мог,
в какое небо катится клубок,
над чьей водой белеет или сушей.
Чтоб терпкая сосновая игла
в просвет ветвей тянула, как могла,
хотя бы нить, связующую души.

BYDŁO

Кот на прощание обувь почистит щекой.
Сядешь в почтовый УАЗ
и приснится покой,
ржавая капсула времени, сплюнув на снег
или на гравий чихнув,
совершает пробег.
Прямо поедешь –
весна уведет за Покров.
Влево свернёшь –
четверых подберёшь челноков.

Грунт поплывёт и речной огребётся песок
пятым, ни мёртвым, ни склонным ожить,
колесом.

Бабушка, бабушка, стой,
погадай по руке,
что за свинцовой печатью в холщовом мешке.

Горсть карамельных сердец,
костяная нога,
если не помнишь имён,
посчитай по слогам.

Трижды свернувший направо
едва не святой.

Сено июльское пахнет его бородой,
трётся о шерсть васильковую
яблочный Спас.

Будто телёнок парной о заглохший УАЗ.

БАЛЕТ

*«Дождь и поезд», – говоришь, когда балет. Когда футбол,
говоришь горячо и долго. Найдётся такая игра, чтобы выска-
заться в двух словах? Если балетмейстер не подведёт, можем
выиграть.*

...всё равно футбол не футбол
валет не валет балет
всё равно читатели
правд и неправд газет
не читатели не
соглашусь писатели не продолжай
всё равно серпом
что посеешь неурожай

не по осени так и сени мои в стогу
так теряю тебя теряю и берегу
так калечу лечу
не тебя к тебе
сто лет

всё равно футбол не футбол
валет валидол
балет
ткни крылом покажи
который не лицедей
из яйца восстань аки греки
из орхидей
стань как лист травой
меж лебедем и жнецом
не родись не Ледой
ни голосом
ни лицом

SAMUEL GOLDENBERG UND SCHMUÏLE

Шмуyle, не знаю, кто оказался прав.
Пекло – не место
а вечный наш разговор.
Можешь молчать, молчи,
вот моя рука. Третья.
И золотой браслет,
именной узор.
Сколько в непаханный грунт утекло карат,
я предпочёл бы навеки остаться здесь.
Швы погребов в пасхальную ночь блестят –
где херувим, чтоб на это смотреть с небес?
Помнишь черту,
и в блаженном краю за ней
всё против нас, и римляне, и Прокруст.
Чтобы вплетаться в гущу своих корней,
я посадил у дома роскошный куст.
Куры под осень щиплют его,
плодясь
из скорлупы каких-нибудь фаберже.
Но до соцветий выбраться –
это зась, старый
босой ботаник моих ушей.

Золото отразится в твоих зрачках,
не замычу,
не то чтобы засвистеть.
С пеплом никто не выметет нас,
пока
шапка дотла не сгорит на моём кусте.

РЫНОК

Редко удаётся быть разным, а чтобы это скрыть, редко бываешь собой. Эти два обстоятельства были бы печальны, если бы жизнь была прекрасна. А на фоне этой жизни Равель, например, решил больше не прогуливаться, и кто заметил?

Крупнозернист орешник и дождь медов,
так макинтош до холода не накинешь.
Но долго ползёт трамвай от Суконных рядов,
только за смертью его посылать в Казимеж,
втуне склоняя место, сезон и век.
Жжёный шарманщик кожей впитает снег
много быстрее, чем месиво под ногами
станет брусчатой родиной не для всех
птиц перелётных,
сдавшихся с потрохами.
Каменный остов хищен как рыба кость,
житницу громких дел настучала трость.

Ручку вращая, делаешься добычей.
Суммой наречий где почему куда,
рёбрышком птичьим.

Что же, Катрин, опять западает соль,
хлебом единым пухнет ручная сила.
День проживём и скатимся по кривой
столь сизоносо,
будто и сизокрыло.

Если по нашу душу верховный тать
выйдет, играя тросточкой, от портного,
мы бы могли какую-то часть продать.
Чтобы сменить мелодию за целковый.

КАТАКОМБЫ

Напомни,
что любишь меня отечески,
что я для тебя дорогая тварь.
На беглом каком-нибудь,
старогреческом,
на стенах мерцающем как лихтарь.
На чём-то осипшем,
больном, царапнувшем,
с горючей сухой конъюнктивой глаз,
костлявом наречии черепашечьем,
улегшемся в детский
настольный пазл.
Прожги меня взглядом,
сверкни доспехами,
медузе рискни показать лицо.
Проехали Трою
и смерть проехали,
и рознь одолеем, в конце концов.
Подумай,
каким подкидным и хлипеньким
бывает избрание дурака,
когда аргументы моей филиппики
уйдут как мифическая река.

ИЗБУШКА

Давай останемся в реальности,
в эфире,
надвое расколотом.
Везде чума,
мой милый Августин,
и всюду шнапс дороже золота.
Давай зависнем
между дактилем
и верхним небом предобеденным.
Как перьевые птеродактили
и кучевые
гуси-лебеди.

.....

Или в лес, моё сердечко?
Там, где сруб с гудящей печкой
век скрипит, не умирая,
на куриных тощих сваях.
Чёрный кот в дверном проёме.
Гвоздь для гостя,
печки кроме.
За слюдой в оконной раме
частоколы с черепами.
Помнишь матушкину сказку?
Ночь темна.
Фольклор не ласков.

ВОРОТА

Между тем, в полях занялись стожары
и зима глумливо пробила полночь.
Как вертеть астробию
ты не помнишь,
и скопление рыб раздувает жабры,
исходя живительным духом тины.

Дал бы кто-нибудь ось вращения
или кто-нибудь паутину
провернул.
Но наши дела плачевны.

Будем плакать:
Днепро-Славутич,
понеси нас, смертных, до синя моря,
в греки или куда покруче,
где никто из богов не помер,
хоть десятки раз попадал на вертел.

Не смолкают
в грецких лесах зозули.
Что для слёз нужна
подоплёка смерти –
это нас, как водится, обманули.

МИЛА МАШИНОВА
Харьков

***

Когда душа попросит тишины,
Я нарифмую счастье, как мольфарка,
И дома, в пеньюарах кружевных,
Неспешно буду тапочками шаркать.

Утрами по традиции в постель
Мне станут приносить кубинский кофе
И сообщать, что «завтрак на плите» –
На персональной кухонной голгофе.

На выставках картин я научусь
Моне с Мане не путать непристойно,
В мохитовых глазах исчезнет грусть –
Закончатся с врагами распри, войны.

А вечерами – Верди, Шуберт, Бах,
Мерцанье антикварного камина
И привкус на рубиновых губах
От поцелуев верного мужчины.

Когда душа попросит тишины
(в чём очень сомневаюсь, что попросит),
Я как поэт умру. Под шерстяным
Роскошным пледом с книгой. Ровно в восемь.

***

Давай поговорим.
Хоть раз в декаду.
Я на двенадцать
заведу луну...
Пять вкусов огорчений –
то, что надо,
Чтоб в серых глаз
прозрачность
заглянуть.

Разбудим ночь,
шатёр её откинув,
И процарапав небо до...
дождя.
Что помнишь ты:
Стихи? Запястья? Спину?
Я помню всё,
что помнят,
уходя...

Сквозь губ порог
словами сыпать стану,
Переводя дыхание
в пунктир.
На Библии души
клянясь спонтанно,
Я расстегну
английский
кашемир

Пальто,
признав, что сердце –
лишь воронка
печали.
Чьей-то угнанной
мечты...
Любовь моя
толкается ребёнком
в утробе
бесконечной
пустоты.

***

Хотелось пить. Впервые так хотелось
Пить водку, самогон, дешёвый спирт...
И сердцу раздражённо буркнуть «спи!»,
Чтоб усыпить его осиротелость.

Хотелось выть. Не просто так. Впервые
Хотелось слёз, истерик и битья
Посуды, где посуда – не моя,
Где за утрату платят чаевые.

Хотелось звать. По имени, на помощь
Того, кто ни погубит, ни спасёт.
Хотелось эвтаназии и всё.
Но мир молчал и резал по живому...

***

Этот февраль-чекист
Чётко чеканит шаг,
Чёрен лицом, плечист,
Смотрит в глаза, да так...

Что увольняет из
Жизни в один момент.
Этот февраль-чекист
Взял меня ночью в плен.

Скотчем заклеил рот,
Остановил часы,
Бил у чужих ворот,
Как генеральский сын.

После чего, «лечись», –
Буркнул, швырнув бинты...
Знаешь, февраль-чекист
Лучше таких, как ты.

***

Я устала быть сильной: сильнее своих мужчин,
У которых нетвёрдые спины и шаткие плечи.
Я сама себе кованый меч и железный щит;
Государь, полководец и воин. Гордиться нечем!

Я устала баюкать галактики чьих-то душ,
А затем признавать, что мертвы – до единой! – планеты...
Принимать ежедневно печали контрастный душ,
Проникающий глубже подкорки и нервных клеток...

Я устала чернильное сердце спускать в утиль,
Хоронить пустоту, как в поэзии рифмы-глаголы,
И нести нерасплёсканной нежность свою в горсти.
Я устала быть сильной, но путь мой тернист и долог.

***

Он боится её и бежит, словно чёрт от ладана,
Унимая в груди свой сердечный глухой набат,
И за барною стойкой сидит, размышляя: «Надо ли?..
Я за эту минутную слабость буду распят! »

Он молчит о ней так, что седеет Господь от горести.
...Монолог его чувств превращается в бурный чат.
Только ей никогда не увидеть его напористым,
Даже если по венам напористость закачать.

Он ревнует её, хоть верёвку бери да вешайся,
Вспоминая её цианидовый поцелуй,
Что соскальзывал с губ невзначай роковой депешей,
А на вкус походил на клубничную пастилу.

Он теряет её безрассудно и феерически,
Но такие потери, гимнасту – двойной рондат.
Он не понял ещё, что она – персонаж трагический,
Что не знать поцелуев её – это сущий ад!

***

Я расшатаю эту бесконечность
Молчанья у каньона Пустоты,
Там ветер перемен не переменчив,
А солнца луч – как раскалённый штырь.

Там молодость стареет за неделю,
А смерть – ничто. Искусственная мгла.
Там правдой бьют наотмашь и не стелют
Под ноги ложь, как высшее из благ.

Там память – одержимый Чикатило,
Меняющий кровавые ножи,
От скуки, на взрывчатку из тротила.
Там нечем да и нечем дорожить.

Там, выдыхая небо на закате,
Я буду у самой себя в гостях –
Сидеть и ждать, когда глаза закатит
Гордыня, уронив победный стяг.

***

Ты читаешь меня.
безусловно.
конечно читаешь.
и молчаньем кричишь,
возмущаешься,
изредка – бьёшь.

но у нас есть традиция:
в полночь,
в неласковом мае
наблюдать за луной
и потягивать виски под дождь...

Город Ха-Ки в тот миг
улыбается и замирает,
констатируя: чёрный
/и список, и цвет/
нам к лицу.

...мы столкнулись в аду,
а сердца распанахали –
раем,
но читаем друг друга
пристрастней намоленных сур.

У очага

ЛЮДМИЛА ШАРГА
Одесса

ПУСТОЕ МЕСТО рассказ

Олег поднялся по узкой лестничке на чердак и оттуда крикнул:

– Кажется, мы нашли то, что так долго искали. Хороший дом.

– И от города недалеко, – согласилась Аня. – Можно после работы приезжать, не ждать выходных. А утром – на работу. Первым автобусом.

Дом и вправду был хороший. Старой постройки, добротный. Небольшой.

А им и ни к чему больше: кухонька с настоящей русской печью, комната с двумя окнами, выходящими на дорогу. Просторные сени, из которых лестница вела на чердак.

– Что там?

– Старьё всякое. И пучки трав повсюду. В паутине, в пыли. Уберём, конечно, потом.

– Конечно. Только, чур – без меня ничего не трогать, – откликнулась Аня, разглядывая пустую овальную рамочку на стене. – Оправа для лица. Фотографию не то забрали, не то она выцвела от времени. Рамочка старинная – деревянная. Работа одна чего стоит. А в ней... пустое место. Странно.

– Ну что, голубки, посмотрели?

Старушка, в тёмном платье до пят в мелкий цветочек и в такой же косынке, появилась как из-под земли.

– Всё посмотрели, и всё очень понравилось, – выглянул в чердачное оконце Олег.

– Тогда спускайтесь сюда – в садок. Он небольшой, пару яблонек

да вишен. За домом – с той стороны, где лес, черёмуха. Ну, а коли надумаете, сами посадите, что хотите. Чего душа пожелает.

– Сколько стоит дом, Анна Тимофеевна? Мы и задаток бы дали сейчас.

Олег достал портмоне, но старушка резко взмахнула рукой – крест-накрест.

– Дак... не продаётся он.

– Как не продаётся?

Аня и Олег переглянулись.

– Вы сказали, что есть дом. Что можно посмотреть. Что... Вот не зря я пустое место в овальной рамочке увидела. Зачем же мы ехали?

– Всё верно, – кивнула старушка. – Коли понравился – живите. Условие одно надо соблюсти – и дом ваш.

– Какое условие?

– Всё можно убирать, пыли и паутины собралось – это понятно. Рамочку овальную в горенке – не трогать. Раз в год – на Духов день – двенадцать трав в лесу сорвать, букет связать и у входа – над притолокой – подвесить. Как высохнет – на чердак снести.

– Что за глупости? – поморщился Олег. – Анна Тимофеевна, внятно объясните, пожалуйста. Документы на право собственности покажите, пожалуйста. Про травы, рамочки и духов не надо – пожалуйста. Я человек деловой, привык, чтобы во всём порядок был. И в бумагах тоже. Ну так как, назовёте цену?

– Не продаётся, – поджала бесцветные губы старушка. – Условие назвала. Бумаги, ежели надобно, могу показать.

– Сделайте одолжение, – холодно взглянул на неё Олег.

Старушка встала и легко – будто не касаясь земли – поплыла по траве, и так же легко взошла на крылечко.

– Цену набивает, – шепнул Олег Ане, но та словно не слышала его. – Что ты молчишь? Я один должен эту чокнутую уговаривать?

– Она не чокнутая, – Аня, не отрывая взгляд от ветки черёмухи, пыталась разглядеть что там, в лесу. Ей это место вдруг показалось не просто знакомым. Родным. Была какая-то связь между нею, странной хозяйкой дома и самим домом. – Я читала, что иногда так передают дома в глубинке. Чтобы сохранить. Не продают, а передают. И связано это...

Она не договорила – на крылечко вышла Анна Тимофеевна, держа в руках обычную пластиковую папку с бумагами.

– Тут всё.

Олег рассматривал документы с гербовыми печатями, написанные витиеватым красивым почерком – от руки – вчитываясь в старинный текст с ерами и ятями.

– Когда же это написано?

– В одна тысяча девятьсот втором от рождества Христова, – отвечала Анна Тимофеевна.

– Владелец Тимофей Лукич Кожевников. Завещание на Анну Тимофеевну Кожевникову.

Сколько же Вам лет, простите.

– Матушку мою так величали. А меня, вишь, Анной в её честь нарекли.

– И Вы тоже Тимофеевна?

– В старину если не знали, кто отец, то отчество по батюшке шло. Вы, голубки, решайте, у меня дел полно. Духов День сегодня, а я ни травинки не собрала.

– У Вас дети есть? Глядишь, наследники объявятся, что тогда... – осторожно, как бы опасаясь, что их подслушивают, шепнул Олег.

– Мы согласны, – перебила его Аня. – Рассказывайте, что можно трогать, что нельзя. И какие травы и цветы в букете должны быть. И какие не должны.

– Так-то лучше, – улыбнулась старушка впервые за всё утро. Блеснули белые ровные зубы – как жемчужины. – Травы да цветы – дело девичье, женское, с тобой, голубка, толковать будем про них. А ты здесь обожди, – повернулась она к Олегу, – в холодке, под вишнями. Солнце-то высоко стоит.

Олег только развёл руками. Не спорить же с женщинами.

Была одна чокнутая – стало две. И одна из них – его жена.

– Я лучше в дом пойду, ещё раз всё посмотрю там. Можно?

– Отчего ж нельзя, – усмехнулась Анна Тимофеевна. – Дом теперь ваш. Рамочку только не сымай со стены. А коли сымешь, ну... скажем, приспичит пыль вытереть, как можно скорее на место повесь.

Всю дорогу до ближайшего леса Аня любовалась походкой Анны Тимофеевны. Та не шла – летела – ни земли, ни травы не касаясь.

– Легко Вы ходите! Даже шагов не слышно. Мне бы так.

– Это из-за платья, – обернулась старушка, улыбаясь, и Аня вновь поразились белизне её зубов. – Платье длинное, а ещё – вот.

Она приподняла подол, показав тонкую сухощавую ногу, обутую в лапоть.

– Надо же. Кто б рассказал – ни за что не поверила бы, что кто-то ещё носит лапти. А где Вы их берёте?

– Сама плету. А в лапотоx полынь кладу, сто вёрст пройдёшь без устали.

– Научите меня? Трудно?

– Чего ж там трудного? Бери лыко да плети. Делов-то. Мы пришли.

Анна Тимофеевна поклонилась четыре раза – до земли – на четыре стороны.

– Мне тоже надо кланяться? – шепнула Аня.

– Поклонись, коли есть желание.

Небольшая поляна на опушке леса была полна цветов и трав.

– Первый – маков цвет – чтобы сон крепок да сладок был.

– Срывать? – Аня коснулась рукой нежных лепестков мака.

– Срывать.

– Второй – чабрец, или тимьян. Женская травка, богородская. Буйный нрав успокоит, зелено вино в воду обратит. В далёкой земле иорданской фимиамником чабрец кличут – дух от него душе и телу приятен.

Аня никогда в глаза не видела чабрец, но рука сама потянулась к невзрачной ползучей травке.

– Он?

– Он, девонька.

– Третья – полынь-травка, окаянная. Емшан, чернобыльник, горек, зато горе и лихо отведёт – от горечи исцелит.

Аромат полыни густой терпкий, кружил голову, успокаивал.

– Никогда не думала, что полынь так приятно пахнет.

– Четвёртая травка – любисток. Чтобы мужу любя на всю жизнь была, а не на медовые ночи.

И вновь Аня сорвала травку, о которой слышала, но ни разу в жизни не видела.

– Анна Тимофеевна, я будто вспоминаю что-то. Как от долгого тяжёлого сна пробуждаюсь.

– Пробуждаешься, голубка. От беспамятства. Рви пятую травку. Подсказать, или сама назовёшь?

– Мята?

– Верно, хорошая моя. Чтоб огневицу да жар утишить, прохладу да лад сердцу вернуть.

– Шестая травка – пижма, – Аня поразилась, как изменился её голос, будто колокольчик прозвенел над лесной поляной.

– Пижма, ласочка. Всякому привороту отворот даст, от любого наговора охранит.

– Анна Тимофеевна, почему именно на этой полянке букет надо собрать?

– Первый свет от полной луны сюда падает. Испокон веков травы целебные тут собирали, сушили, снадобье варили, людей да зверей врачевали. Седьмая трава – аир – зелье татарское. Там, где уводили дев да жён в полон, стелется, чтоб след не остыл, чтоб по траве – как по дорожке – знать, куда ворочаться. Её на пол стелют под Троицын День. Сорви побольше – пол выстелешь в избе.

Голова Ани кружилась. Она чувствовала потные грязные руки... Слышала треск льняной рубахи, раздираемой на ней. Боль стала невыносимой в какой-то миг, она закричала, упала на колени, прижалась лбом к сырой земле.

– Тихо, ясочка моя, тихо. Всё в прошлом.

Анна Тимофеевна держала ладони у висков Ани, и боль, стекаясь со всего тела, в виски, уходила в линии на старушечьих ладонях. – Вот и осьмой травки пора настала. Синюху сорви.

– Василёк?

– Его, милая. Аспид, али гад ползучий ужалит – первое средство супротив яда.

Аня присмотрелась к мелким цветочкам на платье Анны Тимофеевны и увидела, что всё платье расшито васильками.

– Платье Ваше... Это ведь платье Берегини, так?

– Так, ясочка.

– Кто Вы? Как звать Вас? Неужели, Анной Тимофеевной?

– По-разному. Анной люди кличут. Нюшей – матушка звала. Нюктой – звали давно, не припомню кто. Синюхой дед величал-насмешничал.

– Из-за глаз? Как у Бажова... Бабка-Синюшка.

– Из-за глаз. Так ведь и тебя Синюхой величать можно. Вон как синим полымем очи полыхают. Время девятой травки настало.

– Шалфей?

– Шалфей, ясная моя. Матушник, Синяя буквица. Коли опостылеет обличье людское, сделай глоток настоя – в зверя оборотишься. А коли суженый в путь дальний отправится – вырви с корнем, повесь у притолки – покуда травка не высохнет, никакого лиха не приключится с ним.

– А как высохнет?

– Свежий сорвёшь. А если не успеешь – связь останется. Прежде шалфей клали в кроду. То знак был душе, что её помнят, любят и почитают.

– Крода... Знакомое слово. – И дымом потянуло откуда-то издалека. – Анна Тимофеевна, спросить хочу.

– Спрашивай. Время десятой травки близится.

– Олег. Он ведь не мой суженый, так?

– Эко ты... вспомнила. А сама-то как думаешь?

– Не знаю. Разные мысли бродят. И не мысли даже. Что-то вроде предчувствия.

– Десятая травка – тысячелистник, серпорез, порезник. Лучше её ничто кровь не остановит, рану не заживит. А заживляет она не только порезы, но и раны душевные. Коли нелады в доме, ссоры меж мужем и женой, родителями и детьми непонимание, до восхода солнца, покуда роса не упала, тайком от чужого глаза травку сорви, попроси заступничества, повесь над входной дверью. И...

– ...и когда травка высохнет, ссоры и распри сами собой иссохнут, – неожиданно для себя продолжила Аня. – Откуда я это знаю, Анна Тимофеевна?

– От бабушки своей.

– Я её никогда не видела. Мама отмалчивалась. Ни одной фотографии в альбоме.

– Не видела, говоришь. Смотри, – Анна Тимофеевна сорвала косынку с головы, и Ане явилась не старушка в ситцевом платице, расшитом васильками, в платочке да в лапоточках, а статная женщина с синими очами – Берегиня-Жива.

– Ой... Как же это всё? Выходит, не случайно мы Вас встретили на рынке?

– Ничего случайного, ясная моя. Род наш древний, издревле начало берёт, от Белой Ведуньи. Знания и ведовство из уст в уста передаются вот уже сорок сороков, почитай. Пора пришла и моё знание тебе передать. Ты помнишь многое, просто не знаешь, кто ты есть.

– Что мне теперь со всем этим делать? – растерялась Аня. – Ты помирать собралась, бабушка?

– Нет. Моё время не пришло. Только знание передать. Что делать, спрашиваешь? Жить. А пока одиннадцатую траву сорвать. Вспомнишь?

– Как не вспомнить. Ромашка.

– Верно, ромашка – романова трава. Ворожат на цветках её глупые девки.

– Почему?

– Она только жёнкам правду открывает. Для девичьей ворожбы другой цветок надобен. А если чадо ромашковым чаем после недобрых людей напоить, убережешь от сглаза. Жёнки рассыпали ромашку у порога, чтоб не вползло в дом лихо.

Что, ясная моя. Час двенадцатой травы пробил – твой час. Тебе решать, какую траву срывать, чем кольцевать букет. Этим букеты наши и отличаются. Каждая из рода, получая знание, добавляет свою траву и закольцовывает, закрывает полученные знания.

Аня остановилась в раздумье. Травы шелестели у ног, будто просили: меня сорви, меня...

Рука потянулась к невидимому цветку.

– Нечуй-ветер, бабушка. Его сорву.

– Что знаешь о нём, скажи, прежде чем срывать. Так просто он в руки не даётся. Незрячий узреть его может, и то – в канун Васильева дня. А тебе почувствовать надобно, где он скрывается – не глазами увидеть. Сердцем. Цветок этот сушеницей зовётся. А ещё называют его бессмертником. Расцветает он на местах сеч да сражений, где земля кровью полита, где много ратичей сгнуло. Охраняет бессмертник сон и покой их, не даёт ветрам времени сдуть память. Сорвёшь ли?

– Сорву.

Аня протянула руку к невидимому цветку, ощутила покалывание сухих лепестков, и в тот же миг исчезла поляна. И лес исчез.

Она стояла в горенке, перед пустой овальной рамочкой на стене, и смотрела, как медленно проступает внутри лицо.

– Смотри-ка, – раздался голос Олега. – Ты уже и цветов нарвала, пока я на чердак лазил. И фотография проявилась после того, как пыль вытер. Анну Тимофеевну здесь не узнать – красавица. А ты заладила «пустое место, пустое место...». И, знаешь...

– Что?

– На тебя она очень похожа. Или ты на неё. Не понял ещё.

– Поживём – увидим, кто на кого похож. Кстати, где она?

– Дела у неё какие-то. Сказала, если понадобится, ты знаешь, как найти. Ведь понадобится, я правильно понял?

– Конечно. У меня столько вопросов...

– Ну уж нет! Потерпят твои вопросы. До утра.

Олег подхватил её на руки и закружил, как когда-то – в дни первой влюблённости, первых робких свиданий и поцелуев.

КУКУШКА рассказ

В ближайшее воскресенье Настя и Лида твёрдо решили отложить все дела и выбраться в лес – за земляникой.

Зачёты и экзамены были сданы – девочки учились в педагогическом институте, на одном курсе и в одной группе, и жили вместе, но не в общежитии, а на частной квартире. Хозяйку звали Екатериной Кирилловной. Она-то и рассказала, как найти земляничные поляны.

– Это же всё мои места, родные. Городской-то я не сразу сделалась. Электричкой от вокзала три станции. Сойдёте – сразу за насыпью – тропка. Вам по ней – да никуда не сворачивайте. Километра два – и выйдете на поляну. Приметой дерево будет, надвое расколотое.

– Кем расколотое? – насторожилась Настя.

– Молнией. То давно было, во время войны. Отправились мы с мамкой в лес, за земляникой. А подружка моя, Тонечка, всё о дождях знала. И не просто знала, а чувствовала. Бывало, настигает мамка, уж так расстареется, развесит чистое, а Тонечка глянет на небо и скажет: дождь к нам идёт. Какой же дождь, если вёдро третий день стоит – ни облачка. Но пополудни как хлы-

нет. Едва успевали с мамкой полусухую стирку снять. Вот и тот день ясным с утра был. А стал самым чёрным в памяти... Тонечка только глянула на нас, но ничего не сказала. Земляники мы набрали. И такая гроза началась... Никогда я больше такой грозы не видела. Укрылись мы с мамкой под берёзой, а молния как раз в неё и ударила. Мы – бежать. Да не к дому – в лес. Эта гроза нам жизнь спасла, как впоследствии оказалось. Я у той берёзы костяной браслетик тогда потеряла – бабушкин подарок. Тонечке рассказала, а она мне в ответ – плату с тебя взяли. Я ничего не поняла: какую плату, за что... За жизнь, ответила. За все наши жизни. Наших-то односельчан тогда немцы всех почти убили...

– Плата за жизни? Откуда ей было известно?

– Да кто ж знает. Дано было, видать. У них вся семья такая. Особенная. Брат её старший, Юрка, так тот вообще всё знал: и про дожди, и про снега, и про людей. Я вот, на старости лет, тоже начала чувствовать и дождь, и снег, и ветер. Как скрутит нелёгкая в три погибели – так точно дождь пойдёт.

– А где теперь Тонечка Ваша?

– Уж три года как померла. Брат-то жив ещё. Оно и понятно – на природе. Он лесником в тех местах работал. Сейчас на пенсии, конечно. Но говорят, ещё обходит делянки свои, молодых напутствует, браконьеров страшает. Так что, если встретите – не пугайтесь. Привет передавайте. Станный он, но к добрым людям – по-доброму относится. Дорогу укажет. Да и что старика бояться. Век наш вышел – ему восемьдесят три, должно быть. А мне нынче в октябре восемьдесят будет. Если доживу.

– Доживёте, Екатерина Кирилловна, непременно доживёте, и ещё долго жить будете, – бросились к ней подружки.

– Нет, дорогие мои. Долго жить ни к чему. Дряхлеть не хочется. Пока сама себя обхожу, можно. А как немочь придёт... Да что это мы, на ночь глядя, разговоры такие затеяли. Давайте-ка спать. Рано встать надо – к первой электричке.

Настя и Лида сошли на станции со смешным названием Терёбень и, спустившись с насыпи, увидели тропинку, уводящую в тёмную, казавшуюся непроходимой чащу.

Вместе с ними сошло ещё несколько человек с ведёрками и корзинками – тоже за земляникой.

Идти пришлось гуськом, и потому – молча, но вскоре тропка стала чуть шире, Настя зашагала рядом с Лидой, повеселела и начала болтать без умолку – как всегда.

– Что за название Терebenь, как думаешь? Лён теребили раньше в здешних речках, наверное?

– Не знаю. На рынке однажды слышала, как женщина пьяного грузчика терebenью кабацкой называла. Ещё подумала, что это что-то ругательное, и в словарь заглянуть хотела, но забыла.

Охотники-ягодники шагали быстро, чтобы успеть до того, как солнце высоко встанет – всё, как говорила Екатерина Кирилловна.

Обернувшись, Настя увидела, что их попутчики сошли с тропинки, свернув вправо.

– Смотри. Они свернули. Может нам от них не отрываться?

– Мы же до расколотого дерева ещё не дошли. Струсил?

– Страшновато, – призналась Настя.

– Смотри, как красиво!

Девочки вышли на небольшую полянку, окружённую высокими соснами. Верхушки сосен светлели – поднималось солнце, и всё вокруг менялось, оживая, наполняясь светом.

– Вон и дерево, – шепнула Лида, и Настя увидела вдали старую берёзу. Девочки замерли: обугленная, будто окаменевшая внутри – по линии разлома – берёза, зеленела молодыми ветками по обоим внешним сторонам ствола.

– Подойдём ближе?

Лида сошла с тропинки, и Насте ничего не оставалось, как отправиться следом.

Что-то белое мелькнуло у самой берёзы, среди зелёных листьев дикого щавеля.

– Ландыши! – Настя бросилась к цветку.

– Ландыши отцвели ещё в мае, Настюша. Июнь сейчас – или забыла?

Настя осторожно вытянула из травы браслетик – длинную низку мелких белых бусинок, чем-то похожих на нежные ландышевые цветки.

– Обронил кто-то, – улыбнулась Лида. – Шла Маша-растеряша, такая, как ты, по лесу, болтала без умолку и не заметила, как браслетик с руки слетел.

– Почему это я растеряша?

– А кто на прошлой неделе учебник библиотечный в маршрутке забыл? Кто мою тетрадь с конспектами неведомо где потерял? Кто зонтик...

– Ладно тебе. Не продолжай. Я рассеянная, знаю, – вздохнула Настя и снова вскрикнула, – смотри, Лидочек – земляника!

Сверху поляна казалась обычной – ни ягодки. Но стоило наклониться – и тут и там открывались, адели земляничные россыпи.

Девочки увлеклись сбором ягоды, стараясь не терять из виду дерево и друг дружку, памятуя наставления.

Казалось – прошло немного времени, а ведёрца у обеих были полны.

Собрали они и ягод на стебельках, с листочками – по просьбе Екатерины Кирилловны – для чая.

– Можно и передохнуть, – разминая затёкшую спину, обрадовалась Настя. – Вот и деревяшечка – для нас приготовлена, чтобы на мокрой траве не сидеть.

– Да тут целый ряд этих деревяшечек, – присмотрелась Лида. – Что-то они напоминают, только что, понять не могу. Не стала бы я на них сидеть, странные они.

Протяжный крик раздался вдалеке, и эхо несколько раз пролетело над поляной, от старой березы до развилки, где обрывалась тропинка.

– Кукушка сигнал подаёт, – раздался хриплый мужской голос, и только теперь девочки увидели старика в потрёпанном белёсом балахоне с капюшоном, напоминающем плащ-палатку. – Деревяшечки эти – шпалы. Рельсы-то народ давно растащил. А шпалы остались. Крепкие. Хоть заново пути прокладывай – ещё сто лет простоят. Что уставились, пигалицы? Боязно?

– Не боязно, – Лида толкнула легонько оробевшую подругу.

– Нам Екатерина Кирилловна про Вас всё рассказала. Вы Юрий?

– Кирилловна... Катя Карташова?

– Для Вас она, может быть Катя, конечно. А для нас Екатерина Кирилловна. Мы – студентки, комнату у неё снимаем. Вот решили за земляникой сходить, а она и посоветовала нам эти места и эту поляну. И приметку указала – старую берёзу, в которую молния ударила и надвое расколола.

– Верно. Всё так и было, – кивнул старик. – А ещё что она вам рассказала?

– Что с сестрой Вашей дружила, с Тонечкой. Что Тонечка дождь умела предсказывать, а Вы... Вы так вообще всё на свете знаете, – выпалила Настя.

– Ну уж и всё?

– Так она сказала, – подтвердила Лида.

– Выдумщица Катя – как была – так и осталась.

Старик достал кисет из кармана и начал набивать маленькую тёмную трубку.

– А что за странные кукушки тут водятся? – окончательно осмелев, подошла ближе Настя. – Кричат не так, как обычные. И не птица, вроде.

– Поезда так зовутся. Не слышали? Нынче-то их почти не осталось. Всё больше автобусы, да скоростные, да свои авто. Раньше в таких глухих местах, как наше, только «кукушки» и ходили. Какой – с одним вагоном, какой с двумя: в одном груз, почта, товар небольшой, в другом – пассажиры. Сообщение местное, ход неспешный. Шутили: мол, можно на одной станции выйти, грибов да ягод набрать, наискосок через лес путь срезать, и на тот же поезд успеть. Гудок у него особенный – на свист птичий похож. Шпалы эти – от нашей, местной «кукушки» остались.

Старик принялся разжигать трубку и умолк.

– А почему сейчас такие поезда не ходят? И почему это место глухое? Тут рядом электричка – мы на ней приехали.

– Вымерло всё. Кого возить? По одному – два дома жилых на станциях. А то и вовсе заброшено. А от вашей электрички вы в семи верстах – не меньше. В лесу и время по-другому измеряется, и расстояние. Если по этим шпалам пройти – только на пожарища и выйдешь. В Великую Отечественную в здешних лесах действовал партизанский отряд. По этой ветке немцы пытались вывезти лес со складов, с довоенных лесных вырубок. Да и удобно – войска незаметно перебрасывать – на Москву. Они эту дорогу поддерживали в рабочем состоянии – местное население сгоняли сюда – для работ. Что не так – стреляли на месте. Партизаны эшелоны с награбленным под откос пускали, пути разбирали, мосты взрывали, караульные роты уничтожали.

– Сколько же Вам лет тогда было?

– Десять. Рано мы выросли – не чета нынешним десятилетним. Помощь посильную партизанам оказывали, да и язык за зубами держать умели – чтобы лишнего не сболтнуть. Потому и не могли немцы партизан выследить. На местных отыграться решили, на стариках, бабах да детях – кто ещё остался. Мужики-то на фронте все.

Вот из сёл и деревень, что окрест, – а было их тут немало – согнали, три вагона «кукушки» битком набили, раскочегарили топку паровозную, да и пустили навстречу смерти – впереди мост взорван был. Меня мать на ходу вытолкнула из вагона и Тонечку, сестрёнку – выбросила. Сама прыгнуть не успела. Но возвращаться нам было некуда – немцы сожгли все деревни и посёлки вдоль ветки – одни печные трубы только и торчали.

– Как же вы выжили?

– Партизаны приютили. Ветку эту после войны восстановили. Деревни и посёлки, правда, не все отстроили – случалось, что некому было отстраивать, но лет тридцать ещё «кукушка» здесь ходила. Утренняя и вечерняя – считай ночная. А потом, в девяностых, развалилось всё. Страшней, чем после войны разруха настала. Забросили ветку.

– Юрий... как Ваше отчество?

– Павлович.

– Юрий Павлович, что же за звук мы тогда слышали, если не ходят больше поезда-кукушки, а до электрички семь километров?

– Семь вёрст. В километрах чуть больше – почти восемь. Эхо того поезда-кукушки здесь всегда в этот день слышится. В день, когда жителей навстречу смерти везла кукушка, а следом немцы да полицаи с собаками шли – чтобы уж наверняка – каждого порешить. Нам с Тонечкой повезло. Овчарка огромная остановилась над нами, обнюхала и дальше побежала – будто нас и в живых уже не было.

Ладно, настрашал я вас. Возвращаться пора. На ту сосну идите, – он указал на самое высокое дерево, – к тропинке выйдете. Ну а там знаете – никуда не сворачивать – до самой насыпи. Аккурат к электричке успеете. А Терёбень – название давнее. Требище здесь было когда-то. Хозяйке вашей кланяйтесь. В той «кукушке» бабушка её сгинула. Катя с мамой в лес с самого

утра ушла. Землянику брать. Браслет Катин я нашёл. Перенизал на нитку суровую. Вощёную. Семьдесят три бусинки-косточки, из кости выточенных.

Семьдесят три души, загубленных в поезде-кукушке.

Уж – не потеряйте, довезите.

Старик насмешливо взглянул на смутившуюся Настю и, не спеша, растворился в тёмной лесной чаще.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛЬФСТРИМ
рассказ

В том апреле на берег выбросился дельфин. Мы приходили к нему – словно к божеству, и подолгу смотрели, пытаясь понять суть неведомой жертвы. Обессиленной лапой прибор хватался за дельфиний хвост и отступал, шипя от злости и сожаления.

Тушу убрали не сразу – тогда и город, считай, не убирали. Но кого это волнует в семнадцать лет? Мы видели красоту в палящих полиэтиленовых пакетах и слышали музыку в перестуке консервных банок. И сбегали из дома – хоть на час к морю – окрылённые весной и свободой, дышали жизнью, как приключением. Сами не понимая, что счастливы.

Наша четвёрка устроилась на Жёлтом камне: Кристи, Влад, Толик и я. Огромный камень разделял два пляжа и стоял у самой воды. Сверху казалось, что плывёшь на корабле – впереди было только налитое синью вечернее море, тонкий ломтик луны, отрезанный чьей-то бережливой рукой, да крошки звёзд, рассыпанные по скатерти неба. Фривольный морской ветер пробирался под лёгкое пальто. Распущенные волосы трепало, я терпела ради красоты и старалась не думать, как их потом расчесывать.

Дописав последние слова, поставила росчерк и дату. Толик потянулся за листом, внимательно прочитал, вода фонариком по строчкам. Он это всё и придумал – он всегда думал на шаг вперед. И если Толик опаздывал на час или два, все двадцать человек компании ждали его, ругались, но ждали. Ибо он один знал верную дорогу – даже если не знал, в какую сторону идти.

Увидев дельфина первый раз, Толик сказал:

– Когда-нибудь наша дружба закончится. Навалются взрослые дела, семьи, заботы...

Слова звучали предательски. Я попыталась успокоить – не столько его, как себя:

– Будем жить в одном доме. Ходить друг к другу в гости.

Толик хмыкнул. Даже не стал спорить...

Он подхватил с камня пустую бутылку из-под шампанского

и протиснул туда листок с нашими клятвами в вечной дружбе.
Кристи тихо пела, подыгрывая себе на гитаре:

*А моря до краёв наполнялись по каплям,
И срослись по песчинкам камни,
Вечность – это, наверно, так долго.¹*

Ей не мешал ни ветер, ни наша суета. Кристи вообще мало что волновало, кроме музыки и стихов.

Влад маялся от безделья. Он отрабатывал на мне приёмы ай-кидо, лихо выкручивая руки и рассказывая о философии слияния с атакой противника. Вскоре Владу наскучило сливаться с моей вялой атакой, он выхватил у Кристи гитару и принялся бренчать на одной струне – в своей необъяснимой и неповторимой манере.

Наконец Толик закупорил бутылку с ценным посланием и передал Владу. Зашвырнёт так зашвырнёт, понадеялись мы на философию айкидо. Но встречный ветер ничего про эту философию не знал – бутылка плюхнулась в воду в паре метров от подножия камня. А волны выбросили её на берег. словно горькое лекарство, море выплюнуло наши клятвы ещё пару раз, но потом всё-таки проглотило.

***

Замерев перед дверью квартиры, я напряжённо вслушивалась. В глубине её кухонного нутра гудел спор.

– Га-Ноцри не слаб, он свободен от желания быть сильным! – хорошо поставленным голосом школьного учителя говорил дядя Вова.

– Вова, борщ остыл! – переживала мама.

– Я не оправдываю Пилата, но сила на его стороне. И власть, кстати, тоже... – возражал папа.

Значит, начали с Булгакова. Скоро на Блока перейдут. Закусят Маяковским. Воспитание Бориса Ефимовича Друккера давало себя знать. Я закончила ту же, 18-ю школу, но намного позже дяди Вовы – нас, перестроечных детей, уже некому было воспитывать. Мы развивались сами – зигзагами, петлями и долгими обходными путями.

Я тихо проскользнула в коридор – вдруг не заметят? А то влетит за поздние прогулки по первое число. Если ещё и следы от ботинок на подоконнике увидят... Но весна, сирень – не предавать же такой вечер ради глупых правил.

– Где была? – строго спросила мама, поглядывая на папу.

Тот перестал улыбаться и насупил брови – мол, воспитывает дочь.

Дядя Вова в переглядываниях не участвовал, он шагнул ко мне вплотную и взялся за пуговицу пальто. Это означало: дядя Вова будет говорить. Его лицо приблизилось, я различала лишь отдельные детали – глубокие морщины, крупный нос, цепкие тёмные глаза, непроницаемые, как ночное море. От дяди Вовы пахло коньяком и грустью.

– Ничего не бойся. И не давай себя сломать.

Ответа дядя Вова не требовал – можно было кивать и ждать, когда он выговорится и отпустит пуговицу. И всё же – я уважала его за свободу мысли и всегда старалась понять.

– Одиночество – та ещё гадость, любочка! Но каждый висит на кресте сам. А потом, если повезёт, это кого-то спасёт.

Мама охнула, папа взял дядю Вову под локоть. А тот всё изучал моё лицо – будто искал в нём своё забытое, безвозвратно утраченное... И только когда я кивнула, отпустил пуговицу, позволив папе увести себя на кухню.

Путь в комнату открыт – взрослые заняты разговорами, им в кои-то веки не до меня. Но спать не хотелось. Моё будущее бурлило мечтами: я представляла, как отправлюсь в леса Южной Америки или в Антарктиду и сделаю что-то важное для людей. А одиночество... Иногда хотелось побыть одной, но кто же мне даст?

Не в правилах дяди Вовы было сворачивать с дороги. В начале девяностых его семья и друзья разъехались по всему миру, а дядя Вова остался в Одессе. До неудобства честный человек, он был честен и с самим собой. «Что я там потерял?» – говорил он. «Приедешь, найдёшь!» – отвечали родные эмигранты и отводили глаза...

Он жил в прокуренной квартирке на Малой Арнаутской – стеклянная дверь с занавесками, скрипучие деревянные полы, книжные шкафы до потолка, портрет Блока в прихожей; здесь

мать и тётя вырастили троих детей – сами, оплавав погибших на фронте отцов. В эту квартирку он привёз с институтской практики из села тридцать учеников – показать Одессу. Всем нашлось место – даже дочери тракториста, которую Вова пылко полюбил вопреки запретам мамы и тети... Со временем он устроился в одесскую школу, учеников называл «мои дети» и переживал, как за своих. Мирил с родителями, вытаскивал из передраг, помогал стать на ноги. А чего стоили его уроки истории – ученики строились «свиньёй», «клином» или «каре» и начиналось настоящее сражение, за которое потом дядю Вову не раз вызывали на ковер в районо. «Дети» вырастали и приходили в квартиру на Малую Арнаутскую, как домой – устраивали дяде Вове праздники, заботились о его буднях. И всем по-прежнему хватало места. Ночами своего единственного и краткого супружества дядя Вова читал любимой стихотворения – Евтушенко, Рождественский, Есенин, Пушкин, Бродский, Пастернак... – летние ночи были долгими, а память дяди Вовы исключительной.

Разве такую жизнь увезёшь с собой в эмиграцию? Дядя Вова врос характером в одесскую землю, в её поэзию и прозу, в работу, в учеников, в море, в послевоенную разруху детства, в разруху девяностых на пороге старости – его, родное, единственно правильное.

***

Безумная идея жить в одном доме всё-таки осуществилась. Мы год снимали квартиру – она стала нашим лобным местом. Дверь потрёпанной чешки не закрывалась – бесконечным потоком шли друзья. На завешанной плакатами аскетичной кухне Кристи пела свои новые песни. Влад занялся фехтованием; рапиру он, к счастью, при себе не носил.

Толик перестал нас куда-либо вести, лишь изредка подталкивал:

– Дашка, уйти из дома – ещё не самоцель. Для чего ты живёшь? – говорил он мне.

– Кристи, твои песни должны звучать из каждой второй форточки Одессы. И то, потому что первая закрыта.

– Влад, когда найдёшь работу?

Даже этих кратких вопросов хватало, чтобы заставлять нас искать и пробовать.

Свобода уже не казалась такой блистательной, её основательно подгрызли заботы самостоятельной жизни. В приятном опьянении от терпкого красного, в разгар весёлой перепалки, когда один начинал фразу, а другой продолжал, или в наполненном смыслом молчании – я вспоминала дельфина и дядю Вову. Оба плыли против течения. Для них это было важно. А что важно для меня?

Через несколько лет Толик уехал в Штаты. Он решил стать режиссёром, не осознавая до конца, что уже режиссирует наши жизни.

Сего отъездом что-то сломалось. Нет, мы по-прежнему встречались – но пустоту стало нечем заполнить. Молчание было теперь лишь молчанием. И оборванные фразы никто не продолжал.

***

Дядя Вова часто навещался к моим родителям. На Пасху он приносил мацу, а на Рождество садился во главу стола и первым поднимал бокал:

– Так давайте выпьем за великого человека, который родился две тысячи лет назад, чтобы спасти человечество!

Вот и сейчас неверующий еврей произносил проникновенную речь во славу христианского сына божьего. Никого это не удивляло – в доме праздник. Я любила гостей. Люди улыбались, шумели, горели глаза, звучали тосты, дарились подарки. В этой звенящей суете, в калейдоскопе лиц я забылась. И одиночество, в которое раньше не верила, отступило.

Как бы просто дядя Вова ни говорил – сразу его не поймёшь. Что-то оседало на пуговицах, которые он так крепко держал, и доходило уже потом, когда я наталкивалась на похожий взгляд. Вопреки логике и обстоятельствам, я упрямо шла своим курсом – но пока это никого не спасло.

Поздно вечером, когда гости уже разошлись, но ещё не разошлись по домам, дядя Вова вышел на кухню, зажёл сигарету, затянулся. Я поставила последнюю тарелку в сушилку, вытерла руки о передник.

– Любочка... – начал он и, выпустив клуб дыма, сощурил глаза.
– Знаю, свой крест и всё такое...
– Ничего ты не знаешь... – Дядя Вова крепко сжал локоть и цепко, как умел только он, поймал мой взгляд.
– Вова, не трави ребёнка, иди на улицу! – на пороге кухни выросла мама и расставила жизнь по местам.

Дядя Вова медленно разжал хватку на моём локте, опустил голову и вышел дымить в палисадник.

***

Жёлтый камень всё ещё походил на корабль. Только мы уже не годились ему в капитаны.

Море осторожно гладило каменные лапы, притворяясь со всей хитростью, на какую способна вода, кротким и сговорчивым. Но под тонкой, податливой гладью сотни сотен лет шла невидная кропотливая работа – вода отбирала камень себе, наращивая его мхом и водорослями, насылая на него крабов и мидий, сковывая льдом, врезаясь прибоем. Море умело великодушно уступать – оно знало, что сильнее, оно знало, что всё происходит по его воле.

Толик прилетел в гости из Штатов, и мы снова сидели здесь, на вершине Жёлтого камня, растерявшие весь свой взрослый опыт, беспомощные и глупые – ещё беспомощнее и глупее, чем были пять лет назад.

– Ты доволен?

– Да, – поспешно ответил он и добавил: – Наверное. Столько всего поменялось.

Сказал и посмотрел на меня чужими глазами. Жизнь Толика действительно поменялась. Он много работал, играл в театре, снимал клипы. Всё такой же увлечённый поиском смысла Толик, но уже не наш. А мы для него? Наверное, застряли в прошлом, как залегший на дне моря реликтовый лес.

– Что Кристи, Влад?

– Песни Кристи звучат из каждой второй форточки Одессы. И даже Украины. Влад теперь инструктор по серфингу. Катает всех под парусом. Даже меня – не умеющую плавать. Серёга играет в рок-группе на басу², недавно был концерт...

Рассказала про всех друзей и знакомых, до кого дотянулась память. И я видела – даже в сумерках – как жесткий профиль Толика смягчается и на лице мерцает улыбка.

– А ты? – вдруг спросил Толик.

– Пишу рассказы...

– Здорово! Только про меня не пиши!

– Угу, – пообещала и решила, что обязательно сделаю наоборот.

Толик рассмеялся и крепко обнял – так же крепко, как дядя Вова всегда держал пуговицы.

Со звенящей ясностью я поняла: что прожито по-настоящему, не может исчезнуть. Мы знаем, как это – идти по одной дороге, дышать в унисон, угадывать мысли друг друга. Мы знаем, как это – постоянно искать свой путь и задавать вопрос «кто я?». Не важно, что сейчас мы порознь, важно, что научились этому вместе...

Потянувшись за сумкой, я достала пустую бутылку из-под шампанского. Ну, почти пустую.

– Наши клятвы в вечной дружбе? – удивился Толик.

– Пять лет назад море не засчитало попытку. Я подобрала бутылку на следующий день. Попробуем ещё раз! – и что есть силы замахнулась.

Метать мячи я категорически не умела, но бутылка улетела неожиданно далеко и с тихим всплеском ушла под воду.

Ошарашенная, я оглянулась на Толика.

– Делай добро и бросай его в воду, – он пожал плечами.

Я всегда считала, что дядя Вова плыл против течения. Как и тот дельфин, что выбросился на берег. Но это не так: они держались своего внутреннего Гольфстрима, другого течения для них не существовало. И пустынный берег с чужими детьми, которых нужно было спасти, стал для них тоже частью пути. Большого, удивительного и необъяснимого.

---

¹ Из песни группы Flëur «Шелкопряд».

² Бас-гитара.

ДВА САПОГА И ОДНА КАРТИНА

рассказ

– Ну, понеслась! – сказал дедушка.

– За любовь! – сказала бабушка.

– Не для того я тебя растила! – сказала мама.

– Угу, – сказала я.

Чокнулись. Выпили. Заговорили – все одновременно. Голоса слились в один гул, кот Бонифаций прижал уши и прошмыгнул к столику, где стояла клетка с попугаем.

– Любовь дитя, дитя свободы... – запел дедушка оперным голосом.

– То-то и оно, – покусывая сигару, бабушка улыбнулась одним уголком губ. – Светка! Не уходи!

Я покачала головой. Решила и всё тут.

– Два сапога пара, – сказала мама и махнула рукой на картину.

Отяжелевшее антрацитовое море и далёкий парусник – его почти не видать. Золотистая рама – как дверь. Мама с бабушкой считали, что папа через неё и ушёл.

Я обвела родню взглядом.

– Как она может так себя вести?! – громко шептала Маруся на ухо тёте Зине.

Маруся, моя двоюродная сестра, очень много думала и постоянно придумывала, чем бы ещё быть недовольной.

Тётя Зина, поправив надетое на толстый свитер сари, забралась на стул с ногами и села в лотос. Она дала обет молчания, и уже год никто толком не знал, что у неё на уме. Хотя, говорят, буддистам ум не нужен. И вообще людям от него мало толка. Жаль, она не успела это объяснить Марусе.

– Куда мы катимся?! – бубнил интеллигент на пенсии дядя Аркадий, пряча под столом потрепанную книжечку, на обложке – девица в кружевах. Он обожал женские романы, но почему-то стыдился этого.

Ромка, мой брат, subtilный юноша подросткового возраста, не отрываясь от смартфона и проносил вилку мимо рта.

И что я делаю с этими людьми вот уже двадцать лет? Папа был другим – он бы понял меня.

– Боня, я ж тебе..! – закричала бабушка и, не выпуская сигару

изо рта, погналась за котом. У Бонифация в зубах трепыхался несчастный попугай.

Кот удирал мастерски – нырнул под стол и, разогнавшись по ногам, сиганул на тумбочку и сразу – на карниз.

– Вот вам и тореадор, – сказал дедушка.

– Докатились, – сухо констатировал дядя Аркадий.

– Боже, как всё несправедливо! Я чувствую себя этим попугаем... – Маруся икнула и прижала руки к груди.

Веки тети Зины дрогнули – и только. А в остальном она олицетворяла принцип невмешательства.

Ромка поднял голову, ословевшим взглядом уставился куда-то вдаль.

– Телефон разрядился, – он встал и принялся искать розетку.

– Эх вы, – сплюнула бабушка и запустила в кота тапком.

Оскорблённый кот разжал пасть.

– Ай! – возмутился Ромка, потирая ушибленную тапком спину.

Попугай промолчал и вылетел в форточку. Комната стремительно заполнилась тишиной.

– Мама! – укоризненно сказала мама.

– Ну, забыла я закрыть форточку и что? – бабушка сделала вид, что всё путём и вообще чего усталились.

– А завтра забудешь закрыть дверь?!

Бабушка хмыкнула и затянулась сигарой.

Да, с папой всё было бы легче. Хотя, иди знай – смогла бы я бесконечно плыть на паруснике, пытаюсь догнать уходящее солнце. Но папа же плыл. Я снова посмотрела на картину – показалось, что парус дрогнул и свежий ветер пронёсся по комнате.

Решительно поднялась – мол, всё, мне пора.

– Тёплые вещи взяла? – спросила как бы между прочим мама.

На всякий случай я кивнула. Не объяснять же нашим, что там – это не здесь. Хотя насколько не здесь, я ещё сама не поняла.

Ромка снова отвлёкся на телефон и выронил тарелку. Та раскололась в мелкую мозаику, колбаса с маринованными грибами в красивом беспорядке легли на ковер.

– Ща лайков соберём, – оживился братик, отправляя фотки в инстаграм.

– Деточка, ты же абстракциониста от импрессиониста не отличишь! Ни одного стихотворения Блока не выучила! «Войну

и мир» на десятой странице три года читаешь! – дядя Аркадий нервничал. – Куда ж ты пойдёшь?

– Оставьте её в покое, – рявкнула бабушка, похлопывая тапком по ладони.

– Так я ж, мы ж это... – сказал дедушка, подливая себе домашнего самогона и закусывая почерёвком, что ему строго запрещалось из-за диеты.

– Светка, ты слышала меня – уходишь, уходи! – бабушка отвернулась и выпустила в форточку кольцо дыма.

Почему-то уходить расхотелось. И я бросила взгляд на маму. Та отвернулась, плечи сгорбились.

– Иди, раз решила, – услышала я глухой голос. – И нос капай на ночь, а то с твоим гайморитом...

Родня притихла и уставилась на меня. Они ждали. И я, чувствуя себя голой и нищей, тоже ждала. Может, стоит всё-таки дочитать «Войну и мир»? Или хотя бы собрать тёплые вещи.

Подошел Бонифаций и потёрся о ноги. Всё, хватит! Я бросилась к двери, потянула на себя ручку. Зажмурилась и сделала шаг.

Дверь громко хлопнула за спиной.

Я стояла на крыльце, последняя его ступенька тонула в молочном мареве. Такое же марево окутывало всё вокруг. Оглянувшись, я увидела знакомую увитую виноградом стену дома, балкон на втором этаже, бельё. Рукава Ромкиной футболки колыхались на ветру, будто прощаясь.

А в тумане начали проступать силуэты. Первым делом показался парусник и лишь потом – одинокая фигура.

– Папа! – позвала я.

Он помахал мне, и я побежала за парусником. Хотела сказать – пусть знает! – я мечтала жить, как он. Чтобы впереди – дорога и смысл. А не этот скучный дом.

Продираясь сквозь вату тумана, я не сразу заметила, как на плечо сел попугай. Подражая дедушке, он стрекотал:

– Любовь дитя, дитя свободы...

Парусник мелькал то ближе, то дальше, но нагнать я его не могла. Попугай перебрал весь дедушкин репертуар и до смерти надоел...

Я шла и время шло за мной. Хотелось есть, пить, просто где-нибудь сесть, но я упрямо держалась парусника. Даже когда

поняла, что никакого разговора не будет, и смысла тоже не будет, а свобода мне уже не нужна. Даже, когда туман ожил.

И я снова увидела заставленный тарелками стол, понуро опустившего голову дедушку. Бабушка ходила из угла и в угол и не выпускала изо рта сигару. Мама разглядывала картину и шмыгала носом.

Маруся подскочила со стула:

– Я должна была пойти вместо неё!

– Мы все должны были... – дядя Аркадий захлопнул книгу и выложил её на стол. Кружевами наружу.

Бонифаций сидел на коленях у тети Зины и поддевал лапой бахрому на сари.

Ромка сопел, уставившись в телефон. Я заглянула через плечо: «Как найти сестру» – печатал он запрос в гугле.

Папа – наконец я увидела его лицо! – улыбнулся и шагнул за край рамы.

Там ничего нет, дошло до меня. И он никуда не уходил. И я не уходила. Просто посидела на пороге, а теперь вернулась. К семье, к родным, к таким же, как я.

С попугаем на плече я подошла к столу, стала у родни за спиной.

– Мама! – сказала мама и дернула бабулю за локоть.

– Йошкин кот! – бабушка расплылась в улыбке и выронила сигару.

– Ом-мани-падме хум!

Тётю Зину никто не понял, но все были согласны.

КАК-ТО ВЕЧЕРОМ У ВОДЫ
рассказ

Этот вечер, совершенно ничего не значащий ни в моей жизни, ни, тем более, в жизни всего города, случился спонтанно и непреднамеренно, впрочем, как чаще всего и бывает со всеми вечерами, не лишёнными смысла.

Посиневшая от возмущения водная стихия с пеной у рта пыталась доказать собственное превосходство над человеческим гением, силилась догнать и накрыть небольшое по её масштабам, но дерзкое двадцатифутовое транспортное средство, которое имело наглость разрезать цельное полотно самого своенравного и самого Чёрного моря.

На корме спиной к капитанской рубке сидела женщина, поставив локти на спинку белого дивана и подперев загоревшие щёки ладонями, и наблюдала за похожей на хвост кита кильватерной волной, которую оставлял за собой катер.

Женский взгляд оторвался от воды, подлетел к небу, повернул вправо, к берегу, и начал скользить по рыжим пустынным обрывам, ни за что не цепляясь. Показались покосившиеся, нависшие друг над другом курени Черноморки, затем золотистые маковки мужского монастыря. И снова обрывы и пустыри, а за ними – модные в этом сезоне или теряющие постоянных клиентов рестораны. За ними – чудом уцелевший рыбколхоз с полуживыми лодками и полувоскрешёнными сетями. А потом потянулись смотрящие вдаль с новой набережной каменные гордые львы. Побежали вразнобой то космические корабли, то готические замки, между ними – трухлявые сараи, хозяева которых при этом сложили фантастическую цену за свои три сотки земли. Каким образом им удавалось уживаться вместе, не было ясно даже им. Одни соседи, проходя мимо, смачно плевали на монолитные заборы других, а другие тоже плевали в сторону первых, но иначе, как бы аристократически – скупно и свысока.

Что ещё оказалось на пути взгляда женщины? Ближе к кромке воды – заколоченная биллиардная, некогда популярная среди

фонтанских, да и всех городских игроков, и ежегодно восстающий из пепла, брызжащий по ночам шансоном и фейерверками бар из наспех сбитых деревянных досок.

Женщина готова была смотреть на береговую эклектику и на эту стонущую под катером волну бесконечно, но диспетчер яхт-клуба «Нептун» дал добро на вход, и капитан сбавил скорость. Она вдруг выгнула спину, расправила чуть сгорбившиеся плечи и, оттопырив мизинчики, распрямила складки хлопкового сарафана: красавица должна всегда интуитивно быть готовой к обязательным зрителям на берегу.

Упрямая волна утихла, присмирела, потеряла интерес к борьбе. Мы повернули за брекватер, заслоняющий от моря уютный мирок, в котором уживались гигантские яхты, пластиковые лодки, помпезные двухэтажные дома с террасами, катера, скутеры, катамараны, парусники, чайки, мидии, рапаны, креветки, водоросли и люди. Половину из перечисленных можно взять напрокат, в почасовой чарт, а вторую половину – съесть.

Когда пассажиры, а, помимо элегантной женщины на судне ещё были мужчина – её супруг, который вёл катер, девочка пятнадцати лет, их дочь, и я, сошли на берег, сразу почувствовали разной степени тяжести головокружение.

После пребывания на такого рода корабле покачивание при ходьбе преследует вас столько же, сколько времени длилось само путешествие. Иногда это раздражает, и я пью по три чашки крепкого кофе, принимаю душ и, стоя у зеркала, долго причёсываюсь, пытаюсь упорядочить ход своих наземных мыслей, взболтанных и перемешанных качкой.

В сезон навигации, с мая по октябрь, друзья нередко зовут меня на прогулку на этом катере. Чаще я отказываюсь, не желая потом бороться с расстроенным организмом; выхожу с ними за лето раза три-четыре, лишь когда соскучусь по ощущению собственной поджаренности и по засушенной ставриде, запасы которой всегда имеются у них на камбузе.

Температура в городе всё время зашкаливала, морской бриз хоть как-то спасал от вездесущего пекла, бычки почти всегда хорошо ловились, а я знала в этом удовольствии толк, спасибо моему деду.

Море – это не просто приятно. Море – это жизненное преимущество. Когда у меня слишком много к себе вопросов и нет

ни одного ответа, я прошу помощи у воды. Не то чтобы она была говорлива и оказывалась в состоянии на все из них ответить. Но некоторые риторические смывала точно, тем самым укорачивая список.

В этом смысле жители приморского города – зацелованные солнцем и заласканные морем везунчики, не всегда ценящие выгоды своей жизненной геолокации.

Чтобы с нами ни происходило, как бы ни сушила какая-то мучительная жажда и ни уходила из-под ног земля, в любую погоду, в любое время года мы можем прийти сюда, просто побродить по берегу, шаркая мелкими мыслишками в голове и битыми ракушками у кромки воды, подышать йодом, покормить крикливых чаек, рассмотреть обросшие зелёными водорослями камни. Всё, что есть там у нас в карманах: и грусть, и тоска, и неудобные воспоминания, и несбывшиеся надежды – всё можно побросать с пирса в воду. Точно полегчает. Можно и с катера.

Не по этой ли причине вся семья была настолько сдержана в своих эмоциях? Все темы сводились к легковесным разговорам о погоде, температуре морской воды и способах приготовления обитателей моря. Наталья была до безумия аккуратна, и бесконечно требовала этого же от всей семьи. Натирала часто белую кожу диванов, морщилась, когда муж доставал удочки, что свидетельствовало о наступлении хаоса. Тут же мыла за всеми чашки, а после купания заставляла всех сразу переодеваться, чтобы солёное море не попадало на бежевый ковролин. Мысль о том, что вода здесь везде и с её влиянием бесполезно бороться, в голову ей не приходило, а никто не решался ей об этом сообщить. Я сама никогда не была замужем, но всё-таки однажды хотела туда попасть, считала их идеальной семьёй и поведение женщины самым что ни на есть идеальным. Много повторила за ней: и осанку, и жесты, и расцветки сарафанов, и диету, и сдержанную улыбку, и позу при заходе катера в яхт-клуб.

В поисках мифического покоя я провела субботу и даже согласилась выйти в море в воскресенье. Все что-то пыталась отыскать среди пенных барашков, на которые тарасилась во время рыбалки, упуская из внимания все остальные детали. Хотя эффективнее для меня было бы искать новую работу.

Сегодня дул молдаван, и садок, примотанный к корме, был почти пуст. Пару килограммов среднего размера бычков, не более, и два кнута.

– Доброго здоровьячка! Шо, клевало? Не? Порожняком? Та это, считай, порожняком! Пожалуйте к нам за стол!

Я повернулась. К лодке подошёл Иван Степаныч. Вместе со своими помощниками он обслуживал все лодки в клубе: парковал, мыл, заправлял водой, наводил порядки после каждого выхода в море, делал мелкий ремонт, давал советы по крупным поломкам. Лет шестидесяти, худой, подтянутый, загорелый дочерна, с выгоревшими от времени и солнца бровями, чёрными густыми усами и лазурными глазами, которые всегда сияли и улыбались. Символ, негласный глава, неотъемлемый атрибут, без которого представить слаженное существование всего яхт-клуба было невозможно. Таракан – так звали его все обитатели яхт-клуба за усы и скорость передвижения по палубам. По суше он двигался медленно, очень широко расставляя при ходьбе лапки. Простите, ноги.

– Давайте останемся! А бычков наших есть где поджарить? – предложил Саша, муж моей подруги.

– Зараз зробоимо! Таня! Неси сковородку! – Таракан хитро улыбнулся, и кончики усов подпрыгнули радостно вверх. – У меня есть наливочка, вот такая! Сорок восемь градусов. Ух, вкусная, зараза! – выставил он большой палец, давая оценку своей самогонке, и им же потёр свой пока ещё сухой правый ус.

Ещё только услышав цифру градусов, ещё не продегустировав, я почувствовала в горле жжение. Но то, как он это сказал, заставило всю компанию, вышедшую на берег, улыбнуться. Саша спустился в катер, чтобы взять рюмки для взрослых. Их дочь скорчила физиономию от перспективы ждать, когда в общем-то не особо пьющие родители опрокинут стаканчик для приличия, чтобы не обидеть работников яхт-клуба, но молча пошла следом за Тараканом и даже помогла ему подтянуть две скамейки поближе к старому деревянному столу.

Мы стали помогать сервировать стол. Правда, сервировкой это было сложно назвать: вынесли из катера остатки еды, подготовили железную глубокую тарелку для жареных бычков, которые уже начистила и приступила жарить помощница Таракана Татьяна.

Это светловолосая и светлобровая девушка заслуживает отдельного места за тем самым столом и в этой истории. Мысленно я называла её Музой, всегда забывая настоящее имя. Помесь абсолютно земного, сбитого из широких костей, молодого, натруженного, сильного тела с большой грудью и огромными бёдрами, не мешающими ей двигаться со скоростью бриза по любой поверхности, поверхности моря тоже, и воздушной энергии, которую она вобрала в себя из воды и солнца, с которыми каждый день имела дело.

Когда зимой всё это царство замирало в коме, Муза продолжала жить здесь, у воды, служа сторожем для своих настоящих друзей разных верфей. Когда стужа высасывала мозг из любого прохожего, Муза продолжала жить в маленькой каморке, греясь двумя дуйками. В помощь ей была только собака Жуля, старая дворняга, всё ещё полная энтузиазма и готовая облаять любого, законно или не очень ступившего на землю этого государства – яхт-клуба. Когда холод уносил зелень и одевал всю землю в серое, только Музин громкий голос, как надежда, звучащий над этим временным захоронением укутанных брезентом лодок, мог согреть своим низким, знойным тембром это безмолвие.

Через минут двадцать мы уже все сидели за столом: моя подруга, её муж, их дочь, я, Таракан и Муза, которая часто водила руками по выгоревшим волосам, пытаюсь их уложить в ровные ряды. Челка всё время выбивалась непослушной волной, но Муза была упряма – наконец ей удалось приструнить её и заложить за ухо.

Таракан и Муза работали вместе очень давно. Об этом говорили лёгкая, мгновенная, секундная задержка тёплых взглядов и упоминание факта, что все рассказанные им истории Муза уже слышала. Любовники. Фантазия моя шаблонная. Чуть позже, оценив разницу в возрасте, предположила, что они отец и дочь. После некоторых ироничных комментариев Таракана и дерзких ответов Музы они перешли в категорию брат и сестра. Комментарии были даже интимного характера, но какие-то очень уж товарищеские, без нежности, поэтому в какой-то момент эта парочка зависла в моём сознании между категориями и ярлыками, а скорее, даже вне их.

Наташа, всегда сдержанная и воспитанная женщина, не забыла взять с белоснежного катера свои отточенные манеры. Она долго возмущалась, что ей придется пить незнакомый организму странный напиток, ещё и из бутылки, ещё и из пластикового стаканчика. При виде чеснока она поморщилась и с ужасом уточнила у мужа, будет ли он это есть. Когда тот кивнул, она перевела глаза на меня. Я ещё не сняла свои зеркальные очки, и, увидев откровенно брезгливую себя в отражении, она деликатно улыбнулась. А в улыбке очень стала похожа на собственную дочь, будем звать её Катей, которая тоже, почувствовав голод, отложила в сторону мобильный телефон и принялась за ароматных, слишком солёных для нас, в меру солёных по вкусу Таракана, жареных бычков.

Разлили по рюмочке. Закусили квашеными помидорчиками, которые Таракан достал из своей машины, служившей одновременно средством передвижения по суше, спальней, кухней и холодильником в ночное время суток. Бычки Муза жарила прямо в открытом багажнике, в котором была установлена электрическая плита.

Стол наш стоял у одного катера, так и не спущенного летом на воду: хозяин исчез, как рассказал Таракан, полгода уже трубку не берёт и не перезванивает. То ли случилось что, то ли обычное дело последних нескольких лет – есть дорогая игрушка, а денег на её обслуживание уже нет. Да и продать некому. В свободном хождении их нет ни у кого. Тем более, на подержанный катер, пьющий топливо жадно и бесперебойно, как престарелый разведённый алкоголик.

До нас доносились звуки танцующего города и подтанцовывающих ему людей – поющих, пьющих, приезжих или здесь живущих. Запах шаурмы и дорогих парфюмов из Аркадии, музыки разной тональности, разговоры и споры с припаркованных рядом, но ещё не освобождённых от людей яхт.

Красное, предвещающее и на завтра тоже ветер солнце закатилось за верхушку домика прокурора, оставляя за собой размытый кровавый след. Откуда я знала, что это домик обвинителя? Тут все его знали. Все домики здесь были двухэтажными, а в этом целых три этажа, всегда освещённых по фасаду ночью, но с тёмными окнами, в которых за все лето я так и не видела,

чтобы включили свет или показалась в окне чья-то тень, но мерцание подсветки привлекало внимание всякого любопытного – так я ещё в начале сезона узнала, кто до такой степени подчеркивал свою значимость достроенным не нужным ни одной живой душе третьим этажом.

К наспех, но талантливо импровизированному столу, как на свет, стали слетаться мотыльки – пришедшие в порт капитаны и гости их катеров и яхт. Сначала они бросали высокомерные взгляды на нас – роскошь, к которой они всячески тянулись, пытаясь за жизнь успеть перебраться из мещан в дворяне, не позволяла им по достоинству оценить то удовольствие, которое мы уже получали, сидя за этим ветхим столишком. Наташа пыталась сделать вид, что не увидела сходящую с соседнего борта свою хорошую знакомую. Я знала, что они друг друга знают, но та тоже прошла мимо.

Мы были такие же тянущиеся к роскоши мещане, но три рюмки тараканьего зелья сделали своё дело, и мы стали теми, кем есть – людьми, захмелевшими от высоких градусов. Таракан был прост в общении и с чиновниками, и бизнесменами, и их работниками, и их друзьями, и их подружками разной степени лёгкости поведения, а потому звал всех. Почти все, чуть помедлив, присаживались за стол. И абсолютно все хотя бы подходили потянуть по крайней мере одну рюмочку. Перед этой самой рюмкой домашней самогоночки здесь все были равны. Даже непьющие.

Объединённые общей идеей голода и желанием выпить люди, которых, казалось бы, невозможно объединить, перестали смущаться, стали чуть менее активно разглядывать друг друга и завязали общие темы. Они, к счастью, были: экономика, политика – не углубляясь в подробности, по верхам, погода, степень прожарки шашлыка. Здесь дебаты затянулись на почве нейтральности темы, ушли вглубь вопроса, в самое сердце каждого кусочка с любовью прожаренного мяса. Без крови.

Налили ещё по рюмочке домашней. Сморщились, причмокнули, переглянулись, улыбнулись.

Наташа после третьей рюмки ожила. Ожила по-настоящему. Ожила настолько, что я наконец услышала её настоящую биографию, а не заготовленную для простых смертных историйку.

Никогда я ещё не видела такого света в глазах, столько улыбок, столько прикосновений, когда она терзала моё плечо, стоило мне лишь на мгновение отвлечься в поисках идеальной закуски – квашеной помидорки или свежего огуречика.

За час я узнала о ней больше, чем за все годы знакомства. Как я люблю это могущество спирта! Мне эти сведения были не очень нужны, хотя звучало всё более чем интересно. Неплохой повод для нового рассказа. Или хотя бы очерка.

Но, думаю, более всего значимой эта информация была для неё самой. Вновь и вновь в красках и истинных чувствах она переживала всю свою жизнь. От школьных лет, потом последовавших за ними лет работы в Китае танцовщицей. Я не уточняла, что именно прикрывается за словом – то ли конспирация, то ли консумация, да и не хотелось. В её рассказе было столько романтики, что никакая действительность уже не сможет до конца разоблачить суть её обязанностей. Она была счастлива в этом своём диком прошлом.

Очередную рюмку женщина закусила рассказом о встрече с мужем – напротив её сидящим высоким, уже немного седым, но всё ещё с юными глазами мужчиной. Самогоночка и его сделала другим. Он внимательно разглядывал свою жену и иногда подмигивал.

Наталья захмелела и начала рассказывать пошлые анекдоты. Это так диссонировало с её обликом, тонкими запястьями, ровными чертами лица, ухоженными даже после рыбалки волосами и ярким, почти не измятым за целый день сарафаном. Я нагло заглядывала ей в рот, чтобы проверить, не поселился ли там чертёнок, который всё это говорит и растягивает её рот в невиданной доселе живой улыбке. Она светилась. Муж тоже расслабился и начал вещать. Он громко смеялся и часто вставлял совершенно неприличные слова. Сначала извиняясь якобы перед дочерью, а потом и её присутствие его перестало смущать. Мол, взрослая уже.

И только дочь, не доросшая до приглашения на алкогольное таинство, всё сидела, сторбившись и уткнув свой загоревший курносый носик в виртуальную поработощающую сеть. В момент очень уж скабрёзных шуток она поднимала глаза, глядя на родителей в поисках ответа, можно ли ей тоже смеяться. Тем было

не до этого. Было похоже на то, что интуитивно она и сама получала от происходящего удовольствие: счастливые глаза, да нет, даже не счастливые, а просто как-то необычно открытые глаза родителей – дорогого стоят. Хотя она и не улыбалась, но мышцы лица как-то подобрели, понежнели. Всегда готовый оскалиться на странных взрослых подросток расслабился. Можно и позже лечь спать. Лишь бы незапароленный вайфай с неподалеку стоящего ресторана вытягивал все запросы и не сбавлял темп выбранной игры.

Смех становился громче, тосты звучали чаще. Стульев не хватало, и компания отдыхала в три этажа – кто стоя, кто сидя, а кто на корточках. Четвёртый этаж отводился избалованной импортным кормом, но при этом не гнушающейся остатками еды со стола той-терьерихе Бэлле.

В какой-то момент на территорию яхт-клуба въехали три отполированные, надраенные до зеркального блеска чёрные тонированные бронированные тучи. Ой, ну какие тучи. Вы поняли. «Рендж-Рovereы». Проследовали в конец дороги, остановились у двухэтажного не самого красивого, но и не дряхлого домика. Встали очень близко к пылающему мангалу, но водителей это не смутило.

Из задней двери автомобиля, что двигался посередине процессии, вышел невысокий человечек. Видимо, очень высокий по должности, но физически невысокий. Проследовал в дом и через пару минут вышел на красиво уложенную плитку погулять с собакой – с молодым активным кобельком, не знакомой мне породы, потенциальным женихом нашей Бэлле, немного нервным, как, собственно, и его хозяин. Из двух других автомобилей люди не выходили. Охранники. Чего им охранять человека на закрытой территории возле собственного летнего домика в родном городе? Не человека, а мэра. Мэра нашего курортного городка. Собака рядом же, на всякий случай.

Он прогулялся взад – вперед, поздоровался со всеми присутствующими в радиусе действия уважения, с некоторыми даже за руку. Фотоаппаратов и камер рядом не было, но улыбался, как всегда, искренне. Собачка сделала все свои дела: один раз – под горшок с цветком у соседа, другой – под лодку, припаркованную на земле. Мэр на это внимание не обратил: он был осведом-

лён, что всё равно Муза поутру всё подметёт и, где надо, помоеет. От самогонки отказался. Никогда не знаешь, что эта расслабляющая сыворотка сделает с тобой. Тем более с мэром. Тут он был прав. Так что он со всеми попрощался и пошёл в дом. Охранники наконец тоже вышли из автомобилей и исчезли за дверью.

В былое время добропорядочные жители только бы учтиво посмотрели уходящему первому труженику города вслед. На этот раз под действием самогонки они бесчинствовали. Каких только политических сплетен не напридумывают мирные приморские горожане, одурманенные летней жарой! Мне не стоит передавать все эти подозрительные подробности, больше похожие на выдержки из антиутопий.

Представлялись все друг другу после каждой рюмки. Самые важные приплюсовывали к своему имени должности и отчества. Выясняли, кто кому кум и кума, сын или зять. Муза непроизвольно сгорбилась в уважении перед сильными мира сего. Таракан почесывал усы. И подливал живой водицы из пятилитровой бутылки. Особо важным – по края.

Мои друзья оживились, муж подруги нашёл общих знакомых, коллег и даже одну куму на двоих. Визгливая дворняжка Жуля скулила под столом, требуя костей. Той-терьериха Бэлла набила живот и с непривычки от такого простолюдинского обжорства спала у ног юной хозяйки, вздрагивая во сне.

Наташа между рюмками приблизилась губами к моему уху и практически беззвучно сказала, что женщина, которая только что прошла возле мимо нас, была несколько лет любовницей её мужа. Правда, много лет назад. Но была. Они здороваются, когда встреча взглядов неизбежна, в других случаях – никогда. Ещё рассказала о своих натянутых отношениях с дочерью. Никакого взаимопонимания и даже попытки примирения. Беспричинно. Безапелляционно. Наталья стала вытирать под носом сопли, должны свидетельствовать о страданиях, забыв о том, что руки её нечисты после несвойственного или подзабытого поглощения пищи руками. Я боялась, что жирными губами она мне испачкает ухо, и немного отодвинулась. Боялась, но искреннюю речь мне хотелось слушать больше. Я потянулась за зубочком чесночка и вернулась к шепчущим губам.

Есть одна тема для разговора, которая очень дипломатично и толерантно объединяет почти всех жителей Одессы, здесь прак-

тически не бывает расхождений во взглядах, ссор, пересудов, жарких споров и поводов к холодной войне. Любой человек, мало-мальски претендующий на наличие прециозного вкуса, это подтвердит.

Рачки. С ударение на первый слог. Черноморские креветки. Только не вздумайте их называть креветками в присутствии одессита, если не хотите вскрываться.

У Таракана была уникальная черта характера, которую невнимательный человек даже и не заметит и значения не придаст. Он был нетщеславен, оставаясь всё время в тени своих собеседников, не стремясь показать свою значимость. Но в этом-то и был весь расчёт. Он всегда умел подбросить темку для разговора или принести что-нибудь эдакое на стол, что и стар, и млад, и богач, и его очень дальний родственник могли чувствовать себя раскованно, свободно, согретые в лучах общего солнца. Или луны.

Так вот, принёс он металлический поднос, на котором лежала гора вареных рачек. Крупных, с икрой, правильно подсолённых, дымящих рачек. В Одессе их едят почти все – от домохозяйки до депутата городского совета. О мэре не скажу, точной информации у меня нет. Врать не буду, никто его у подноса того не видел.

Хотя я достаточно любопытна, часто сверх принятой в современном обществе меры, у меня всё же преотвратительно получается концентрировать своё внимание на наружных деталях: как выглядят люди, с которыми мне доводится общаться, на что похожи их лица и какого цвета сандалии на ногах, сколько морщин у глаз и есть ли они под носом, ровные ли зубы, какой формы нос и мочки ушей. А зачастую это важные люди, с которыми я общаюсь иногда каждый день, как эта семья, например. Но заставить себя запомнить внешнее могу далеко не всегда. Ну разве что-то совсем назойливое будет настаивать на моём внимании. А повседневные детали не запоминаю, да и уже не насилую себя. Например, гладко ли выбрит был мужчина, капитан катера, какого фасона юбка у дочери этой женщины, опустившей взгляд в мобильный телефон, и я даже не заметила, что у женщины, моей этой самой знакомой, новые серёжки с сапфирами под цвет глаз. И даже если я обращаю на это всё своё рассеянное внимание, и даже если прокомментирую кратко и обсужу, коль почувствую,

что это приносит важную приятность собеседнику, то всё равно вскоре забуду, не найдя пригодного места для этих мелочей в моей не самой просторной памяти.

Но есть то, что я обязательно запомню после кратковременной встречи или продолжительного общения и буду помнить это даже через многие годы. То, что действительно мне важно и интересно в людях, – это какой водой они наполнены внутри: прозрачной или мутной, стоячей или бурлящей, кипящей или обычной комнатной температуры. Вода из горной реки или тихого озера. Солёная или пресная, переполненная тяжёлыми металлами или дистиллированная. Хочется её пить через трубочку или большими глотками, наедине или подмешивая в гремучий коктейль, или лучше вычеркнуть данный сосуд – pardon, человека из списка любимых напитков. Вообще из своего рациона.

Часто страдая некоторым образом от этой невольной эмпатии, я научилась прикрывать крышку собственного сосуда, чтобы посторонняя вода не вздумала вливаться в меня, что раньше бывало нередко и действовало на меня не всегда гуманно. Сейчас я научилась просто смотреть на чужую воду. Просто чувствовать её, иногда сострадать, иногда игнорировать, улыбаться или ухмыляться, но по возможности не допускать смешения.

Так вот, к чему я это всё веду. Какая бы вода ни была внутри всех этих людей за столом, меня в том числе, домашняя тараканья самогоночка сделала своё дело – разбавила муть, добавила не то чтобы чистоты, но прозрачности точно. И всё стало каким-то ясным и простым, не всегда весёлым и счастливым – и моё собственное, и людей этих. Но улыбка умиления осветила моё лицо. Я прямо почувствовала её руками, поднося очередной правильно выжаренный кусок свежепойманных и свежезажаренных бычков.

Люди шутили, противоборствовали, особенно бизнесмены и представители закона, говорили друг другу колкости, гадости, записывали номера телефонов друг друга, потом чокались, обсуждали соседей, их жён, шутили над человеком напротив и над собой с неподдельными улыбками. Жирные ладони, перепачканные яствами, подносявшие к губам пластиковые стаканчики с эликсирами правды и ребяческой искренности. Саша в какой-то момент задумался и стал облизывать один за другим

пальцы правой руки. Поймал на себе недоумевающий взгляд дочери, инстинктивно хотел одёрнуть руку, но, не вынимая указательный палец изо рта, медленно, но очень широко улыбнулся. Катя впервые за день улыбнулась тоже.

Летняя ночь окутала теплой густой завесой резкие углы домов десятой станции Большого Фонтана, на которой стоял этот стол со всеми деликатесами, со всеми ничего не значащими разговорами, вскрытыми тайнами и выпитыми рюмками. Мне было так тепло среди этих странных, таких разных, чужих друг другу людей и то же время дышащих одним воздухом, смотрящих на одну и ту же чернь моря, озадаченных собственными вопросами и только одним общим делом – какой следующий тост. И к тому же Таракан любые темы разговора тщательно пересыпал новой порцией приперченных анекдотов и рачек.

Кто-то за столом поругался на политическую тему, кто-то нашёл общих родственников, моя подруга Наталья расплакалась, закурила и трогательно призналась мне, что тоже в далекой юности спала с мужем подруги. Муж гладил её по спине правой рукой, а левой вытирал ей нос. Кто-то замышлял новые сделки, кто-то клялся наконец рассчитаться. Один из присутствующих ни с того ни с сего показал средний палец тёмным окнам прокурорского особняка. За столом переходили с одного родного языка на другой, и только Таракан оставался толерантным ко всему – не забывал подсыпать на поднос рачки и говорил тосты на суржике.

Муза сидела какое-то время и наблюдала за происходящим, неподвижная, молчаливая, только глаза раскосые моргали и делались тем шире, чем громче становился гул общего разговора. Поглядывала поверх своего стаканчика то на Таракана, то на плачущую Наташу, то под стол, то на мужчин за столом, то на меня. Прибирала кости и грязные салфетки, разбросанные между тарелками, в кулёк. И молчала.

А в возникшей секундной паузе за столом вдруг тихо, как будто предлагая подсолить и без того солёных бычков, спросила:
– В чём, по-вашему, смысл жизни?

Сказала и покраснела. Она сидела спиной к уличному фонарю, и краски на лице видно не было. Но огонь, жгущий её изнутри, раскрашивающий щеки, лоб и испугавшиеся сами себя губы, заметить было не сложно.

Ответы последовали не сразу. Саша, муж моей подруги, вроде открыл рот для исповеди, но потом схватил помидорчик и начал жевать, не обращая внимания на текущий до локтя красный сок.

Таракан пнул ногой Жулю, но попал по Музе.

– Ай-яй! Чего ты?

Таракан хмыкнул.

– Шо, больно? Значит, живёшь! Вот и весь смысл.

Несколько мужчин за столом рассыпались в смехе с интонациями знатоков дела. Один из них начал:

– Заработать деньги, а потом их потратить. И за это я выпью стоя! – но встать он уже не смог, но всё же выпил свою пластмассовую рюмку до дна.

– Смысл – стать счастливым. Добиться всего, чего хочешь. Всё иметь для себя и своей семьи. Вот мне, например, много не надо: дом, машина, жена и дети. Двое. Лучше мальчики. Первый уже есть.

– Правда-правда, смысл в детях, – сказала моя подруга Наталья, а её дочка снова недовольно фыркнула. Это было похоже на какой-то особенный язык, понятный только им двоим. Она ничего не говорила и только фыркала на всё, но её мама никогда не переспрашивала и не пыталась уточнить, что именно та имеет ввиду под этим «хм». То ли мать таки понимала этот пубертатный язык, то ли ей не было до этого никакого дела.

– Смысл в любви, – поднимая рюмку для тоста, сказала неопределённого возраста блондинка в коротких джинсовых шортах, пришедшая неизвестно с кем. Вроде с бородачом, но, произнося эти слова, она обращалась глазами и улыбкой скорее к гладко выбритому мужчине напротив.

Таракан вынес ещё один поднос. На этот раз рачки были жареные. В масле, с чесноком, перцем, соевым соусом и разными душистыми приправками. Он поперёк разрезал лежащий на столе лимон. Инстинктивно слегка сморщился так, что усы встрепенились на смуглом лице. Сбрызнул соком рачки и засиял от собственного гастрономического триумфа.

Муза всё не унималась.

– Нет в этом никакого смысла. Не верю.

Таракан хотел ещё раз пнуть её под столом, на этот раз целенаправленно. Но не успел. Муза встала из-за стола, вмиг разделась до купальника, не смущаясь, медленно пошла к воде и между двух катеров прыгнула в чёрное ночное море.

Все устали на неё. Таракан чертыхнулся.

Девочка, дочка моей подруги, тоже встала, положила на стол свой телефон, сняла с себя шорты и футболку и побежала вслед за Музой.

– Куда ты, солнышко? – запинаясь крикнула пьяная Наташа.

Та, даже не оборачиваясь, шагнула с берега в тёмную воду.

– А Таракан, по-моему, влюбился, – сказал бородач, заняв паузу отрезвляющего восхищения решительной молодостью.

Все захохотали.

– Я не могу себе этого позволить – влюбиться. Я женат. А Танька – человечище.

И посмотрел вдаль мимо кораблей, мимо брекватера, мимо горизонта.

– А смысл – да вот он, перед вами, – и повел взглядом то ли на рачков, то ли на самогонку. Возможно, на пирамидку из солёных помидоров. Не буду ручаться, не до конца понимала направление его взгляда. Возможно, на море. И почти сразу же, без паузы Таракан крикнул и побежал к воде:

– Айда всем купаться! Шо, слабо?

Все, доверясь команде в общем-то человека подчинённого, побежали за ним и с криками разного калибра, тембра и возможностей голосовых связок, но единого смысла попрыгали в воду.

И бессмысленно было что-то уже говорить после того, как каждого омыла тёплая, схожая по составу солей с человеческой кровью, черноморская вода. Она смыла суету, и пустоту слов, и знаки препинания между ними. И ничего не было важнее, чем эти брызги, рассеивающие великое и ничтожное, чем есть люди, чем есть все мы – они, вы и я.

А я так и не представилась. Да просто одна из них. За столом. На берегу. В городе. На земле. Пытающаяся найти свой собственный сложный или облегчённый смысл. Подражающая одним и отвергающая своё сходство с иными. Я есть в каждом из них. И каждый из них есть во мне.

В тот вечер просто хотелось быть и просто чувствовать губами, глазами, ушами, руками и чем-то ещё внутри этот город и его людей. Разный, странный, парадоксальный, наспех и на смех перестраиваемый город. В этом наверняка тоже есть свой смысл. Поживём – понадеемся.

Так кто я? Во мне есть и что-то от мэра, и от его охранников, от дочери Натальи, и от самой Натальи тоже, и от солёного бриза, и чаек, ожидающих обедков, и от возмущённых волн, и от тихого песка, покорно принимающего истеричное море. И навсегда есть во мне эти рыжие пустынные обрывы, и покосившиеся, нависшие друг над другом курени Черноморки, и золотистые маковки мужского монастыря, и модные в этом сезоне или теряющие прошлогодние позиции и постоянных клиентов рестораны. И чудом уцелевший рыбколхоз с полуживыми лодками и полувоскрешёнными наспех сетями. И смотрящие вдаль с новой набережной мраморные гордые львы, прячущие за своей гривой ослов.

Я есть в каждом. И каждый из них есть во мне. И я очень верю, что во мне есть и старый Таракан и его Муза, их простые слова и прямые взгляды. И есть то необъяснимое, неуловимое, нежное, хрупкое, редкое состояние лёгкого забытья и беспричинного покоя, смысл, который только снится тем, кто на суше. Который они пытаются найти, купить, выменять, выслужить, украсть, отыскать вне себя, женить на себе, выйти за него замуж, выпросить, выудить, в конце концов, отобрать. Смысл, который не надо искать тем, кто живёт в гармонии с водой. Своей внутренней и той, что перед глазами. Кто ценит чистую воду. В стакане и в голове. И не важно, сколько в ней градусов.

Наливайте. Ещё по одной.

БОЖЬЯ МИЛОСТЬ
рассказ

*Что хвалишься злодейством, сильный?
Милость Божия всегда со мною.
Псалом 51. Учение Давида*

Этой зимней ночью разлютовался буран. В окоченевшем небе испуганно дрожали звёзды и тревожно смотрели, как я пробиралась по неосвещённой забалковской улочке вдоль подслеповатых домишек. Под окнами намело сугробы, и я «тихим, незлым» словом поминала тот миг, когда поддалась на уговоры знакомой тархтелки зайти к ней домой «на чашечку кофе» после поэтической студии. «Чашечка» растянулась до полуночи – «ты же рядом живёшь». Время было потрачено на пустые разговоры. Сейчас она – в удобстве и семейном тепле. А я пытаюсь добраться домой по проезжей колее, проваливаясь в замёты и неуклюже оскальзываясь на льду, скрытому предательским слоем снега. К тому же вьюга волчицей бросалась в лицо, забивая дыхание.

В небе нависла плотная пелена туч, сизовато подсвеченная по краям лунным сиянием. Внезапно облака разошлись в двух местах, а в разрыве сверкнул полный месяц. Я вздрогнула: в меня вонзились глаза тьмы. Один – пустой, смертельно-ледяной. В другом злобно вибрировал лунный зрачок, заливая жёлтым безумием весь подлунный мир.

Я смигнула. Да ну тебя! Двинулась дальше, предвкушая тёплую ванну, – скоро покажется родной дом. И совсем прозевала неслышно подкравшуюся ко мне тень. Слишком поздно поняла, что попала в ловушку...

Цепкая ручища властно и грубо впилась в правое плечо, умело затягивая на горле воротник:

– Попалась, тварь! Убью!! Ну, я тебе сейчас покажу, где раки зимуют! – прорычал над головой здоровенный мужик. Сердце прожгло болью, а снежинки на миг зависли в воздухе вокруг меня.

- Ну, гадина! Теперь я с тобой за всё рассчитаюсь!
- За что?.. Мы же никогда раньше не встречались...
- Выслеживать меня вздумала?! Убью!!

Громадная фигура заслонила звёздное небо. В морозном воздухе пахло смердящим перегаром. До тошноты... Алкоголь отшиб этому человеку разум, но не ослабил дикую физическую силу, достаточную для убийства... Это же надо – оказаться во власти слетевшего с катушек зверя!.. А он упивался моей слабостью. То стягивал, то ослаблял воротник вокруг горла. Выбирал: сразу придушить или продолжить жуткую игру. Я попыталась отрезвить его:

– Разве можно пугать на ночь глядя?! Посмотри: я же – сидя, тебе в матери гожусь! А ты – пугаешь! Если со мной инфаркт случится, тебе же придётся скорую помощь вызывать. Где ты кардиолога отыщешь среди ночи?..

Фразами отбивалась, как ударами шпаги. Понимала, что нужно перебороть его логику. Ведь беспочвенной, хаотичной клеветой это ничтожество оправдывает для себя момент нападения. Подавляет волю жертвы, обвиняя в несуществующих прегрешениях. Якобы виноватого легче подвергнуть вожделенному насилию. Делай, что хочешь, и совесть чиста. Ничего личного!

– Ну, ты, прикинь, – мужик перешёл на доверительный тон, загребая в кулак одежду ближе к горлу, – прихожу домой, а жена орёт на меня, ёлы-палы, зловоняю я для неё, отказывает мне – мне! – в супружеском долге. Ну, я так обиделся и ушёл. Врубилась? Баба мне нужна! Пойдёшь со мной!

С тоской глядя на сугробы выше человеческого роста, предстала, что откапывают меня только весной: когда растает снег в этой Богом забытой глухомани...

Да что же это творится?! Куда он меня тянет?.. Почему кто-то смеет покушаться на мою честь, жизнь? Всё это дал мне Господь!!! Но не это чудовище...

А может быть – заслужила?..

Добилась славы поэта, но не личного счастья или богатства. Кому нужны мои стихи, если на этом ломаного гроша не заработала?

Память торопливо перелистывала страницы жизни.

Отчего же раньше судьба щадила меня?

Как пощадил морской шторм. Не захлестнул, а позволил занырнуть ближе ко дну, переждать беснующийся вал. А следующая, более спокойная волна, вынесла на мелководье и поставила на ноги. И я успела удрать от прибоя на песок...

Как пощадил весной на Днепре змея, к гнезду которой приблизилась опасно близко. Я тогда стояла против солнца. Она прыгнула с ветки прямо в лицо, метя в зрачок, отражающий солнечное сияние. Увернуться от укуса было невозможно. Но гадюка не цапнула: пролетела у виска и шмякнулась в траву – только хвост мелькнул. До сих пор вспоминаю летящую мимо серую молнию, остервенело шипящую до свиста, острые клыки в разъятой пасти и холодные глаза со зрачками кошки...

Как пощадил матёрый секач-одиночка, с которым столкнулась лицом к лицу на узенькой тропинке среди камышовых болот. Умное животное ушло стороной, мощно подминая дикие джунгли колючей ежевики...

Мужик упорно тащил меня сквозь буран. Надсадно клял нерадивость жены и долдонил о своих правах на меня. А если уязвить его самолюбие?

– Послушай! Докажи своей жене, что ты мужик! Она же – твоя женщина. Покажи, кто из вас хозяин! Вот сейчас, иди прямо домой – уверенно! Подумаешь, орёт она, а ты поужинай, согрейся и ложись спать. Ты – хозяин в доме! Она покорится. И лады!!

– А вот не лады! Пойдёшь со мной!! – злобно рявкнул мужик.

В голове загудели колокола. Этого не может быть... Это – не со мной... Только не смотреть ему в глаза. Если взгляну – дам сигнал к нападению. Набросится – тогда не спасёшься...

Сбрасывая гипноз ужаса, перевела глаза на небосвод в сторону от страшной физиономии, распяленной сладострастным оскалом.

Неслышимая молитва вырвалась с такой силой, что сердце снова зашлось от боли:

– Небо! Небушко! Помоги, родное!

В этот миг в вышине, ещё не затянутой тучами, ярко вспыхнули три знакомые звезды, расположенные на чёрном бархате неба в виде золотой стрелы. Боже правый! Да это же Орион, Пояс Ориона! Он всегда указывает направление к Сириусу – двойной звезде! Два светила, белое и голубое, миллиарды лет летят вместе через ледяные просторы Вселенной.

Сириус – так я называла супружескую пару знакомых художников. Подобно двойному светилу они прожили жизнь в любви, не отрывая глаз друг от друга. Муж посвящал свои картины и стихи только ей – единственной избраннице, самой желанной и прекрасной женщине.

...Они умерли почти одновременно. Сначала ушла жена, а муж за короткое время истаял от тоски...

Я жадно любовалась Сириусом. Вдруг в ночной тишине слышались нежные слова:

– Защищайся! Немедленно! Защищайся мною!

Это был голос жены художника. Вспомнились её похороны в мае. Тогда потрясённые друзья принесли охапки ярко-красных тюльпанов. Женщина, лежащая в гробу, была охвачена со всех сторон тюльпановым пламенем. Смерть не затронула лица. Казалось, что красавица слегка прикрыла веки, наслаждаясь благоуханием весенних цветов.

Эта картина упорно стояла перед моим внутренним взором. Вот пламя лепестков начало разгораться, потянулось ко мне переливчато-рубиновым сиянием. Я вздрогнула: обжигающие языки прикоснулись к сердцу и оно горячо забилося.

Вновь послышался мелодичный голос:

– Защищайся – мною!!

В сознании вспыхнула логическая цепочка: гроб – смерть – ужас. Благодарю тебя, Господи! Вот оно!! Подобные личности панически боятся гибели и насилия над собой, до сумасшествия ценя только свою *собственную шкуру!*

Мы принадлежим к разным мирам. Я возрождала красоту, чтобы отдать её людям. А он влачил своё существование за счёт пожирания окружающей красоты.

Поэтому со мной идёт жизнь, а с ним – *смерть*.

А память продолжала перебирать все за и против...

Я не накопила денег?

Однажды скучающая богачка предложила знаменитому поэту за большие деньги огранить её халтурные строчки в высокую поэзию. И великий мастер искренне посоветовал:

– Выторгуйте за свои богатства поэтический талант у Творца!

Да я – богатейший человек, потому что обладаю величайшим духовным сокровищем, перед которым все деньги рассыпаются в прах!

Я никому не нужна?.. Тогда почему ко мне обращаются за сердечным словом и надеждой, чтобы во время горя и обречённости вырваться из удавки самоуничтожения?.. Какой монетой можно оценить такое?

Почему сейчас, на этой заброшенной улочке, так болит сердце?.. Наверное, о неоконченных произведениях?.. Которые ждут! Значит – нужна.

Я – нужна людям!

Гордость переполнила душу.

Неосвещённая улочка темнела впереди разверстой драконьей пастью. Вокруг, под тусклыми отсветами низких окошек, теснились сугробы. Сборище привидений...

Моё зимнее пальто зелёного бархата приобрело глубокий мрачно-чёрный оттенок, а фигура в капюшоне выглядела запрельно мистически...

В душе забурился могучий поток желания жить, озорства. Эта сила охватывала тугой стойкой пружиной, вытесняя мучительную обречённость и дрожь.

Так этот упырь нуждается в женском тепле? Жаждет бабу?

Получай же любовь! Только выдержишь ли испытание любовью?..

Я резко остановилась и успела железной хваткой зажать пальцы мужика, уже рвущие пуговицы.

– Ты чё?.. Ты чё?.. – растерянно зачастил верзила.

– А всё! Лады!! – мой низкий, левитановский от волнения голос взорвал тишину, словно ангельские трубы в судный день.

Я вонзила взгляд в мучителя и, гневно сверкая глазами изпод капюшона, швыряла тяжёлые яростные слова в тёмный провал его лица:

– Пойду с тобой! Но и ты пойдёшь со Мной!! Дорога у нас одна! Вместе будем...

А потом, ткнув указательным пальцем в сторону улочки, ведущей к старому заброшенному кладбищу, угрожающе зашипела:

– Узнал Меня?.. За тобою, за тобою пришла... Моя дорога – оттуда и обратно – возвращается в те же пенаты. А ну, пошли! Любишь Меня?! Вместе ляжем. На кладбище могил не счесть. А тебе подберём! Пошли!!

И уверенно двинулась дальше. Мужик какое-то время тянулся следом.

В азарте я не заметила, когда наглая ручища соскользнула с горла, а фигура «жениха» растворилась в ближайшем переулке.

– Эй, ты где?.. Куда подевался? – ещё в образе, деловито позвала его.

А потом ладошкой хлопнула себя по лбу:

– Недотёпа! Беги отсюда!

Оказалось, что мы прошли не больше двух кварталов. Несколько минут жизни...

Вскоре я оказалась возле дома. Ветер приутих. Надо мною запахло ночное небо с алмазными россыпями созвездий. Облака надёжно упрятали бесноватую луну. Я откинула капюшон. Разгорячённое лицо приятно охлаждал ветерок.

Вошла во двор и увидела, что яркий жёлтый свет из окна нашей кухни освещает двор. Это мама позаботилась: осветила мне дорогу к подъезду.

Я протянула руки перед собой. Пушистые снежинки сверкали в золотистом сиянии и маленькими звёздочками доверчиво ложились на ладони. Они вальсировали прямо из созвездия Ориона. Со стороны Сириуса.

Всё ясно: это небо дарит мне солнышки всех дней моей будущей жизни. Множество утренних солнц! Потому что я тоже – Сириус! В паре со мной сияет Красота!

Благодарю тебя, Господи, за Милость Твою!

Через полчаса я уютно свернулась калачиком под тёплым одеялом. На самом дне глубокого сна, наслаждаясь звучанием каждой буквы, прошептала:

– Конечно, Сириус!

Соседи

ОЛЕГ ЗАЙЦЕВ
Минск

ТОЧКА ОТСЧЁТА

Живыми усами движение стрелок,
Как бег барабана – беспечностью белок:
Тик-так, тик-так,
Круги Архимеда – кольцо циферблата;
Копейка в кармане – не время для блата:
Свет-мрак, свет-мрак.
От первого крика до смертного хрипа,
От чёткого стука до ржавого скрипа –
Миг-ноль, миг-ноль.
Движение по кругу, как цирка арена,
Смеюсь я, но смех на губах моих – пена:
Бег-боль, бег-боль.
И камни крошатся, и звёзды сгорают,
Упав на безумцев, толкают их к краю:
Град-гром, град-гром.
Мечты на молитвы мерило меняет,
И реквием вечный вдогонку: меня нет –
Бим-бом, бим-бом!

ПАЛАЧ И ЖЕРТВА

Он тихо плакал в колыбели:
Звучал тоскливо детский плач,
И новорожденному пели
И повитуха, и палач.

А он мужал, тянулся к свету,
Уже с судьбой играя в мяч,
На всё он сам искал ответы –
Их выдавал ему палач.

Удача с ним была любезна,
Но приступили годы вскачь.
Из тихо тикающей бездны
Косится пристально палач.

Кажись, вот-вот из колыбели,
Да только возраст – хоть ты прячь.
Заглянет в зеркало – ужели
Оттуда щурится палач.

Всё – точно в застаревшей сказке:
Промчалась жизнь – закончен матч.
Лежат они в одной могиле
Вдвоём – и жертва, и палач.

ТЕНИ

Словно тени, идущие в ногу,
Подражаем во всём и везде:
Подражаем Мамоне и Богу,
Вторим Мраку и вторим Звезде.

Если ж честно, как пред аналогом:
Мы, натуру свою обходя,
Вторим трусам и вторим героям,
Подражаем толпе и вождям.

Отвергая и чувства, и волю,
По пустыням и по городам
Подражаем богатым и голи,
Вторим слугам и их господам.

Оттого наши лица – личины
(Мы не в силах себя превозмочь),
И, как дым от задудой лучины,
Зыбкой тенью уносятся в ночь.

***

Родина малиновым кустом
Поманила в дальние пределы.
Молча осенью себя крестом,
В чашу зашагаю шагом смелым.

Затеряюсь в тропках наугад,
И вдыхая запах спелых ягод,
Вдруг пойму, насколько я богат,
Избежав чужбины дальней тягот.

Тиньканье ли пташечки лесной,
Или попрыгунчика в ложбине
Я воспринимаю, как чумной:
Ими грезил, брежу и поныне.

Выйдя на полянку в солнцепёк,
С перьевыми закружу я в танце...
Да хранит мой край родимый Бог,
Не порабощают иностранцы.

В чашу опускается закат,
Комариный звон лелеет душу:
Я безмерно, сказочно богат
Тем, что эту сказку не нарушу!

***

Стучит и пульс, стучит и клюва бронь,
Он кардинал: он в кардинальской шляпке.
И если вдруг на промысле, не тронь
Его, не тронь пернатой лапки.

Повсюду стук, и эхо берedit
Чужую душу, скрывавшуюся в соснах.
Он платит щедро, но живёт в кредит:
Природе независимость несносна.

Не глаз – алмаз: не спрячутся нигде
Ни гусеница и ни жук, ни мошка –
Стучать рождённый, держит он в узде
Тех, кто природу точит понемножку.

Он мессу монотонную с утра
Зарядит, и почудится в округе,
Что жизнь не однозначна, а мудра,
Что кроны не податливы, упруги.

Рябит в глазах прекрасная пора,
Всё создано для наслажденья вроде,
Как жаль, что принцип «горе – от ума»
Срабатывает в точности в природе.

***

памяти И. Бродского

Мы одиноки оба, каждый – в меру,
Которая вместила в чашу жизни, –
Свою ты отпил, я – пока что мерю...
Насмешник: «Поперхнёшься, тут же свисни».
Но если одиночество сольётся
Ещё с одним – коктейли нынче в моде –
То кто из нас нырнёт на дно колодца?
Ответ туманный: «Это – по погоде...»
Погода – дрянь: столетье на исходе,
А вместе – и великие поэты
Из жизни всё уходят... «Все уходят» –
Спокойно возражаешь мне на это.

Согласен. Но уходят, не кивая
И даже не окончив разговора,
Ты, впрочем, за своё: «Строка – живая,
Она опять сведёт Вас. И до скоро...»
Скорее бы: теперь уже нет мочи,
Ещё чуть-чуть – кажется, завою.
Но ты умолк? А кто же напроорочит,
Мне – чашу иль – в колодец, с головою?..

***

И иней серебрит поляны,
И красный лист дерева жжёт –
Октябрь зализывает раны,
Диск лунный, как монета, жёлт.

В молочном мареве кварталы,
Хватив простуды через край,
Вдруг заблестели, стали алы –
Мелькнул луч солнца, как искра.

И заморозкам наступая
На пятки, в Минск спешит рассвет.
И в шарф закутавшись, любая
Синоптик здесь и краевед.

Вновь клёкот стай, летящих к югу,
Вновь запах выпревшей травы:
Природа мечется по кругу,
И увядает всё, увы...

Осенний холод, отрезвляя,
Подсказывает нам уже,
Что скоротечна жизнь. И зла я
За это не держу в душе.

***

Я в звёздном сиянии читаю загадку,
Я вижу в созвездиях ребус небес,
Мерещится, что во Вселенной украдкой
Невидимый кто-то исплакался весь.

Слезами летят метеоры на землю,
Горошиной катится в небе болид:
Я тихо ему, Неподвластному, внемлю
И осознаю, что, конечно, болит.

Попробуй сдержаться, когда под тобою,
Двуногие твари, себя возомнив
Богам, снуют по планетам гурьбою,
Топча благолепие солнечных нив.

Когда, изуродовав тело земное,
За тело небесное смело взялись,
Забыв об Атрахисе, Напишти, Ное,
Ракетой плюют в непроглядную высь.

Терзается небо пред выбором новым:
Всё заживо сжечь или снова потоп?..
Шифровки небесной опять не уловим
Мы смысла, чтоб выжить, исправить чтоб.

Кроссворд вдруг осилю у россыпи звёздной –
Прошепчут разгадку Вселенской беды:
Одумайтесь, люди, пока что не поздно...
Узнал?! Так попробуй их сам убеди!

Спасти человечество – вот ведь забота,
Но, видя дрожащих небес окоём,
Глаза в нём ищу безнадёжно кого-то:
Теперь мы ночами рыдаем вдвоём.

АЛЁНА АСЕНЧИК

Гомель

УЛИТОЧКА

*Мне поведал старик-бедолага,
Как тропа превращается в путь.
В. Дударев*

Время на кухне событий заварит кашу,
плотную: ложку воткнёшь – и застынет ложка...
Прячься, улиточка, в домик: снаружи страшно.
Ты ведь не веришь, что всё это понарошку?
Выкрикнешь «чур меня» – и сокрыта чуром!
Домик всегда с тобой, как вторая кожа.
Правда, реальность грозит обернуться чудом,
если ты домик покинешь и уничтожишь...
Ложку, другую, третью... Почуешь, кто ты,
если отдашь за это свои полцарства!
Знаешь ли ты, как путями становятся тропы?
Просто учись терять – и тогда воздастся.

ВОТ ЖЕ...

«Вот же бывает – кого-то зовут Рахилью
или Анной там, Василисой – тоже нехило!
А тут вокруг всё какие-то пуськи бятые!
И что мне от заповеди твоей «жги глаголом»,
когда шуруешь по миру как будто голым,
потому что имя тебя везде выдаёт, проклятое»

Глокая Куздра не спит, удручённо охая:
«Господи, ну за что?! Почему я глокая?!
Может, из предков кто учудил когда-то?
Только послушайте: ку-у-у-уздра! Тьфу, болезнь!
Будто бы по стеклу полоснули лезвием.
Разве что на смех Бокру и его бокрятам».

А когда за окнами то ли светало, то ли варкалось,
вдруг почудилось Куздре, что имя, по сути, малость:
положишь в рот – оно и тает, как сахар в чае!
Вон дерево, что ни возьми, – почти всегда одноного,
а люди не это видят, а ветки, которых много:
никто же его за это инвалидом не величает!

Бокр под утро укрывает заснувшую Куздру:
опять её в мыслях чёрт-те где носило!
целует её тихонько
и вдыхает запах – родной, любимый невыносимо...

ВЫБРАТЬ ВСЁ

*Оставляю разным (но не всем)
будущим временам мой сад...
Хорхе Луис Борхес*

Фан снаружи вполне обычный. Живёт, работает, выращивает сад.
Любит кошек. Играет в шахматы. Строен. Темноволос. Усат.
Но ходят слухи, что Фан непрост,
что есть у него то ли тайна, то ли тайник.
И как-то пришёл к нему некий Чао и выложил напрямик:
поделись, мол, своим секретом,
я же чувствую: что-то с тобой не так!
Ты сейчас мой друг, отвечает Фан, ты сейчас мой враг.
Заходи-ка в дом: я открою тебе секрет –
удержать не осталось сил.
Чао выслушал Фана, взял на кухне нож и его убил.
Испаряясь в небо, Фан успел подумать,
отразившись в чужих глазах:
это был мой враг...

В это время Чао, который друг,
от услышанного став мощнее льва и агнца покорней,
ощутил, как тайна в него всего запускает корни,
и закричал от радости, не сдерживая пыль...

А ведь растрезвонит всем, испугался Фан,
взял на кухне нож и его убил.
Чао успел подумать, паря над Фаном прощальный круг:
а говорил, что друг...

В это время Чао и Фан,
попивая чай, размышляли над странностями путей:
они те же Чао и Фан, что были вначале, или уже не те.
А вокруг расходился тропинками сад,
шелестя, нашёптывая, жужжа...

Кстати, с тех пор в доме Фана почему-то нет ни одного ножа...

ГРАБЛИ

Какой-то странный у событий фон.
И каждое – имеет тень и эхо.
А ты и тем, и этим окружён
во внутренней пустыне неуспеха.
Ты словно видишь всё издалека,
предчувствуя своё «святое» место,
как за мгновенье чувствует рука
сюжет ещё не сделанного жеста.
И, как всегда, судьбой неуловим,
не вставлен в скучный ритм земного толка,
и потому для мира – аноним,
живущий в ирреальности. И только...

А может, всё не так, и ты не тот,
и в целом плохо представляешь, где ты;
твоя судьба тебя переживёт
и будет временами слать приветы
из будущего в ныне: дежавю,
отрыжка изобилия событий.
И быт пока согласен на ничью.
Ты – не согласен раствориться в быте...

В который раз на грабли – всем собой,
как будто недолюблен и ограблен
своей судьбой, и снова рвёшься в бой...
Но боже ж мой, смени хотя бы грабли!

ВРЕМЯ НЕ ЗНАЕТ...

Поздний рассвет темнотою выпачкан,
смотришь в окно, как в квадрат Малевича.
Запах эспresso и свежей выпечки –
в зимнее время такие мелочи
ближе. Как будто бы больше не о чем...

Утро пришло – и встаёшь как миленький,
тащишь себя из уюта шаткого.
Цифрами время бежит в мобильнике;
планы – магнитом на холодильнике:
не уследишь – закидают шапками...

Выглянешь в мир – а ни грамма плоского:
всюду в пространстве одни неровности!
Чтобы душой отдохнуть от плотского,
я бы сейчас почитала Бродского,
но почему-то читаю новости...

Ем не наемся их горькой мякотью:
так научаются жить отравой...
Время тоскует незимней слякотью:
люди воюют – кому быть правыми?
Время не знает – смеяться, плакать ли...

БЫЛА БЫ ТЫ РУКОДЕЛЬНИЦА, МАСТЕРИЦА...

Была бы ты рукодельница, мастерица:
вязала, шила, крестиком вышивала!
А ты слагаешь песни, дрянная птица,
да сны цветные прячешь под одеяло.
Была бы ты красавицей что есть мочи,
носила б юбки модные до колена,
а ты и длинные жалуешь-то не очень!
И Бог находит тебя на исходе ночи
неспящей, бледной – натурщицей для Гогена!
На части рвёшься: днём говоришь – «уснуть бы»,
а ночью – «я ещё помечтаю малость!.. »
Так людям время Бог изорвал на судьбы.

Скажи спасибо, что и тебе досталось...

С ЯКОВА НА ФЕДОТА

Вкус жизни и возраст обычно приходят вместе:
такой вот коктейль, в котором и дар, и грех...
Нас время стирает, как буквы на палимпсесте,
и новый текст записывает поверх.

Меняет стилистику. В сторону нарратива.
Рисует штампы, шепча: «сокровенный клад!»
Да лишь бы чернил подольше ему хватило...
Хотя... А если был бы иной расклад?

Представь, что мы начинаем отсчёт с конца,
с морщин и пятен старческого лица,
с дрожанья рук, выстрелов в пояснице.
С того, что кто-то всё нам уже сказал,
и хоть неверны шаги и мутны глаза,
но вскоре им начертано проясниться...

И опыт будет таять, но пока ты знаешь,
Кого обретёшь, кого, увы, потеряешь.

И каждый день, многослойный, что канапе,
ты будешь на шпажки нанизывать и т.п.
Не брать у дней ты будешь, а возмещать им.
Вернутся зубы, волосы. А в конце
они исчезнут снова. И на лице
младенческом отразится немое счастье...

Ведь жизнь, она, говорят, не кончается: якобы
Переходит, как та икота, с федота на якова.
А потом, я слышала, как знающий говорил кто-то,
Обнуляется и снова – с якова на федота...

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ
Москва

ШЕСТЬ СТРОК ЛЮБВИ

не помню о Хроносе о палаче
когда ты лежишь у меня на плече

а чувство сильнее любого огня
когда ты лежишь на плече у меня

и я не хочу ни в Нью-Йорк ни в Париж
когда на плече у меня ты лежишь

ПРОЗРАЧНЫЙ МИР

Казалось бы – триумф, казалось бы – успех.
Но есть такой успех, что хуже, чем напасти.
Ни слова похвалы я не найду для тех,
Кто прикарманил власть и одурел от власти.

Казалось бы – провал, казалось бы – привал.
Но, думаю, привал мне пособит в дороге.
...Покуда я дышу, покуда не пропал, –
Не буду унывать и подводить итоги.

ЧТО ДЕЛАТЬ

Что было бетоном, то стало трухой.
Что было барьерами – стало мостами.
И самый хороший и самый плохой
Довольно легко поменялись местами.

Что делать? Лишь то, что не делать нельзя.
Лишь то, что велят делать Бог и таланты.
Спокойно, размеренно, не лебезя
Пред суетным миром, лишённым константы.

ПРЕДАТЕЛЬ КРОТОВ

Предатель Кротов был агент Гестапо.
Предатель Кротов был страшной сатрапа.
И, землю убивая и топча,
Он был страшной садиста палача.

Среди убийц, предателей, сексотов
Был самый страшный, самый грешный – Кротов.
А женщинами Кротов был любим.
А женщины судьбу делили с ним.

...Душа – мишень в бесчеловечном тире.
Я ничего не знаю в этом мире,
Хотя, казалось бы, не лыком шит.
И опровергнуть жизнь меня спешит.

ПУТЬ

*«по левую руку – Лондон,
по правую – Магадан».*
Е. Монастырская

Пустырём, буераком
Я иду сквозь года.
Я не буду «засраком»
И героем труда.

Не шустер и не ловок,
Я иду, дуралей,
Мимо стрёмных Рублёвок
И огромных рублей.

Мимо старого мира,
Мимо новых знамён.
Хоть сейчас не до жира,
Мне футурум знаком.

Я осилю дорогу,
Хоть беснуются псы.
Я иду, слава Богу,
Не попутав рамсы.

Я иду, вдохновенно
Глядя по сторонам.
Слева – пьяная Вена,
Справа – злой Магадан.

Я иду, я на воле.
Я погиб и воскрес.
Слева – минное поле,
Справа – поле чудес.

Злиться, хныкать не буду.
Я шагаю вперёд.
Много разного люду
Нынче рядом идёт.

КОЛЕЯ

Галина Рымбу пишет о вагине.
Имеет право. Почему бы нет?
А я пишу о женщине-богине,
Властительнице судеб и планет.

Камиль Хайруллин пишет о космистах,
О будущем, которое грядёт.
А я пишу о бархатцах лучистых,
А также воспеваю огород.

Эмиль Сокольский пишет вдохновенно
О сборниках стихов, что прочитал.
Наверно, каждый пишущий – антенна,
Что ловко ловит времени сигнал.

Наверно, каждый пишущий, как воин,
Отстаивает линию свою.
Наверно, каждый пишущий достоин
Найти свою, как в песне, колею.

НАД САМИМ СОБОЙ

А жизнь сегодня в дверь не ломится,
Да и в окно не хочет лезть.
Жизнь точно бывшая любовница,
Вершащая коварно месть.

Болячки. Боль. Всё откровеннее
Ограничения – во всём.
Недоумение. Смирение.
Так и живём,

Давя в себе рефлексy рвотные,
Горя в невидимом огне.
Цветы, домашние животные
Сочувствуют, вздыхая, мне.

Но я уверен, всё наладится,
И рано объявлять отбой.
Я полечу, как шоколадница,
Над болью, над самим собой.

ЛЮДМИЛА КАЛЯГИНА
Кирыят Ям

КРЫМСКОЕ

Спины медвежьи – скалистое недогорье,
Ветреное, исхоженное, ничьё.
Низкие тучи, бегущие краем моря –
Ласковое мохнатое дурачье.
Степи премудрые тучны, а может, дымны.
Дыму не быть, как водится, без огня.

Чёрное море, бегущее краем Крыма,
Встряхиваясь, забрызгивает меня.

ПЕСЧАНОЕ

Тишину натяни покрепче.
Задеваешь – она звучит.
Из песка можно сделать вечер,
Белый замок и две свечи.

Мир, хранитель чужих историй,
Так кристален и так гранён.
Из песка можно сделать море,
Синий замок и вечер в нём.

Точка в сказке ещё нескоро,
В книге краска ещё свежа...
Из песка можно сделать горе,
Красный замок и в нём пожар.

НЕБОВО

Понятно, земле – землёво, а небу – небово.
У неба нельзя просить, а тем паче требовать,
У неба всё непонятно и всё загадочно:
Какую прячет звезду в бархатистых складочках,
И как раздобыть, и как применить на практике?
Его облака закручены, как галактики,
Межоблачные прорехи светлы и пристальны,
В него корабли уплывают и ищут пристани,
А крики в него уходят гудками длинными.

Понятно, земле – землёво.
Но как обидно-то.

ДУРОЧКА

Себя сломать
Засохшим стебельком
Легко и хрупко
Сойти с ума
И бегать босиком
В цветастой юбке
И не скрывать
Обветренной губы
И пяток сбитых
И обнимать
Любимых и любых
Любых любимых
Жевать пирог
Упитья молока
Измазав губы
Смеяться впрок
Смеяться невпопад
Смеяться глупо
Смотреть не так
Не доброй, не плохой

Ни зла, ни силы
И не читать
И не писать стихов
А думать ими
Не от ума
От неба, где слова
Звучат и светят
И обнимать
Любить и обнимать
И тех и этих
Кружение
То звёзды, то земля
Одно и то же
Блаженная
Своя и не своя
Своя и божья
Сойти с ума
Где высота, где дно
Где свет задули
И обнимать.....

А умной не дано
Что можно дуре

ПОКОСНОЕ

Скосит – и падай – в лето, в цветы, в траву.
Боже, не надо, я же ещё живу..
Лук и стрела, тугой непослушный нерв,
Мой некрылатый, мой однокрылый эльф,
Спрячь меня рядом, спрячь и не уходи.
Боже, не надо, Боже, тебе водить..
Скосит – и падай – в Лету, в траву, в цветы.
Господи, я живу.
Потерпи и ты.

ТРУБНОЕ

Вложи записку в трещинку стены –
Что небо есть, но звёзды сочтены,
Что съёжилась земля в сухие комья,
Что дом стоит, но треснула стена,
Что надо разучиться вспоминать
И как-то жить, не разучившись помнить,

Что парусник лежит на берегу,
И течи нет, и крысы не бегут,
И дышится остыло и устало,
Что в цветовой палитре – Ч и Б,
Что Я и Ты сидели на трубе,
Что всё нормально.
Только «и» пропало.

ПАНТЕРЬЕ

просто беги Багира просто опять беги
день опоздавший к миру вставший не с той ноги
день продают пакетно ночь продают вразвес
есть на столе анкета есть на бокале блеск

обведена фигура есть отпечаток шин
просто пиши не думай просто опять пиши
кто не стоит на месте будет к утру спасён
нет ни стыда ни чести просто беги и всё

нет ни кнута ни кляпа есть пустота внутри
ну собирайся тряпка выжмись и соберись
жил себе не боролся не был не состоял

солнце родное солнце
солнце храни меня

ГРАНАТОВОЕ

Залетье прогорает, но горит,
Разбрасывая искры-сентябри
На солнечно измученные кровли.
Благословенны солнцем и лозой
Рождённые в гранатовый сезон –
Безумные с густой и терпкой кровью,

Подлетьши, росток, ещё росток –
Им нет пути без красок и цветов,
Их тёплый мир хорош и беспризорен –
Не знают равновесия Весов
И пригубляют густокровный сок,
Уже не пересчитывая зёрен.

ТАТЬЯНА ВОЛОШИНА-ОРЛОВА
Кишинёв

***

В этом доме случилось
Преображение.
Непорочной девы
В Еву.
Вышла,
Выпросталась
Сама из себя,
Как бабочка,
Как змея
Сбросила старую
Кожу,
Надела новое платье,
Вышла из дома.
Не ходи,
Не ходи,
Останься.
Но дом теперь и не дом.
Вышла в туман.
Цепляет платье репей.
Вышла одна.
Впереди –
Ни города,
Ни людей, ни домов.
Туман да река.
Будто не создан мир,
Будто никто не назван
По именам.
Страшно?
И никого.
Только река, уходящая
За края.

Река, которая знает какую ты
Станешь,
Какой была та
Ева –
Непорочная дева
И ты –
Дух, обернувшийся в новое
Платье,
Девочка, ставшая женщиной,
Мать не родившая,
Но всё же познавшая
Материнство.

***

День как вода уходит в песок.
Топчет ногами толпа
Наши тени,
И мы наступаем на чьи-то
Прозрачные серые контуры.
Мне дышит в лицо асфальт.
Тебе в колени – пустыня и море.
И встречные идут не
На встречу, а мимо.
Их тени, как
Бестелесные двойники,
Скользят по твоим ногам,
По твоим плечам, по
Тонкому платью,
Не задевая.
«Сто лет одиночества»
На многолюдной планете.
Внутри, в животе, шуршат
Сухие трупики мотыльков.
Порой так хочется воскрешения,
Но смерти не существует.

ЗМЕЙ

Над макушками больших пальцев
Правой и левой ноги зажегся солнечный
Нимб.
Пальцы и ноги мои безгрешны,
Как неразумные твари, безумные люди,
Невольники или рабы.
Шагать навстречу тебе, идти за тобой
Их заставляло то, что сладкими волнами
Змеилось в моём животе, качалось в такт
Зелёного чая
В красном и длинном поезде,
Который нёс во чреве меня, а во мне
Отраженья чужих романов и судеб.
Помнишь, кружились чаинки,
Под дурашливый ход меренги?
Тогда я не думала о тебе. Я думала
О неуклюжих ногах.
Я начинала танец не с той. И ты говорил:
Стоп. Сначала.
Мы останавливались,
Вновь начинали.
Считали ритм и секунды.
Безвинные пальцы касались
Друг друга. И где-то, даже не в мыслях,
А между таился с виду милейший,
Почти сувенирный, открыточный змей.

***

Мы лежим на ковре-самолёте.
Он потёртый. Когда-то был красным.
Когда-то и мы были такие
Лёгкие, что под нами летали ковры.
Вот, и этот тоже.

Кажется, на нём мы отправились
В кругосветное,
А теперь вернулись
Тяжёлые, полные до краёв
Странами, людьми и светом,
Не белым, конечно,
Скорее пёстрым, как молитвенные
Флажки на буддийском храме.
Эй, не вставай.
Будем любить и молиться,
Здесь, на родном и знакомом ковре,
Обратившись сердцем к тому,
Что свято для нас обоих.
И ощущать невесомость
От бабочек в животе
И дальнего, пока еле слышного
Благовеста.

И НАВСЕГДА ЗАБУДЬ

I

Судачат на скамье
Соседки.
Что я весёлая.
Но грустных нас
Кто нынче жалуёт?
Живу,
В пятиэтажном доме.
В двухкомнатной.
Не жалуюсь
За окнами
Тенистый двор,
Забор
Уже другой, не тот
Дощатый, замкнутый
В кольцо,

Как змей молдавский.
Кто нынче вспомнит
Эту сказку?
И кто поверит,
Что однажды летом
Тут было гетто.

II

Смеются,
Ну-ка покажи!
И пробуют отнять.
Но я упорно
Держу в кармане
Бабушку и маму –
Рисунок мятый.
Детский сад.
Мне пять.

III

Сидим на пляже.
Папа рассказывает
Один анекдот
Про тётю Сару
Которой гостинцем несут
Бутерброд.
И другой про еврея
По имени Ребе
Про Софу его жену.
Папа хохочет,
Мимо толпа прохожих
Два белых,
Один чернокожий.
А я сержусь.
Как некрасиво.
Не толерантно.

А папа:
Да, кстати, знаешь,
Что мы
Еврейские эмигранты?
Запомни, ты слышишь?
И навсегда забудь.

ЛИЦО

pape

Сквозь сумрак
Родные черты проступили,
Тени твоё лицо расчертили
Болью и смехом –
Эхо прожитых лет.
Тебя поведу на свет
И растворятся тени.

СТАРИК И МОРЕ
рассказ

Песчаный берег и бескрайние воды. Место встречи стихий, естественный природный перекрёсток. Штиль, ещё не жаркое солнце. Благодать, никакой явной вражды. Но это если не всматриваться. Внимательный наблюдатель подметит, – море насылает на берег волну за волной, которые в отчаянной ярости шипят, пенятся, а затем уходят в почву или отступают. Мелкие пограничные конфликты. Я подошёл к хижине старика, лачуге из окаменевшей от соли растительности, кажется то были листья королевской пальмы. Сетей, этих флагов царства рыболовов, здесь не было. Старик их давно продал. Ужасна глубина падения в наше утилитарное время, когда символы утратили свою значимость. Улавливает ли старик ещё какие-то души или блажь ушла вместе с мечтаниями молодости? Впрочем, возраст обязывает. Давно пора остепениться. Ах, как важно быть в этой жизни серьёзным, не улыбаясь навстречу каждому лучу солнца, которое не замедлит с ударом. Но от нас ли зависит наш жизненный тонус? Однажды в Сан-Франциско старый лавочник-дзен-буддист толковал мне о метемпсихозе. После смерти души людей на короткое время обращаются растениями. И от этого непродолжительного пребывания на земле зависит истинное, следующее длительное воплощение. Скажем, душа – виноград. Поклевали его птицы, обитать и душе в птице. А если сделают из него вино, то душа воплотится в каком-то жителе северо-западного средиземноморья. Вот – трава. Съела корова, быть короной, а лошадь – лошадью. Если же траву выжгло солнце, то быть человеку террористом, пиротехником или пожарником. Разные гуманитарии и люди духа проникают на землю через марихуану. Если их... или её... выкуривают, получают «люфтменшен».

Между тем, рыбаки тащили домой мачты, подводя итог тяжёлому трудовому дню. А вот и старик со звёздным именем Сантьяго, когда-то помышлявший об убийстве светил небесных. Он – противоположность морю. Понятна причина его профес-

сиональных неудач. Он – стихия земли. Весь коричневый от времени. На руках глубокие шрамы, прорезанные бечевой. Они напоминают борозды в поле. Их размеры столь внушительны, что, кажется, в них можно выращивать редиску. Зрелище печальное. А такова жизнь. Вероятно, после рождения всю жизнь земля нас постепенно ассимилирует, поглощает, делает своими. Это видно и понятно по таким удивительным и одновременно закономерным изменениям, происходящим с человеком.

Ещё Сантьяго изрядно просолился, приобретя в своей стихии исключительную значимость. Всё это зримо, практически ощутимо. Есть в нём какие-то напускные солёность и твёрдость, которые рассыплются на множество блестящих кристаллов в ответ на подлинную задушевность.

– Ах, эти писатели всё придумывают. Со мной уже говорил один гринго. Он сочинил презабавную историю моего противостояния с рыбой. Но рыбы – не люди, в душе я на их стороне, они безобидны. Они уединились на глубинах, и всю жизнь помалкивают. Рыба – мой друг. Хотя убивать их приходилось не раз. Таковы мы, люди... А вы донесёте простому народу правду? – промямлил старик беззубым ртом.

– С детских лет меня ранила художественная литература своими бессовестными измышлениями. Но после я усмотрел в этом великое высшее предназначение. И история... медиевистика открыла мне любопытную сторону человеческого опыта. Вот, многие считают важнейшей фигурой в развитии художественной литературы в Европе хрониста Гальфрида Монмутского. Хронист и выдумки... ну не нелепость ли? И меня осенило. Правда слишком часто такова, что в неё невозможно поверить, принять её во всей её полноте. Она ломает стереотипы и выплескивается за любые пределы. Человеку ли постичь её? Иногда необходимо разбавить истины фантазиями, сделав реальность приемлемой, «правдоподобной», не противоречащей «здравому смыслу».

– Я всего лишь старый рыбак, я далёк от книжных наваждений. Сразитесь пером за нас, простых тружеников моря с акулами земли, акулами капитализма.

– Уж постараюсь.

Конечно, меня заинтересовали реальные основания истории, рассказанной Хемингуэем в повести «Старик и море» и я не замедлил расспросить об этом собеседника.

Сантьяго не стал расписывать всё, как в опубликованном тексте, – ох уж эти описания, не имеющие реальных оснований. Он не сумел припомнить детали, например, когда он отпускал леску, когда натягивал, все эти переливы оттенков цвета и настроения. Он позабыл и мельчайшие подробности встреч с водорослями и морскими обитателями, так что я засомневался в получении рассказа более аутентичного, чем у Хемингуэя. Однако пожилой труженик держал в памяти птиц, – лучших помощников рыбака, – по которым ориентировался. Ведь и они чужды стихии моря, их среда – воздух. И, затерявшиеся в чуждом им месте, часто объединяют свои усилия. Знаков проступало немало. Какая-то чёрная птица с большими крыльями указывала ему путь. Тут следовало заподозрить недоброе. Но старик предпочёл материалистическое толкование – пернатый товарищ высматривает добычу, подтверждая обилие рыбы в этом месте. Потом крошечный небесный обитатель сел на корму, как бы намекая на нашу малость и незначительность в бескрайних водах и на то, что нужно повернуть назад. Но старика уже охватила жажда наживы. Он не смел отступить, вернуться. А ещё были морские свиньи, реальные и во сне. Они предвещали грядущее свинство. Старик же игнорировал тёмные предзнаменования. Непростительное поведение в ситуации перманентной опасности.

В конце концов, клюнуло что-то крупное, подарив надежды. Три дня рыбак сражался с чудовищем, которое уходило немного глубже, немного поднималось, то резко тянуло леску, то прекращало борьбу. Сражение захватило все существо старика, позволив позабыть о страданиях и лишениях. Противостояние один на один, как когда-то в Касабланке, в молодости, когда молодой Сантьяго состязался с местным силачом. И теперь словно вернулся старый азарт – кто кого? Мы друзья, но такова жизнь. Есть победитель, а есть проигравший. Раны, усталость, галлюцинации не останавливали отважного рыбака. Он боролся и не сдавался, ежесекундно находя в себе скрытые силы.

И вот чудовище начало подниматься к поверхности. Старик схватил гарпун... звук удара о металлическую поверхность привёл Сантьяго в чувство. Да-да, оказалось, крючок зацепился за советскую подводную лодку, дрейфовавшую на небольшой

глубине. Это она сутками таскала старика по бескрайним просторам. Конечно, молодые измученные долгим плаванием люди не стали наносить особого вреда пожилому человеку, ограничившись пинками. Лишь замполит в учебных целях поставил старику синяк под глазом.

– Да, противостояние систем и никакой «мистики». Не борьба человека со стихией, а сражение мелкого рыбака-капиталистического предпринимателя с железной машиной коммунистического строя. Собственно, я видел изнутри реальное разгильдяйство и разболтанность социалистической системы. Хотя, с другой стороны, разгильдяйство рождает безразличие, а безразличие – основа механистического подхода, – протараторил я, не задумываясь о смыслах. Моя цель – подтвердить, что я всё услышал, я внимателен.

– Это лишь внешняя сторона. А любое, даже самое на первый взгляд бестолковое событие имеет духовные основания.

Такого я не ожидал. Глубокая философия из глубины предполагаемого невежества. Я ещё раз пристально взгляделся в старика, раскачиваемого пивом на волнах жизни. Что это в нём? Врождённая мудрость простого человека, даруемая матерью-землёй? Такая незамутнённая мифами и пороками «цивилизованного» общества, передаваемая из поколения в поколения со сказками, поговорками, их несомненной чистотой и невинностью. И да, порнографической иногда невинностью. Ведь изображение на заборе полового органа – это как совокупление животных, часть природных процессов без глупых измышлений, как ветер, как дождь, как снег на голову.

А может это «героический энтузиазм»? Стариком овладел какой-то благой демон или даже бог? И вот духовная сущность стремится донести простые и важные истины людям, ковыряющимся в низком?

Я не знаю истоков философии старика. Они непостижимы. В конце концов, он мог быть просто умным. А место и время рождения определили его далёкую от науки судьбу. Не важно всё это. Интересна постижимая, доказуемая или подтверждённая чем-то суть. И я спросил:

– И какие же у этой истории духовные основания?

– Море и суша находятся в непримиримой вражде. С древ-

нейших времён. А история конфликта столь стара, что мало помнящих её историю хотя бы в общих чертах. Кто сегодня знает простой и очевидный факт, корабли созданы людьми не для перемещения? Нам естественнее передвигаться по суше. Мы не рыбы. Корабли изобрели для удаления моряков от берега. И не надо на меня так смотреть. Это факт, который при желании легко проверить. Иногда природа рождает монстров – тех, кто не соответствует «нормальности», основным её же установкам. Есть и люди, которым сложно прижиться в человеческом сообществе. А их морочат иллюзии, объясняемые ложными причинами, – желание посмотреть мир (а разве человек не изначально его часть, куда ему нужно уезжать?), стремление заработать денег (а их нельзя заработать где-нибудь ближе?) и т.д. В действительности же проявляется несовместимость моряков со стихией земли. И эта несовместимость делает таких людей опасными для окружающих. Вот древние мудрецы и измыслили корабли, чтобы засылать матросов куда подальше. Иногда морская стихия совершает набег на землю, неся ужас и гибель. Это выбрасываемые мировым океаном викинги, наводившие ужас на человечество. Это пираты. В конце концов, крейсер «Авро-ра», возвестивший о гибели миллионов людей. Море – не место для праздных прогулок. Судьба «Титаника» – прекрасное тому подтверждение.

– Да, но при чём же здесь подводная лодка?

– А разве она не то самое зло в море, – есть там и добро, – которое ополчилось на меня, на человека земли, вторгшегося в чужие пределы для истребления невинных рыб?

Я промолчал, вспомнив простое и разумное наставление трактата «Пиркей Авот»: «Да будет дом твой домом собрания мудрецов; пылись во прахе их ног и пей с жадностью слова их».

ЛЕРА ЧЕБОТАРЁВА
Кишинёв

***

Озябшими птицами на ветру
Память гнездится под самой крышей.
Радуюсь, видимо не помру
В этой нетопленной ветхой хижине.
А если выйти, по пояс снег.
А если выйти, печали по самое горло.
Ты, нелюбимый мой, встреченный человек,
Восставший из памяти в звуках горна,
Будто из братской могилы крест
Выступил в обледеневшей стыни.
На сердце много погиблых мест,
Где припорошило даты инеем.
Выйду я, снега ведром черпну,
Будет вода питьевая талой.
Господи, истинно не умру.
Господи, истины в мире мало!
Ты, не любивший меня ни дня,
Что потираешь с мороза запястья тонкие?
Возьми-ка вот короб, дай огня,
В памяти, как на бензоколонке.
Чтобы гореть – так уж догореть,
Касаясь заревом Пути Млечного.
В человеке самая малость – треть
От его облика человеческого.
Всё остальное – седая взвесь
От полыхнувшего в нём пожара.
Был человек, да вышел весь
В облако копоти и угара.

***

Вот и всё. Поменяются коды страны.
Телефон замолчит неизбежно.
И глубинные раны откроют холмы
Среди жухлых покровов надежды.
Целовать эту землю иссушенным ртом
Будешь мысленно чаще и чаще.
Если смог заглянуть бы ты в это «потом»,
То сильнее дорожил настоящим.

***

Погоди, помолчи. На перроне не курят.
Хотя, если очень попросим...
Вот, на всякий, ключи. Чтобы легче мне, дуре.
Будто скоро приедешь ты в гости.
Нет! Не так, всё не то. На дорожку не сели.
И постель убрала я случайно.
Обещай позвонить. Обещают метели
Или дождь, а что выпадет – тайна.
Кофе тёплый едва и противно горчит
В одноразовом белом стакане.
Третьи сутки без сна, а в виске всё стучит
Неуёмной морзянкой: прощанье.

***

Любовь уходит из души,
Как выселяют постояльца:
Три полотенца, две подушки,
Комплект постельного белья,
Ключи от домика в глуши,
Расписка в честности скитальца,
Электрочайник, вилка, кружки
И прожитая часть меня.

эти казённые простыни
видели больше любви
чем загсы
завтра уставшая горничная
соберёт в серый ком нашу
встречу
молча закурит в обеденный час
когда ты и я расстанемся
до вечера
мне ещё долго будет казаться
что от моих волос пахнет казённой
подушкой
под номером двести тридцать
чёрными застиранными цифрами
на углу
а в нами покинутом осиротевшем
номере со щелями в окнах поселится
тоска
которая будет преследовать нас
как запах как навязчивый сон
как судебный пристав
она будет гостьей вечером и по утрам
заходить в выходные в дом садиться
напротив
и рассказывать о тебе как хорошо с другой
как ты счастлив и что у тебя всё в порядке
а я буду радоваться
и никогда не позвоню чтобы узнать
правда это и что с тобой без меня
в этой долгой жизни
а пока мы закрыли двери и сдали ключи
оставив после себя недопитый зелёный
чай в гранёном стакане
пустую пепельницу влажные полотенца
закрытые шторы прядь русых волос
и надежды на счастье

вперед и вечер будто бы будет другая
жизнь и мы никогда не вспомним
как молчали
смотрели в глаза и обманывали время
судьбу самих себя других людей
и господ бога
который смотрел на нас как страж
на встрече супругов на поселении
в специальном
бараке смотрел на часы и вздыхал
потому что свиданка пришла к концу

***

На лестничных грязных клетках
В прямоугольниках,
Живут угловатые люди.
Толстые птицы на ветках,
Худые на подоконниках.
Жареные на блюде.
Суставы работают, шаг за шагом,
По периметру комнат
Ты, как скомканная бумага,
Помят. И никем не понят.
Гладковыбритый подбородок
Луны отражается в чае.
Ты, как шифр с затонувших лодок,
Пишешь: я с к у ч а ю.
Но она в ночи не услышит
Отчаянную морзянку.
Девушка, к вам он неровно дышит,
Вывернут наизнанку.

***

Когда на душе холода –
Носи мои варежки.
Нить от одной к другой,
Нить от меня к тебе.

Когда на душе холода,
Стать хочется маленьким.
Спрятаться за спиной,
Думая о судьбе.

Я вышью тебе платок,
Как делали наши женщины.
Ты его доставай
В минуты душевных смут.

Я вышью тебе платок.
Ветра будут переменчивы.
Просто смотри и знай:
Тебя любят и ждут.

Заговорённый путь
Выложенный молитвой
Я тебе простелю,
Чтобы хватило сил.

Это мужская суть –
Жизнь перепутать с битвой.
Я тебе подарю
Новую пару крыл.

Белою ниткой я
Прошрое буду штопать.
Ты засыпай, мой свет,
Буду тебе я петь.

Рук не чернит земля,
Лик не марают копоть.
Если внутри зла нет,
Не побеждает смерть.

***

а всего-то и осталось пить и пить
сильным голосом неправильный мотив
от себя не скрыться и не улететь
наливается в стакан аперитив
пластик морщится в заламах весь стакан
всё сжимается прозрачный и пустой
а на небе бог идёт по облакам
поправляя их божественной ногой
бреет бороду костлявый модный бог
открывает свой божественный макбук
на молитвы отвечает божий бот
всех по акции простят и всем зачтут
приведи с собой на небо трёх друзей
и закроют пять процентов всех грехов
на земле заря бордовой и пьяней
в латте бога тонут сливки облаков
у тебя в стакане капли каберне
по щекам бежит холодный конденсат
мы вину забыть пытаемся в вине
в электричке направляющейся в ад

ГАЛИНА ИЦКОВИЧ
Нью-Йорк

РЕВМОКАРДИТ

Я коллекционер, у меня много всего.
Я разбираю часы, вручную кручу колесики.
Фотографии артистов разыгрывают сцену,
я сдаю их, как карты, раздаю амплау.
Я разбираю игру на детали, играю в детали игры.
Детали идут на войну, погибают и плачут.
Какого Шекспира я их убила.
Моё лицо тоже состоит из деталей –
ушей и огромных губ.
Ноги ушли в колени,
хрустящие, как сухари,
позорище школьной физкультуры.

Я на диете – грызу сухари и читаю,
как закалялась сталь.
Я не люблю Корчагина – Вия комсомола и партии.
Поднимите Корчагину веки.
Доктора совещаются у постели.
Я не люблю также Васькина, соседа по парте.

У меня порок, говорят Доктора.
Стальное сердце не вырастает,
не зарастает дыра.
Давясь, я грызу.
Мне хотелось бы пончиков,
у них тоже дырка в сердце,
температура как у меня
и липкая хрустящая кожа.
Но Доктор считает, что пончики мне вредны.

Доктор балансирует на краю порочного сердца,
заглядывает в дыру, пожимает колени.
У тебя будет красивая грудь, говорит мне Д.
Я реву на пороге дыры.
Я стану порочной женщиной.
Но Д. говорит –
нет, это всё-таки ревмокардит.

ИО

У дяди было семеро жён,
причём некоторые совпадали во времени,
но ни одна – в пространстве.
Дядя играл сеанс одновременной лжи,
обживал множественные оттенки глагола «быть»:
он был и не был, читал тетину «Советскую культуру»
и одновременно оглаживал тёлку в далёкой телячьей постели
(так говорила тетя: «Привадила тёлку», –
как втащил он в городскую спальню,
по лестнице или в лифте,
жующую эту животноводческую кунстредкость?!).

Три квартала от лучшего пляжа,
третий этаж, зазубренный мрамор ступеней.
Мы приходили к ним летними воскресеньями, воскресемьями:
вьетнамские шляпки взрослых, летучие споры детей
ложноножками топали на этаж.
Я не знала, как мне поднять глаза,
как принять его шуточки, жуточки,
как не стать его тёлкой.
Китайцы на лодке переплывали сервант,
«Легенды и мифы» в золочёном переплёте соблазняли.
Я боялась встретить его слегка косящий взгляд,
воображала глубины их кухни,
тарелку с разбитыми вдребезги сердцами,
некоторые с некошерными капельками крови у самого желтка.

«Цветное не стирала, и белое тоже,
Ни во что не вникала, даже и не пыталась.
Представляла себя принцессой в каком-нибудь бельэтаже,
зрительницей в ложе
самовлюблённости. Больше всего любила книги.
Мне же досталась малость, книжная пыль, набивавшая рот...».

Непростившая мать становится непрощённой,
Соглашаются Фрейд и Винникотт.

ТРЕТЬЕ ОБЛИЧЬЕ СЧАСТЬЯ

Оно хозяйничает в моей кухне, ждёт, пока заварится чай.
Думаю, это оно – кому ещё присуща подобная наглость?
– Что тебе? – оборачивается.
Холодное твёрдое лицо. Встречай
своё счастье.
– Прости, не узнала.

Скамейка без спинки.

Такие неудобные бывали только в детстве.
Оно сидит, я стою. Никогда присесть не предложит.
В принципе, должно быть безразлично, помнит ли оно моё имя.
Ведь я доросла-таки до той ровности кожи
(всегда удивлялась– как это делают другие?
откуда такая матовость и округлость?
какие-нибудь специальные средства?),
до двух грудей, до независимого звона
браслетов. Я давно от него свободна.
Я давно перестала ненавидеть грубость имени,
позор фамилии,
нелепую одуванчиковость головы, паузы в разговоре.
Но – стою под холодным, поверхностным взглядом.
Я не таким его представляла.

Оказалось, оно одно в трёх лицах.
У него появляется ещё одно обличье –
после подтяжки выписывается из больницы.
– Важно, чтобы ты его узнала.
Подвезёшь, и будь с ним повежливее,
счастье всё-таки.
Надеюсь, изменение внешности ему на пользу.
Здесь нельзя парковаться, но полчаса уже жду внизу.
Никакого уважения к моему положению и возрасту.
Хотя, может, и разминувшись. Простое недоразумение.

***

Зеркало, независимое, холодное, висит на стене.
Проходя мимо, я костенею,
зависаю, вглядываясь в его чёрный рот.
Зеркало – это компьютер наоборот:
никогда не спрашивает, хочу ли я сохранить изменения.
У зеркала своё настроение,
свои обиды и ожидания.
Я же никогда не знаю заранее,
чего не досчитаюсь при нашей встрече,
что оно мне пророчит...
Впрочем,
это магический шар наоборот:
Что не покажет, за то плату не возьмет.

ДЕРЕВО ПАМЯТИ

первое чудо дерева –
это почти интимное, соблазнительное раздвоение
(правда ведь, раздвоение так эротично?)
сначала листьев, потом ветвей, молодая, пушистая зелень
потом наступает второе чудо,
когда разветвления отмирают,

осыпаются листья, зелёное больше не в моде,
а там и ветки
сохнут, отламываются с прощальным хрустом
весной наступает третье чудо дерева
так и память моя
иногда прочно забытое извлекается
засохшие было ветви
обрастают новой листвой

ДВА ЭКФРАСИСА

I. Каталонцы

Мир Миров, волокнистое полотно.

Вот он вглядывается в окно.
Барселонской волной снаряжает Колумба.
Каламбур художника... В общем-то, глупо
моряка отправлять на дно.

Портрет стирается, плешью став.
Храм осыпается, грех замолен.
Медузы в пятнах ветрянки плещутся
в верхнем, озонном море.

Но хозяин – барин. Смотри на птиц,
на колёсики правой, толчковой ноги.
Птицы знают тайну, что мир – без границ,
слонов распарывают чулки.

Синее море, рекламный проспект,
отправляйте героя, которого нет.
Лошадиные зубы отпечатаны на песке,
у полукруга рождается сын-сегмент.

Губы сердечком, сердце бесится,
Каталония попадает на блесну.
Апельсины влезают по приставной лестнице,
пытаясь сорвать луну.

II. Аллегория

Город, сладкий стыд, симфония,
Дрёмой до краев налит.
В небе корочка лимонная,
В каждой луже фонари,
Размножаясь, отражаются,
Окна источают мёд,
А деревья оперяются
И срываются в полёт.
Женихами и невестами
Наполняются дома.
Местными чудными песнями
Грудь, как молоком, полна.
Улица не знает горя и
Пруд кувшинками зарос,
Сладок воздух аллегории
И смешна угроза гроз.
И с гримасою невинною,
Притомившись, спит Магритт.
А из тучи, нам не видная,
За феерией следит,
Щурясь, ласково-зловещая,
Улыбается слегка
Память, мраморная женщина,
Два простреленных виска.

ЭЛИНА АДРОВА
Оренбург

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

В каждом слове твоём – боль.
Окрашены строчки в чёрный цвет.
Прикоснуться к тебе позволь,
Я ведь тоже немножко поэт.

Я сегодня старше, чем ты,
Все проблемы решаю сама,
Я тебе принесу цветы,
Даже если будет зима.

Я приеду в твою Тотьму,
Где совсем недолго ты жил.
И тебе расскажу одному,
Что меня никто не любил.

И сольются в единое души,
Воспарив над грешной землёй.
Ты – единственный, кто дослушал.
И позвал меня за собой.

Вот и сбылось твоё пророчество,
Поставлен памятник на селе,
В нём также сквозит одиночество,
И также ты – навеселе.

Отчего не даёт мне покоя
Нескладная жизнь твоя.
Никто над могилой не воеет,
Не поминает семья.

Ну, казалось бы, что мне за дело
До тех далёких времён,
А вот надо же сердце задело,
Что был ты не в тех влюблён.

Но судить никого не буду,
Чтоб самой несудимою быть.
Хорошо прикасаться к чуду,
Но только не с гением жить.

***

Господи! Я в середине лет,
А мне всё кажется, что я ещё в начале,
И что ещё не зажигали свет
В том доме, где мне счастье обещали.

Мне кажется, что всё начнётся вновь,
И путь мой будет долгим и не тяжким,
Там будут только звёзды и любовь
И шампанское в чайных чашках.

Мне кажется, что тот, кто всех дороже,
Ко мне навстречу только лишь спешит,
А я сама ещё не стала строже,
И счёт потерь судьбою не открыт.

И всё мечтаю я о розах,
Но в осенних садах только гарь.
Жизнь моя прозаичнее прозы,
И все тоньше мой календарь.

***

Предательство – осознанное действие,
Нет оправдания этому злодейству.
Недалеко ушла измена,
Она на жизни словно пена.
Но ведь насильно мил не будешь,
Немилото не приголубишь.
Мы так исправиться хотели,
Но, как обычно, не сумели.
Прости, пожалуйста, нас, Боже,
Мы снова сделали то же.

***

Ты не знаешь, что такое «ноль»?
Этой цифры сильнее нет.
Если что-то умножить на ноль,
То этого «что-то» больше нет.

И если тебя нолем обозвали,
Не стоит ругаться в ответ.
Эти люди просто не знали,
Что сказали тебе комплимент.

***

Ты – мой Мастер, а я – Маргарита,
И мы вместе пишем роман
Нашей жизни, изрядно разбитой,
Судьбой, имеющей изъян.

А мы пара – одна на столетье,
Словно памятник чьим-то мечтам,
Но душа продолжает болеть, ей
Так трудно жить напополам.

А всё от того, что нету подвала,
Где огонь из камина уют освещает.
И жизнь нас с тобою вконец задолбала
И выхода даже не обещает.

А может, в любви мы с тобой задержались,
От того, что нет у нас общего быта.
Иначе давно бы уже разбежались,
А так, ты – мой Мастер, а я – Маргарита.

***

Мёртвые не потеют.
Хорошее преимущество.
Они ни о чём не жалеют,
И не имеют имущества.

Мёртвые сраму не имут,
За то, что когда-то разбили.
У них уже не отнимут,
То, что они любили.

Мёртвые не возвращаются,
Как ты по ним не вой.
Они навсегда прощаются
И уходят в вечный покой.

***

Человек бил человека
На грязном мартовском снегу.
И это длилось дольше века,
Закольцевав временную дугу.

Тот был по всем статьям виновен,
Но всё-таки пощады не просил.
Второй, пребывая в аффекта загоне,
Всё бил, и бил, и бил, и бил.

В небо холодно взидало,
На тех, кому нужна опека.
И никого не волновало,
Что человек бил человека.

***

Постаревшая актриса
В одиночку пьёт вино,
Ей всюду чудится шелест кулисы,
Но как же всё было давно.

Поклонники, гроздя сирени
В заснеженном феврале.
Бокалы в шампанского пене
И множество новых ролей.

Теперь всё совсем по-другому,
Годами молчит телефон,
Её одинокому дому
Осталось лишь ждать похорон.

Здесь нет ни детей, ни внуков,
Всё в жертву она отдала.
Ни шорохов ночью, ни звуков.
Зачем же на свете жила?

Закончится всё в одночасье,
Никто не придёт проводить.
Ей очень хотелось счастья,
Но она не умела любить.

***

Усердно и кропотливо
Я строила рай на земле.
Считала себя счастливой,
Но это казалось мне.

Вдруг вспомнила всё, что было,
И всех, кто со мною был...
И я никого не любила,
И меня никто не любил.

***

Если решил уходить – уходи,
Возвращаться – плохая примета.
Пусть пожар от измены потушат дожди
И заставят забыть нас про это.

Если решил уходить – уходи,
Не казись и меня не мучай.
Просто расходятся наши пути,
Это самый обычный случай.

Если решил уходить – уходи,
Всё равно не веротишь бывшее.
И раскаяньем душу не бреди,
В расставаньях виновны двое.

***

От чего умирают художники
В час, когда на траве роса?
Просто кисти промыли дожди,
И время пришло расписать небеса.

***

Ах, судьба, до чего же ты злая.
Я ж давала обет не грешить,
Но опять мне семья чужая
Не даёт в своей собственной жить.

Им совсем не хочу разлуки,
Пусть по-прежнему будут дружны.
Просто эти мужские руки,
Мне сегодня, ох, как нужны.

Мне не надо с ним жизнь доживать,
Только ночь, да кусочек дня.
Я не буду потом утверждать,
Что теперь мы навеки родня.

Новых встреч я не буду искать,
На глаза попадаясь ему.
Это очень приятно знать,
Что не должен никто никому.

***

От романтика до циника
Путь прошла,
Не судьба, а просто клиника.
Вот дела!
Все любовью бредила,
Что бывает раз.
Думала – трагедия,
Оказался – фарс!

АЛЕКСАНДР КАРПЕНКО
Москва

НЕМЕЗИДА

Миры просеяв, как сквозь сито,
Бесстрашной пробой пера,
Ты так прекрасна, Немезида,
Ты бесконечна, как игра.

С душой, распахнутою настежь,
В постылый мир метнув копье,
Одной рукой ты даришь счастье,
Другой – караешь за него.

И, обживая безграничье,
Начало высмотрев в конце,
Ты – ад и рай в одном обличье,
Ты – жизнь и смерть в одном лице.

И там, где рушится твердыня,
То с грузом дум, то – налегке,
Порхает бабочкой богиня –
С безумной мыслью о цветке.

***

Ты просто живёшь – и приходит твой час.
Себя не кори и не мучай:
Ведь с равной долей участвуют в нас
И опыт, и гений, и случай.

Иссякнет, бывает, небесная бронь.
Ничто не даётся бессрочно.
Но если сойдёт благодатный огонь,
Записывай в сердце – построчно.

И, может, Всевышний однажды, в страду,
Простит тебе эту длинноту –
За то, что нечаянно, в полубреду
Ты взял свою верхнюю ноту.

***

Элле Крыловой

Кроны веток упрямо
Шелестят за спиной.
Только нет моей мамы
На тропинке со мной.
Всё на месте – и камень,
И ларёк, и витраж.
Только нет моей мамы –
И неполон пейзаж.

Чья-то тёмная тайна
Маму вдаль увела.
Словно вышла случайно –
И домой не пришла.
Шла усталой походкой –
Мне ли это не знать?
Можно старую фоткой
Бытие доказать.

Эта женщина – Боже! –
Я глядел из окна –
Так на маму похожа,
Будто это – она!
Горизонты сужая,
Всё стоит на краю...
Это мама чужая!
Возвратите мою!

...О великий, могучий!
Помоги, просвети!
Я пройду через тучи,
Чтобы маму найти.
Как ребёнок, рыдаю,
Запыхавшись, стою:
«Это мама – чужая!
Возвратите мою!»

***

У моей дочушки
Розовые ушки;
Розовые ножки
У дочушки-крошки.

В доме у малышки –
Розовые книжки,
А сейчас на дочке –
Белые носочки:

В них играют в прятки
Розовые пятки!

ЛЕТИЦИЯ ЛЕТЕЛА

Душа, как скрипка, пела
На синем вираже.
Летиция летела,
И не было предела
Раскованной душе.

Вдруг солдат расстегнул амуницию:
– Посмотрите, летает Летиция!

Оглянулась, проехав, полиция:
– Посмотрите, летает Летиция!

И такая была в этом грация,
Что пространство вдруг впало в прострацию!

Вдохновенной, влюблённой птицею
Над судьбою парила Летиция.

...Душа, как скрипка, пела
На синем вираже.
Летиция летела,
Летиция летела –
И не было предела
Распахнутой душе...

***

В затаённом сумеречном зале
Я играю на неверояте.
Только звёзды выдвинутся вдаль –
Зазвучит в тиши невероять!

Тихим светом заслонив полмира,
Вспыхнет небо Внутренней Пальмиры.
И потребность создавать миры –
Дух всепонимающей игры.

Я играю на неверояте...
О таком слышали вы едва ли!
Замолкает на Неве рояль –
И звучит моя невероять.

***

Весна! Весна в Фиальте!
Ликует всё вокруг.
«Виват тебе, Вивальди,
Неугомонный дух!»

В мозаике и смальте
Изысканный узор.
«Виват тебе, Вивальди!» –
Щебечет птичий хор.

И случилось что-то с нами.
Прибавилось нам сил.
Раздув смычками пламя,
Ты музыку смирил.

Страдания, не жальте!
Покинул сердце страх.
«Виват тебе, Вивальди!» –
Седой воскликнул Бах.

Виват тебе, стремленье
Всё исчерпать, до дна.
Эфира дуновенье
И года времена.

БЕЛОЕ ДАО

То не солнце нещадно палит –
И течёт сквозь судьбу не вода – о! –
Над растерянным миром парит
Бесконечное белое дао.

Кто ты, дао? Не выдал ответ
И заоблачный гений Ландау.
И бесстрастно глядит нам вослед
Безмятежное белое дао.

Кто ты, дао? Чужой третий глаз?
Послепепельный сон Кракатау?
Ничего не попросит у нас
Бескорыстное белое дао.

Высоко забираясь в зенит,
Отправляя живущих в нокдаун,
Все народы в себе растворит
Бессердечное белое дао.

Растворяюсь и я в белизне,
Весь растраченный жизнью беспечной,
Чтобы плыть в голубой вышине
Белым дао любви бесконечной.

***

Душой бываю везде,
Наречья слышу и возгласы.
Христос ходил по воде.
А я – шагаю по воздуху.

И дорог мне каждый знак,
Места не пугают злачные.
И сам я – воздушный знак.
И числа люблю – трёхзначные.

ДМИТРИЙ КОЛОМЕНСКИЙ
Санкт-Петербург

НА ВСЕМ АРХИПЕЛАГЕ КАРАНТИН

***

Мой брат ручей, молчащий подо льдом
И льда набравший в рот, когда потом
Проснёшься, соберешь себя по капле
В гремющий жгут, в лепечущую плеть,
Чтоб съесть всё то, что вздумало белеть,
Ты и не вспомнишь обо мне, не так ли?

Не отвлекаясь, времени в обрез –
Тебе бежать ложбиной через лес,
Канавой перейти пустое поле,
Тебе вскипать ввиду запрудных врат,
И с грохотом обрушиться в овраг,
И из оврага вырваться на волю.

Я различаю клекот нервный твой,
Еврейский плач, немецкий грузный вой,
Стаккато, хрип, картавое вибрато;
И я смеюсь во всю свою тщету,
Услышав, как вода поёт во рту
У моего очнувшегося брата.

***

Я в несуществующем году
Просто так по улице иду –
У меня приятели под мышкой,
У меня подружка за спиной,
И зачитанные с детства книжки,
Как щенки, торопятся за мной.

Мы проходим мимо бочки «Квас»,
Где весь квас кончается до вас,
Мы проходим мимо бочки «Пиво»
С надписью небесно-голубой,
Мимо сада, где стоит крапива,
Бесконечно гордая собой,

Мимо подворотной гопоты –
Впрочем, с нею мы давно на «ты»,
Мимо речки, лижущей земному
Богу пятки – так она течёт,
Мимо магазина-гастронома,
Где почти всегда переучёт.

Улица ложится под пятой
Тоже речкой, только золотой.
Скачет кот, румянится старушка,
Вспыхивает галочий галдёж.
И тогда счастливая подружка
Говорит: «Давай устроим дождь!»

Я сигналю туче – и она
Шлёт нам ливень, шумный, как волна;
Кто-то нас из лейки поливает
И глядит, смешлив и возбуждён,
Как подружка пляшет под дождём
И глаза от счастья закрывает.

ЛЕСОЗАВОДСКИЙ

Лес вырублен – щепки, опилки.
И только на дальнем мысу,
Сохранны, как мелочь в копилке,
Берёзы друг друга пасут,

В округлость соснового бора
Врывается ельник стрелой.
А здесь, неопрятный, как боров,
Посёлок разлёгся гнилой.

Он стар. Он зажился на свете.
Он глохнет в припадках тоски –
Сперва его бросили дети,
Потом утекли старики.

Он весь – как помойная яма,
Но, мрачный больной холостяк,
Угрюмо, упорно, упрямо
Стоит на древесных костях.

Живущий скорей по привычке,
Тщетою увяданья садня,
Он ждёт непогашенной спички,
Окурка, иного огня –

Чтоб весело сгинуть в геенне.
Но вряд ли – ему суждено
Гниенье, гниенье, гниенье,
Распад, превращенье в пятно,

В проплешину между расселин.
И, действуя наверняка,
Уже безнаказанно зелень
Ему пробивает бока.

ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ

– Мой друг Петров, что случилось с тобой?
Ты без причин и, в общем, без усилий
Паришь в небесной синьке голубой,
Как змей бумажный. Что с тобой, Василий?

– Я стал воздухоплавателем, друг!
Мне дар открыт – прекрасен и целебен –
Путем движенья ног и взмахов рук,
Как в речке, плавать в предзакатном небе –

Без поршня, без мотора, без крыла,
Без рёва, без выбрасыванья газа...
– Неслыханные, друг Петров, дела!
Я не видал подобного ни разу!

Куда ж летишь?
Но, важен и суров,
Молчит воздухоплаватель Петров
И от меня плывёт неторопливо
Над городом, за Пулково, к заливу,

Где серая, как ртуть, стоит вода.
А я всё жду: вдруг в память дружбы нашей
Он обернётся, и рукой помашет,
И лишь потом исчезнет навсегда?

***

На всем архипелаге карантин.
Все женихи попрятались по норам,
Дворец закрыт, пляж заперт, ниток нет,
Поэтому старушка Пенелопа
Ткёт, распускает, распускает, ткёт –
Лишь только бы занять работой руки,
А голову, напротив, отключить.
У Телемаха шок: он обнаружил
Седые волосинки в бороде –
Выходит, скоро крышка, гроб, могила,
А в паспортном столе который год
Не разберут, какую надо букву
Писать в финале имени его.

Маячит, как дыра, на горизонте
Корабль, на нём мерзавцев сотни три
Да некий гражданин – видать, из бывших,
Почти избывший самого себя.
Он смотрит на Итаку, смотрит в море,
Поскольку всё равно куда смотреть,
И думает, что карантин подобен
Меандру – бесконечностью своей,
Романам Джойса – скоростью течения,
Что, мыкаясь по свету, не учёл
Того, что, пересилив гнев богов,
Не пережмешь санэпиднадзора –
И, значит, всех сильнее бог Асклепий –
Что огонёк, горящий вдалеке, –
Всего лишь огонёк, один из многих.

А где-то в темноте, в своём дому,
Смеётся Евримах, на ложе лежа, –
Тому, что жив, тому, что не один –
И спящую Меланфо обнимает,
И гладит по кудрявой голове.

***

Старик говорит: «Ты из Балты!» – сомнения отбросив.
Им в Балте всё ясно, у них не бывает вопросов
Касательно жизни, где если уж что относительно,
То это не повод высказываться вопросительно.
И, сжавшись, как день на исходе дождливого лета,
От мысли, что всё это читано где-то и пето,
Шепча про себя «пропади, старый хрен! задолбал ты!»,
Я вслух говорю после паузы: «Я не из Балты –
Все наши из Фастова!». Но, возражений не слыша, –
Глухарь на току, ван Бетховен, Джон Леннон на крыше –
Старик шелестит: «Ты из Балты!». Он помнит, конечно,
Что я проживал на Почтовой, а он – на Кузнечной,

Он помнит проулки, змеящиеся между нами,
Он сыплет и сыплет глухими, как смерть, именами,
Он тащит меня по Почтовой, кривой и щербатой,
Он скоро добьёт меня этой мифической Балтой!
И тут наступает прозреньё – легко и спокойно
Ты смотришь с небес, с высоты, с каланчи, с колокольни
И видишь в широком луче восходящего света:
Что Балта, что Фастов – отчетливой разницы нету.
Нет разницы – всюду пустыня, разор и потрава.
Налево гляди, если хочешь, смотри себе вправо –
Пустырь, полоса отчуждения, где по колено
Остывшего пепла, по пояс забвенья и тлена.
И, чуя, как скалится вечность от уха до уха,
Как серой дырой разъедает пространство разруха,
Как чёрными дырами лбы и затылки прошиты нам,
Я вдруг говорю – для себя самого неожиданно:
«Ну да, я из Балты!». Старик расцветает улыбкой,
Становится мальчиком, скрипочкой, деревцем, рыбкой,
Лепечет, как, знаешь, лепечет ручей удивлённо,
Как, знаешь, лепечет листва на макушке у клёна.
Ну что ж, пусть бесплодная эта сухая смоковница
Опять зеленеет, под ветром, счастливая, клонится;
Пусть он себе верит во мгле, в непроглядной золе,
Что кто-то из Балты остался ещё на Земле.

ПРОГУЛЬЩИК

В семидесятых выскочив во двор,
Вернулся посреди восьмидесятых –
Туда, где флаги, как белье, висят – их
Не чистили, наверное, с тех пор,
Как выткали; немного поскучал,
Опять ушёл – лет, видимо, на девять:
Тянуло прочь – мечтать, пытаться, делать –
Отчалив от докучливых начал;

Завёл подружку, заскочил домой –
А дома нет, пошел тусить к подружке,
И мы лет пять мурлыкали друг в дружку,
Забив на всех, пока одной зимой
Я, выбежав за хлебом, не завис
Ещё лет на семь у одних знакомых –
А дни текли, и сам я тёк, влеком их
Теченьем, не пытаюсь выплыть из
Потока. И когда уже вдали
Маячила черта, как говорится,
Я разглядел, как небо из земли
Вздывается без видимой границы,
Как скалятся угасшие дома,
Как ветер опрокидывает стены,
Как новая и страшная зима
Выходит из кулис на авансцену;
И, глядя на неё во все глаза,
В её глаза, холодные, как дула,
– Иди домой, – я сам себе сказал,
Точнее – прошептал, точнее – подумал.
Храни меня, домашнее тепло,
Не выпусти из заспанных объятий,
Покуда время не пришло разъять их,
Пока оно в песок не утекло.
Храни... А тело глупое моё –
Так тянет алкаша к заветной фляге –
Стремится вон, во двор, где реют флаги,
Несвежи, как постельное бельё,
Где мутная, урча и клокоча,
Бурлит ливнёвка громче птичьей стаи –
И тает жизнь, неумолимо тает,
Как отпечаток мокрого мяча.

Хочешь, переберёмся туда, где небо, море, гранит,
Где круглый год безлюдно. И если кто позвонит –
Не дозвонится. И если кто решит написать письмо
И к голубиной лапке привяжет его тесьмой –
Голубь вернётся с тиной в клюве, с травой морской,
С тёмной такой клубящейся в жёлтом глазу тоской:
Мол, адресат не найден, мол, я всей душой бы рад,
Но легче в бескрайней водной пустыне нарыть Арарат,
Чем адресата в трёх соснах, растущих на берегу.
Ворона посылайте, что ли, Гермеса – а я не могу.

Надо туда уехать – вывалиться из кадра, зайти за такт –
Где у любого дня всего лишь две вехи: восход и закат;
Прочее дробленье чувству противно и логике вопреки,
Как разложение музыки на герцы, живописи на мазки.
Едем же! Ветер попутный, в кассе заждался билет.
Если же кто позвонит – ему скажет, что нас здесь нет,
Женщина с металлическим голосом. Она, как всегда, права.
Будем смотреть, как по краю неба плывут острова,
Как вынимают чайки добычу из крупных холодных сот,
Как возмущённое солнце срывается за горизонт.

Серое море, коричневый лес, оранжевые небеса.
Мы доберёмся туда за каких-нибудь полтора часа.
Вдумайся, полтора часа – и начнётся иная жизнь:
Хочешь – на пляже грейся, хочешь – в воде визжи,
Хочешь – лети за птицей, крылья сложи из рук.
Если же кто дозвонится – ну, знаешь, бывает вдруг –
Закинь телефон с разбега с берега в толщу вод.
Пусть абонент взлетает, плюхается, плывёт,
Падает в сумрак бездны, в ил, в сапропель, в гнилье,
Пусть оловянная рыбка прошепчет ему: «Алё!»

***

Арсений на больничном языке
Беседует с кузнечиком о звёздах.
С тяжёлым свистом вылетает воздух
Из лёгких, будто сжатых в кулаке.

Коптит ночник. На майском сквозняке
Трепещет тюль, наколотый на гвоздик.
Уставшая от воплей тепловозных,
Чугунка остывает вдалеке.

Арсений говорит. Гоплит крылатый,
Закованный в салатовые латы,
Скрипичных дел полдневный аноним,
Жилец травы, внимая человеку,
В бессмертье погружается, как в реку,
Покуда разговаривает с ним.

БАХ АХМЕДОВ
Ташкент

***

Озвучь меня хотя бы раз.
Прошу тебя, озвучь.
Озвучь как маленький рассказ,
как мимолетный луч.

Сегодня есть, а завтра – нет:
в последний раз блеснет.
Озвучь меня на склоне лет
одной из точных нот.

Ведь я всю жизнь её искал,
да вот найти не смог.
Озвучь надеждой из песка,
что тает между строк.

Озвучь меня когда-нибудь,
как сможешь только ты.
Мне не пришлось с тобой уснуть
у подлинной черты.

Мне не пришлось прожить с тобой
единственную жизнь.
Озвучь мой тихий свет и боль,
озвучь и обернись.

И ты увидишь силуэт
в редющей толпе.
Он переходит жизнь на свет,
мерцающий в тебе.

***

На кончиках пальцев живёт тишина.
На кончиках пальцев таится вина.
И память о теле прозрачном твоём,
и солнечный дым над заснеженным днём.

На кончиках стрелок живёт острота.
Нас время смывает, как строки, с листа.
Но всё-таки можно на свет прочитать
ту нежность, что будет нас вечно искать.

На кончиках боли прощенье живёт.
И страсти слепой обжигающий лёд.
И пламя холодное тонкой игры,
и голос виниловый давней поры.

Осколки сверкают в ладони твоей.
И капелька крови надежды точней.
А пальцы вслепую всё ищут просвет
на кончиках острых, как лезвие, лет.

***

говоришь тепловая смерть
говоришь третий закон термодинамики
в пределах одной квартиры комнаты постели

размениваешь купюру прошлого
на мелкие монетки будущего
потому что нужно для метро
караоке сигарет спичек

проходишь через зеркало не оставляя следов
не оставляя возможностей найти тебя по звуку

а я молча кивком головы соглашаюсь с тобой
соглашаюсь со временем
и даже со своим согласием соглашаюсь постепенно

потому что стены это стены
и окно всего лишь окно
(звучит как пародия, но это так)
и попытка мышления требует мужества

тепловая смерть такая тёплая
такая нежная усыпляющая тихая
тихое утешение
от незримой вселенной
тихое приближение
к великому равновесию

***

Бесспорных истин не бывает.
И завтра, очень может быть,
Маршрут изменят все трамваи
И в небесах начнут парить.

Хоть разум нам твердит упорно,
Что этой сказке не бывать,
Его влечёт лишь то, что спорно,
И что не в силах он понять.

И только это нас спасает
И оставляет чуду шанс.
И вновь летит в пустом трамвае
Твоя свободная душа.

***

Все мы иногда неровно дышим.
Все мы иногда неточно слышим.
И совсем неточно говорим.
Варвары берут наш гордый Рим.
И язык теряется в их криках,
и слова становятся бледнее.
И уже не спрятаться нам в книгах,
потому что варвары сильнее.
Остальное сохраняют анналы,
если не сгорят в огне великом.
Все придёт когда-нибудь к финалу,
по глазам скользнув прощальным бликом.

ПЬЕСА

В первом акте смеялся диван.
Во втором акте танцевал стол.
В третьем акте
многоуважаемый шкаф
выпустил на прогулку скелет.

В четвертом акте кровать,
уставшая от наших тел,
совершила самосожжение.

В пятом акте нам с тобой дали слово,
но сказать было нечего.
Немая сцена длилась
всю оставшуюся жизнь.

И никто не смог опустить занавес,
потому что его украли.

***

Какой-то странный перелом...
Или точнее, перемол.
Мы станем новою мукой
для хлеба нового, быть может?
Но в нас уже давно надлом,
а мы всё так же не о том...
И мир оборванной строкой
нас оставляет вновь без кожи.

А может, мира больше нет?
Остался только слабый свет.
И на него мы вновь летим
в мучительном непониманье.
Какой-то странный долгий взгляд...
И всё теперь немного «над».
И всё теперь немного дым
от догорающего знания.

***

...А всё остальное осталось за кадром, осталось закатом.
И голос глухой, и глазные солёные капли.
А всё остальное ещё повторится когда-то,
Но будут другие играть в этом странном и вечном спектакле.

Но будут другие смеяться и плакать в ремейке.
И бледные тени едва сохранит целлулоид.
А всё остальное уйдёт с молотка за копейки,
Но может, оно даже этих копеек не стоит...

И будешь ты вечность стоять на пороге знакомом.
И сумерки снова поглотят твои очертанья.
Вот так же когда-то всю жизнь добирался до дома
Тот греческий странник, отравленный горьким познанием...

И так ли уж важно, что что-то осталось за кадром?
Разрыв между звуком и взглядом всегда бесконечен.
И время вторично на фоне слепого заката,
На фоне надежды, так долго идущей навстречу.

***

Мы длимся в пространство надежды.
Мы дышим в пространстве любви.
И хрупкое небо, как прежде,
прощает безумства твои.

Мы длимся, мы снова и снова
пытаемся суть уловить.
Но как дотянуться до Слова?
Как солнце своё сохранить?

И кажется, все мы – лишь отблеск
какой-то далёкой звезды.
К чему эта глупая доблесть
у самой последней черты?

Мы просто пробел меж словами.
Мы, может быть, точка в конце.
Но мир на мгновение замер,
как блик на усталом лице.

И значит, мы всё-таки сможем
себя в бесконечность продлить.
Ожог остаётся на коже...
Ожог, заставляющий жить.

ВЕРА ЗУБАРЕВА
Филадельфия

ТЕНЬ ГОРОДА,
или
ПОЭМА О НАШЕМ ВРЕМЕНИ

1.

Снова в городе отключили день.
В тетради – темень, всё вповалку,
Слово на слове... Мир обалдел.
Ему бы сделать редакторскую правку.
Телевизор включает в розетку хвост,
Возвращается к жизни привидение-время
И шарит по ящикам, перетряхивая мозг
И циферблатами глаз наблюдая за всеми.
Только по ним и распознаёшь
Расположение клюва в дремучем пространстве.
Но толку что? Оно – филин, ты – ёж.
Ещё никто не увернулся, не спасся.
Снова ухает.
Колебания масс.
В воздухе носятся
Вирусы бессонниц.
Тревожно ворочаются
Личинки дремоты
В кавернах пней,
В болотных перинах.
По ним, пугая осоловевших лягушек,
Хлюпают мысли барсуков и ежей.

2.

Тетрадь под надзором. Сны в опале.
Они теперь только в самиздате,
В тайной расщелине у Лукоморья.
За них дают пожизненную бессонницу.
Население спит с открытыми веками
На случай обыска или проверки.
Самым примерным жалуют га-шиш
Сладкой премии гоголя-нобеля.

3.

...Проблеск луны, пустынного берега,
Море кто-то волнует черпаком,
Качается хитон его облачный над зыбью,
Плещется рыб серебряный поток...
Кажется, мы потерялись в пространстве.
Или во времени. Или в том и другом.
Трудно сказать наверняка, пока
Пространство и время сосуществуют,
Как тело и душа. Пространство – тело.
Время – душа. Оно беспокойно,
Оно разъедает жилы пространства,
Заставляет его пульсировать, болеть,
Сохнуть, обрушиваться, истекать потопами.
Без него пространство окоченеет,
Покроется коррозией, перестанет быть.
Быть или не быть – вопрос пространства.
Это оно, безутешный Гамлет,
Ловит знаки привидения-времени,
Верит в его допотопные рассказы.
Время катится по нему, полыхает,
Как шаровая молния по полю жизни.
Кто перешёл его – тот погиб.

4.

Кто мы? Лучше спросить у дуба,
Ему открыто знание знаний –
Как плести паутину, смолить трещины,
Разводить пчёл... В его венах
Текут муравьи, а под шляпками желудей
Живут невидимые счетоводы.
Они считают время по формуле:
Путь пространства, делённый на скорость,
С которой оно распадается на элементы.
Дуб уходит корнями в безвидность.
В чёрной дыре её спрессовано время –
Без стрелок, без тиканья, добытийное.
На него нацелено изваяние филина,
Отлитое из облака – белого, плотного.
И только кисточки его ушей
Колышутся в такт вибрациям ночи.

5.

Откуда мы? Говорят, из микробов.
И в них же вернёмся, распавшись на множество
Быстрых невидимых поедателей материи.
Они прожигают воздух, как сигареты,
А на месте дыр образуются штопки
Седой паутины, латающей пространство.
Ею опутаны все просветы
В нашем лесу. Иногда на заре
В ней мигают изумрудные мухи,
Как броши в жабо обтрёпанных елей,
Задумчиво качаются мумии комаров.
Лес полон тайн непролазных, косматых.
Жижу его распирают бактерии,
Пучат тяжёлое брюхо болот
Дети вечного брожения и распада.

6.

В полночь, когда замирает всё в дуплах,
Коре, подземельях, запруженных водоёмах,
Филин выходит на лунную охоту –
Каждую ночь он охотится на сны.
Они бросаются врассыпную, как мыши,
Чтоб слиться с теменью, превратиться в тени.
Клюв его стрелок остро отточен,
Два циферблата его глаз
Крутят стрелки в зеркальном направлении,
И всё живое прижимается к земле.
Колышутся рыбы на блюде водоёмов,
Вязнут птицы в болотах воздуха,
Звери зажимаются, и ночной страх
Их погружает в топи оцепенения.
Звери боятся превращений пространства,
Звери читают на языке тьмы.
На нём написаны все инстинкты,
И все стихии разговаривают на нём.

7.

Лес – на подступах к городским улицам,
Стиснуто горло домов и площадей,
Кляпами заткнуты колокольни,
Мычат купола в подушку облаков,
Лежат небоскрёбы с поломанными хребтами,
По ним разгуливают стада свиней –
Любителей сладких даров Цирцеи.
И только чёрный дом из пепла,
Высится, словно зловещий обелиск.
Всякий раз, как отключают день,
В нём резвится чёрное пламя,
Мнёт бумажные фигурки узников,
И они изгибаются, корёжятся, трещат.

Если бы звери умели смеяться,
Они бы ощерились в диком хохоте,
Они бы катались в бурьяне до изнеможения,
Глядя на этот театр теней.

8.

В этом лесу мы самые отсталые,
Самые слабые и никчемные,
С недоразвитыми верхними конечностями,
Объекты глумления насекомых,
Пасынки природы, ловкой и хищной,
Наделившей шерстью и крепкими челюстями
Полноценных детищ о четырёх ногах.
Как нам стать настоящими животными,
Не хуже других? А то вечно в хвосте
Плетётся племя наше бесхвостое!

9.

Вчера весь мир встревожено чирикал,
Гугукал, квакал. Что-то происходит,
Но мы не в силах понять, что именно.
И это обидно и стыдно, в особенности,
Когда и червяк смышлѐно кивает
На речи товарищей. Как же быть?
Бобры начинают строить плотины,
Кукушки подбрасывают
Яйца в чужие гнёзда.
Мы же бродим по лесу в отчаянии
И спотыкаемся о квазимоды стволов.
Мы самые презренные,
Недоразвитые, и неловкие
В этом лесу. И зачем мы – люди?

АЛЕКСЕЙ ЗАХАРЧУК
Тирасполь

ПАГАНИНИ

Сатанист и лукавый скрипач,
мрачный ум, заходящий за разум,
подними острый локоть, заплачь
всеми струнами сразу.

И овации хлынут, плеща,
и струна разозлённая вскрикнет.
Ты, в одежде с чужого плеча, –
продолжение скрипки.

Над сквозным истязаньем смычка,
где струна погибает нагая –
только блеск ледяного зрачка,
что глядит, не мигая.

ПРОМЗОНА

Над дымящей вечерней промзоной,
там, где шелеста птичьего нет,
обострённым морозом пронзённый,
бездыханный колеблется свет.

Там, где в небо врываются трубы
и трубят неизвестно о ком,
кирпича огрубелые губы
исцелуют меня целиком.

Где пустуют развалины мрака,
где дыхание попало в тюрьму,
человеческим взглядом собака
проводить меня будет во тьму.

ЗВОНАРИ

Скулят собаки в приступе зари,
и колокольный звон стоит в зените.
Безумные седые звонари
пустое небо дёргают за нити.

Тяжёлый звон уходит в облака,
исполненные тающего света,
и только дождь нисходит свысока,
и не дано другого нам ответа

НА ОХОТЕ

Когда вода светла и одинока,
когда звенит прозрачная хвоя,
когда высокая сломалась нота
в несложном механизме воробья,
я рассмеюсь, ведь я грустить не в праве
среди простых задумчивых лесов,
и пёс-товарищ на меня направит
своё короткоствольное лицо.

ПОГАСНЕТ СВЕТ

Погаснет свет, распавшийся на части.
Уснёт вода, задетая крылом.
Я строю стену.
Не успев начаться,
она уже обречена на слом.
Я строю дом, пока верна рука мне.
Смотрю за ним, пока глаза верны.
И слышу я, что в стройном этом камне
свои часы уже заведены.

СПУСТИТСЯ ВОДА

Людской поток сойдёт на нет,
исчезну я и остальные,
когда троллейбус-людоед
раздвинет челюсти стальные.

И поведут нас провода,
за горизонтом пропадая,
и с неба спустится вода,
высокая и молодая.

ОСТАЛСЯ

Снег созревал и злели холода,
воды надтреснутой светилось тело.
Всё, что летать умело – улетело,
и только я остался навсегда.

Зима моя глуха и глубока,
она конца не знает и начала.
Всё, что молчать умело – замолчало,
и только я шепчу тебе: пока.

ТАНЦУЙ

над нами мгновенное небо
ошибочный ветер над нами
но всё же танцуй одичало
одежду роняй как ноябрь
я музыку юности нашей
включу в тишине запылённой
и страшно мне станет: откуда
я музыку старую помню?

я буду смотреть отрешённо
на ноги твои золотые
тяжёлые лёгкие ноги
твои ежедневные ноги
и выйду куда-то наружу
где нет ничего только ветер
пытающийся неумело
окурок с дороги поднять

КАСАЯСЬ

Взлетали солнечные сосны,
прощаясь, таяли огни,
и, лесу сонному соосны,
вращались медленные дни.

И, параллельные разлуке,
скользили льдины по реке,
и тонкие дрожали руки,
касаясь клавиш вдалеке.

МЫ ЗАМИРАЕМ В ЯНВАРЕ

Мы замираем в январе,
Когда прозрачные морозы –
Как замирают в янтаре
Доисторические осы.

Мы замираем, чуть дыша
Морозом, падающим с неба.
Со скрипом нам даётся шаг
По непротоптанному снегу.

Мы не спешим. Пусть сотни лет
Летят, ворон пугая, мимо,
И на застывшей капле мира
Немеркнувший играет свет.

СОДЕРЖАНИЕ

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

Пётр МЕДЯНКА	3

ПРИХОЖАЯ

Александр МЕЛЬНИК	11
Марина ГАРБЕР	18

БЕСЕДКА

Ирина ИВАНЧЕНКО	26
Елена ДОРОФИЕВСКАЯ	31
Наталья БЕЛЬЧЕНКО	39
Марианна КИЯНОВСКАЯ	43
Юлия ПЕТРУСЕВИЧЮТЕ	51

КОРИДОР

Лина КОСТЕНКО в переводах Владимира Артюха	56
Игорь ПАВЛЮК в переводах Евгении Бильченко и Риммы Катаевой	69

ГОСТИНАЯ

Андрей ГРЯЗОВ	91
Михаил КРАСИКОВ	97
Наталья ВАРЕНИК	100
Олег НИКОФ	106

ПОРТРЕТ В ЧЕРНОМ

Василий ДРОБОТ	112
Александр РЕЗНИК	118

ДУЭТ

Андрей ПОЛЯКОВ	124
Маргарита МОСКВИЧЁВА	133

ВЕРАНДА

Литературный клуб «АВТОГРАФ»	142

ОДИНОЧКА

Алексей ЗАРАХОВИЧ	162

КУХНЯ

Ирина БЕРЁЗА	164
Рэна ОДУВАНЧИК	169
Елена СКАЧКО	175

Снежана МАЛЫШЕВА	182
Наталья САВИНА	190
Диана СУШКО	195

КАБИНЕТ

Наиль МУРАТОВ	199
Игорь КАСЬЯНЕНКО	205
Александр ЛЫСЕНКО	213
Антон ПОЛУНИН	217
Леонид КУЛАКОВСКИЙ	223
Олег ДУХОВНЫЙ	229
Александр ЩЕДРИНСКИЙ	233

ДЕТСКАЯ

Виталий МОЛЧАНОВ	240

ГАЛЕРЕЯ

Юлия МЕЛЬНИК	247
Тамила СИНЕЕВА	254
Виктория КОЛЬЦЕВАЯ	260
Мила МАШНОВА	269

У ОЧАГА

Людмила ШАРГА	275
Анна МИХАЛЕВСКАЯ	289
Елена АНДРЕЙЧИКОВА	300
Людмила КРЫЖАНОВСКАЯ	316

СОСЕДИ

Олег ЗАЙЦЕВ	322
Алёна АСЕНЧИК	328
Евгений СТЕПАНОВ	334
Людмила КАЛЯГИНА	338
Татьяна ОРЛОВА-ВОЛОШИНА	343
Евгений КУЗЬМИН	349
Лера ЧЕБОТАРЁВА	354
Галина ИЦКОВИЧ	360
Элина АДРОВА	367
Александр КАРПЕНКО	374
Дмитрий КОЛОМЕНСКИЙ	380
Бах АХМЕДОВ	389
Вера ЗУБАРЕВА	395
Алексей ЗАХАРЧУК	400

«КАШТАНОВИЙ БУДИНОК»

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

Випуск 12

Головний редактор

Андрій Грязов

Випусковий редактор

Олена Шелкова

Редакційна колегія збірки

Сергій Главацький, Діана Сушко, Олександра Шаліна

Обкладинка

Маргарита Москвічова

Верстка

Сергій Главацький

Свідоцтво про реєстрацію №86020 від 25 грудня 2007 року

Видавничий дім Дмитра Бураго

ФОП «Бураго Дмитро Сергійович»

Свідоцтво про внесення до державного реєстру

ДК № 4558 від 05.06.2013 р.

04080, Україна, м. Київ-80, а / с 41

Тел. / факс: (044) 227-38-28, 227-38-48;

e-mail: info@burago.com.ua, site: burago.com.ua